И. Е. Суриков

Аристократия и Демос

политическая элита архаических и классических Афин

Университет
Дмитрия Пожарского

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Огромную роль в общественной жизни древнегреческих государств играли политические элиты различного характера. Поэтому одной из наиболее серьезных проблем, встающих в связи с изучением античного греческого полиса и сложившегося в его рамках социума, является роль политических элит в нем. В книге освещается круг проблем, связанных с местом элит в полисе, их типологией, их механизмами власти и идеологическим обоснованием этой власти. Затронуты такие вопросы, как основные типы полисных элит, методы достижения и сохранения влияния, практиковавшиеся элитами, взаимоотношения элит и гражданского коллектива, их эволюция в связи с изменением общих исторических условий. Территориальные и хронологические рамки книги – Афины VII–IV вв. до н. э. Среди ее героев – такие выдающиеся государственные деятели, как Солон, Фемистокл, Перикл, Алкивиад и др.

Пособие предназначено для студентов исторических и других гуманитарных специальностей, а также для всех, кто интересуется античностью, генезисом европейских политических систем и политических процессов.

- Игорь Суриков
  -
  - Введение
  - Программа курса
    - Тема I. Введение в курс: древнегреческий полис и его элита
      - Лекция 1. Специфика полисного типа государственности
      - Лекция 2. Аристократическая элита Афин: проблемы структурирования
    - Тема II. На вершинах власти: аристократическая элита Афин в VII–VI вв. до н. э.
      - Лекция 3. Архаическая аристократия: механизмы господства
      - Лекция 4. Индивидуализм и коллективизм в архаических Афинах
      - Лекция 5. Реформы Солона и их последствия
      - Лекция 6. Тирания Писистратидов и афинская аристократическая элита
    - Тема III. От архаики к классике: рождение

- афинской демократии и аристократическая элита
  - Лекция 7. Реформы Клисфена и изменение механизмов политического влияния
  - Лекция 8. Аристократическая элита в политической борьбе начала V в. до н. э.
  - Лекция 9. Аристид и Фемистокл
- Тема IV. На пути демократизации: аристократическая элита Афин в середине V в. до н. э.
  - Лекция 10. Общие закономерности переходного периода. Деятельность Кимона
  - Лекция 11. Демократические реформы середины V в. до н. э. и аристократия
  - Лекция 12. «Первый гражданин»
- Тема V. Начало конца: дезинтеграция аристократической элиты в конце V–IV вв. до н. э.
  - Лекция 13. «Новые политики»
  - Лекция 14. Алкивиад – «блистательный анахронизм»
  - Лекция 15. Политические группировки классической эпохи. Афины IV в. до н. э.: демократия без аристократических лидеров. Общая оценка роли аристократической элиты в афинской истории

○ Тематический план спецкурса

○ Тема I. Введение в курс: древнегреческий полис и его элита
-
- Лекция 1. Специфика полисного типа государственности
- Лекция 2. Аристократическая элита Афин: проблемы структурирования

○ Тема II. На вершинах власти: аристократическая элита Афин в VII–VI вв. до н. э.
-
- Лекция 3. Архаическая аристократия: механизмы господства
- Лекция 4. Индивидуализм и коллективизм в архаических Афинах
- Лекция 5. Реформы Солона и их последствия

- Лекция 6. Тирания Писистратидов и афинская аристократическая элита
- Тема III. От архаики к классике: рождение афинской демократии и аристократическая элита
  -
  - Лекция 7. Реформы Клисфена и изменение механизмов политического влияния
  - Лекция 8. Аристократическая элита в политической борьбе начала V в. до н. э.
  - Лекция 9. Аристид и Фемистокл
- Тема IV. На пути демократизации: аристократическая элита Афин в середине V в. до н. э.
  -
  - Лекция 10. Общие закономерности переходного периода. Деятельность Кимона
  - Лекция 11. Демократические реформы середины V в. до н. э. и аристократия
  - Лекция 12. «Первый гражданин»
- Тема V. Начало конца: дезинтеграция аристократической элиты в конце V–IV вв. до н. э.
  -
  - Лекция 13. «Новые политики»
  - Лекция 14. Алкивиад – «блистательный анахронизм»
  - Лекция 15. Политические группировки классической эпохи. Афины IV в. до н. э.: демократия без аристократических лидеров. Общая оценка роли аристократической элиты в афинской истории
- Список источников и литературы
  - 1. Источники
  - 2. Учебники, учебные пособия, хрестоматии, справочная литература
  - 3. Обязательная литература (ко всему курсу)
  - 4. Дополнительная литература
  - 5. Интернет-ресурсы
- Примерная тематика курсовых работ и рефератов
- Контрольные вопросы к зачету

Игорь Суриков
Аристократия и демос: политическая элита архаических и классических Афин

© Суриков И. Е., текст. 2009
© Григоренко М. В., оформление. 2009
© Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009

Введение

Исключительно значительную роль в общественной жизни всех древнегреческих полисов, в том числе и демократических, играли политические элиты различного характера (аристократические, демократические, олигархические и т. д.). В историографии античности этот фундаментальный фактор зачастую недооценивается или принимается во внимание не в полной мере, а между тем он принципиально важен для понимания общего характера политических структур античного мира. Соответственно, одной из наиболее серьезных проблем, встающих в связи с изучением античного греческого полиса и сложившегося в его рамках социума, является роль политических элит в нем. Задачей настоящего курса является освещение актуального и перспективного для изучения, но в целом недостаточно исследованного в антиковедении круга проблем, связанного с местом элит в полисе, их типологией, их механизмами власти и идеологическим обоснованием этой власти. В курсе с большей или меньшей степенью детализации затронуты такие вопросы, как основные типы полисных элит в их взаимном сопоставлении, методы достижения и сохранения влияния, практиковавшиеся элитами, институциональные и неинституциональные факторы положения элит в полисе, соотношение этих факторов, взаимоотношения элит и гражданского коллектива, выявление основных характеристик этих элит в синхронном и диахронном аспекте, их эволюции в связи с изменением общих исторических условий. Очерченная тематика представляется важной и интересной в свете возрастающего в мировой науке интереса к фундаментальным проблемам политической жизни античного мира, одной из которых является проблема элит.

Ограниченный объем курса порождает необходимость наиболее углубленно сконцентрироваться на материале, ограниченном определенными территориальными и хронологическими рамками. Преимущественное внимание будет уделено истории Афин, роли политической элиты (прежде всего аристократической) в общественной жизни афинского полиса. Это обусловлено многими, вполне очевидными обстоятельствами: парадигматичной позицией, которую Афины занимают во всей истории античного греческого мира, наилучшей освещенностью основных этапов эволюции афинской государственности в источниках и др. Что же касается хронологических рамок, то они охватывают собой время формирования полисного строя в

Афинах, складывания афинской демократии и ее успешного функционирования. Иными словами, речь идет об архаической и классической эпохах, а если быть еще точнее – о временном промежутке VII–V вв. до н. э., который, по убеждению автора курса, являет собой некую целостную эпоху в историческом развитии Афин (процессы, имевшие место несколько позже, в IV в. до н. э., затронуты в последней лекции лишь достаточно суммарно, поскольку в эту эпоху основные условия политической жизни сильно изменились, и изменившаяся ситуация должна рассматриваться отдельно).

При написании курса автор опирался на свои предыдущие разработки в данной области, прежде всего на серию монографий по политической истории архаических и классических Афин (см. их перечень в списке обязательной литературы). Разумеется, в этих монографиях соответствующая проблематика трактована более развернуто и детально; к ним мы рекомендуем обращаться тем из читателей, у кого затронутые здесь вопросы вызовут интерес и желание пристальнее изучить их.

Целевой аудиторией данного спецкурса являются в первую очередь студенты старших курсов исторических факультетов вузов, уже избравшие специализацию по истории античности. Курс может рассматриваться в контексте системы специальных курсов и дисциплин, дополняющих и углубляющих знания, полученные студентами в рамках базовой дисциплины «История древнего мира».

Курс, объем которого рассчитан на 30 аудиторных часов, состоит из 15 лекций, объединяющихся в 5 тем (см. программу и тематический план). В качестве формы отчетности по курсу предусматривается зачет.

Программа курса

Тема I. Введение в курс: древнегреческий полис и его элита

Лекция 1. Специфика полисного типа государственности

Формирование феномена древнегреческого полиса. Ахейское дворцовое царство и полис. Власть басилеев и ее ликвидация, появление аристократических режимов.

Определение полиса. Важность категорий гражданина и гражданского коллектива (демоса) для полисного типа государственности. Критерии гражданства. Республиканское устройство полиса, место народного собрания. Полис – государство без бюрократии. Небольшие размеры древнегреческих полисов. Особенности политической жизни и внутриполитической борьбы в полисных условиях: конкретно-ситуативный характер, значение внешнеполитических разногласий.

Полисная система ценностей. Коллективизм и индивидуализм, их сосуществование и противоборство. Формы проявления коллективистских и индивидуалистических тенденций. Стасис. Консерватизм полисного менталитета.

Разнообразие конкретных условий и политических режимов в полисном мире. Вопрос о типологии полисов. Обязательные для всех типов полисов элементы государственного устройства: народное собрание, совет, магистраты.

Лекция 2. Аристократическая элита Афин: проблемы структурирования

Полисный характер древнегреческой элиты эпох архаики и классики. Аристократическая элита (kaloi kagathoi) – исторически первый тип элиты в античной Греции. Рассмотрение ряда предварительных вопросов, связанных с аристократической элитой греческих полисов.

Сущность древнегреческого рода (genos): эволюция точек зрения в историографии. Род и семья. Фактор родства в политической жизни. Межродовые матримониальные связи, коалиции родов.

Генеалогическая традиция аристократов и ее отражение в источниках. Аристократическая генеалогия как средство фиксации и манифестации исторической памяти. Интерес

древнегреческих авторов к генеалогическим сюжетам. Эволюция отношения к патронимику. Генеалогия как механизм аристократического влияния. Проблема исторической ценности и аутентичности аристократических родословных. Генеалогия и просопография; значение просопографических исследований для изучения афинской аристократической элиты.

Тема II. На вершинах власти: аристократическая элита Афин в VII–VI вв. до н. э.

Лекция 3. Архаическая аристократия: механизмы господства

Место эпохи архаики в древнегреческой истории. Рождение греческого полиса. Архаический аристократический полис. Незначительная политическая роль рядовых граждан. Обстоятельства, способствовавшие господству аристократии. Основные элементы аристократического образа жизни. Зависимость демоса от аристократии и усугубление этой зависимости в первой половине архаической эпохи. Изменение ситуации, начало постепенного снижения значения аристократической элиты, факторы этого процесса. Проблема «незнатных богачей». Межаристократическая борьба – ключевой феномен общественной жизни архаических полисов. Противостояние индивидуалистической и коллективистской тенденций в архаической Греции. Раннегреческое законодательство.

Формирование афинской аристократии и роль иммигрантских родов. Евпатриды: проблемы и сложности, связанные с трактовкой термина. Механизмы влияния аристократов в Афинах архаической эпохи. Экономическое могущество знати и его источники. Роль знатных родов в религиозной жизни. Традиционный престиж аристократии. Ее внешние контакты: ксенические связи. Концепция «регионализма» в политической борьбе в архаическом афинском полисе.

Лекция 4. Индивидуализм и коллективизм в архаических Афинах

Борьба индивидуального и коллективного начал. Способы предотвращения стасиса. Политические факторы колонизационного движения. Умеренная олигархия в Коринфе. Сложность структуры афинской аристократической элиты. Аристократия и тирания.

Устройство раннего афинского полиса. Положение Афин в греческом мире в течение архаической эпохи. Иммигрантское происхождение многих влиятельных аристократических родов.

Переход власти от монархии Медонтидов к аристократии, формирование системы магистратур. Органы государственной власти в раннеархаических Афинах: архонты, Ареопаг, народное собрание. Положение демоса; его закабаление аристократами. Складывание кризисной ситуации во второй половине VII в. до н. э. Мятеж Килона и законодательство Драконта.

Лекция 5. Реформы Солона и их последствия

Аристократическое происхождение и аристократическое мировоззрение Солона. Солон и Алкмеониды. Солоновская амнистия. Предоставление Солону чрезвычайных полномочий, его реформы. Учреждение гелиеи, Совета Четырехсот и значение этих нововведений. Компромиссный характер деятельности Солона. Положение в Афинах после солоновских реформ. Установление тирании Писистрата. Историческое значение Солона.

Аристократический стасис и тирания. Общая характеристика архаической тирании. Средства легитимации тиранами своего положения. Тирания и индивидуалистическая тенденция в общественной жизни. Способы прихода тиранов к власти. Тиран и полис: ситуация диархии. Роль личной харизмы тирана. Тираны, аристократия и демос. Оценка исторического значения Старшей тирании.

Лекция 6. Тирания Писистратидов и афинская аристократическая элита

Ранние попытки установления тиранической власти в Афинах. Изменение условий после солоновских реформ и генезис тирании Писистратидов. Происхождение и статус Писистрата. Писистрат и Диакрия. Начало политической и полководческой деятельности Писистрата. Три региональные группировки в Аттике VI в. до н. э. (педиеи, паралии, диакрии) и их характер. Захват Писистратом власти в афинском полисе и реакция аристократии. Писистрат и Алкмеониды. Изгнание Писистрата и его возвращение.

Отзывы античной традиции о тирании Писистрата. Писистрат и «солоновская конституция». Писистрат и демос. Писистрат и аристократы. Значение деятельности Писистрата для консолидации афинского полиса и возрастания его роли в греческом мире.

Правление сыновей Писистрата. Примирение Гиппия с аристократическими родами. Заговор Гармодия и Аристогитона и

изменение внутриполитического курса Гиппия. Свержение тирании в Афинах и возобновление межаристократической борьбы.

Тема III. От архаики к классике: рождение афинской демократии и аристократическая элита

Лекция 7. Реформы Клисфена и изменение механизмов политического влияния

Аристократы и складывание политической системы афинской демократии. Прогрессивная роль аристократии в архаической и классической Греции. Аристократы и олигархи.

Политическая борьба в Афинах конца VI в. до н. э.: Клисфен и Исагор. Значение должности первого архонта. Апелляция Клисфена к демосу и программа демократических реформ. Попытка спартанского вмешательства во внутренние дела Афин. «Афинская революция». Личность Клисфена и сущность его реформ, связанные с этим проблемы и сложности. Итоги деятельности Клисфена. Резкая активизация демоса в политической жизни. Афинская аристократия и реформы Клисфена: существенное изменение механизмов власти. Постановка политической активности аристократов под контроль демоса. Начало процесса, приведшего к вытеснению аристократов из политики.

Лекция 8. Аристократическая элита в политической борьбе начала V в. до н. э.

Закон Клисфена об остракизме и исторический контекст его принятия. Остракизм и тирания. Остракизм и демос. Отношение демоса к тирании в первые годы демократии. Остракизм как средство контроля гражданского коллектива над аристократией. Изменение функций остракизма: остракизм как инструмент политической борьбы между аристократами.

Греко-персидские войны и внутриполитическая борьба в Афинах начала V в. до н. э. Главные политические группировки и их позиции во внешнеполитических вопросах (отношение к Персии и Спарте). Группировка сторонников Писистратидов. Группировка Алкмеонидов. Группировка Фемистокла. Прибытие в Афины Мильтиада и создание им своей группировки. Мильтиад в политической борьбе 490-х гг. до н. э. Мильтиад, Персия и Спарта. Марафонское сражение. Опала Мильтиада. Общая оценка деятельности Мильтиада: аристократический лидер, не сумевший

приспособиться к реалиям демократической эпохи.

Лекция 9. Аристид и Фемистокл

Становление афинской демократии «от Клисфена до Эфиальта». Роль морской программы Фемистокла в этом процессе. Реформа архонтата 487 г. до н. э. и ее последствия. Исторический контекст перемен: изменения в составе политических группировок после Марафонского сражения. Разгром группировок Писистратидов и Мильтиада, ослабление Алкмеонидов, резкое возрастание влияния группировки Фемистокла. «Биполярная» тенденция в политической жизни.

Политическая позиция Аристида: «политик вне группировок». Роль Фемистокла и Аристида в реформе архонтата. Остракизмы 480-х гг. до н. э.: успешная борьба Фемистокла против своих конкурентов. Роль «персидского вопроса» в первых остракизмах и выраженно антиперсидская линия Фемистокла. Причины интенсификации применения остракизма. Фемистокл – простат демоса. Упадок его влияния в 470-х гг. до н. э. Создание коалиции аристократических родов, направленной против Фемистокла. Остракизм и осуждение Фемистокла. Общая оценка его политической карьеры.

Тема IV. На пути демократизации: аристократическая элита Афин в середине V в. до н. э.

Лекция 10. Общие закономерности переходного периода. Деятельность Кимона

Аристократы во главе политических группировок. Была ли афинская аристократия антидемократической по убеждениям и имела ли идеология демоса антиаристократический характер? Интеграция аристократов в демократический полис. Гражданский коллектив и лидеры.

V в. до н. э. как переходный период от аристократического господства к окончательной форме демократии. Демос и аристократия в V в. до н. э.: элементы диархии. Разграничение властных полномочий между демосом и аристократами. Аристократическая демократия. Механизмы и приемы политической борьбы в переходный период в сопоставлении с предшествующей и последующей эпохами. Общеполисная (городская) и локальная (сельская) политическая элита.

Приостановка процесса радикализации демократии в период лидерства Кимона. Кимон как сторонник «патерналистской» демократии. Кимон и Ареопаг. Механизмы политического влияния: Кимон как предшественник Перикла. Опала Кимона.

Лекция 11. Демократические реформы середины V в. до н. э. и аристократия

Новый этап демократизации афинского полиса в конце 460-х-450-х гг. до н. э. Лидеры демократической группировки: Эфиальт и Перикл. Реформа Ареопага и ее оценка. Реформы Перикла. Введение мистофории. Мистофория и форос. Нововведения в сфере судопроизводства: переход к тайному голосованию судей в гелиее, назначение членов судебных коллегий по жребию. Общее увеличение роли жеребьевок в политической жизни. Античная демократия и принцип жребия. Активизация деятельности народного собрания, постройка экклесиастерия на Пниксе. Падение значения солоновских имущественных классов. Введение института «судей по демам».

Закон Перикла о гражданстве 451/450 г. до н. э. Содержание, сущность, историческая роль закона. Превращение гражданского

коллектива демократических Афин в привилегированное сословие «избранных», ужесточение критериев гражданского статуса. Негативные последствия закона Перикла о гражданстве для аристократов. Противостояние Перикла и Кимона. Аристократическая оппозиция Фукидида, сына Мелесия. «Периклов век» и продолжение ослабления аристократии.

Личность и происхождение Перикла. Перикл и Алкмеониды. Начало политической деятельности Перикла. Причины его «демократического выбора». Особенности характера и мировоззрения Перикла.

Лекция 12. «Первый гражданин»

Борьба Перикла с Кимоном в 460-х гг. до н. э. Остракизм Кимона и убийство Эфиальта. Выдвижение Перикла на первый план в политической жизни Афин и его демократические реформы. Борьба Перикла с Фукидидом, сыном Мелесия. Гетерия Фукидида. «Новый стиль» политического поведения Перикла: разрыв родственных и дружеских связей в политике, отчуждение от Алкмеонидов, претензия на выражение интересов всего гражданского коллектива. Остракизм Фукидида, сына Мелесия, и переход к фактическому единовластию Перикла. Институциональные и неинституциональные основы лидерства Перикла. Личная харизма и рационализм. Была ли демократия при Перикле «управляемой»? Нарастание рационалистических элементов в политической жизни Афин «Периклова века».

Ослабление позиций Перикла в конце 430-х гг. до н. э. Судебные процессы против лиц из его окружения. Перикл и начало Пелопоннесской войны. Оборонительная тактика Перикла. Надгробная речь Перикла в 431 г. до н. э. Эпидемия в Афинах и опала Перикла. Конец «Периклова века», нарастание иррациональных настроений. Душевный кризис Перикла и его кончина. Общая оценка деятельности Перикла, его роль в сломе традиционной аристократической ментальности.

Тема V. Начало конца: дезинтеграция аристократической элиты в конце V–IV вв. до н. э.

Лекция 13. «Новые политики»

Утрата аристократией своей политической роли. Значение деятельности Перикла и событий Пелопоннесской войны для этого процесса. Вырождение аристократии. Нарастание элементов охлократии в политическом устройстве Афин. Преемники Перикла. Появление «новых политиков», важнейшие характеристики этой группы политических лидеров. Элита аттических демов и «новые политики». Проблема соотношения понятий «новые политики» и «демагоги». Различие идеологических позиций «новых политиков».

Клеон как типичный образец «нового политика». Отрицательная оценка Клеона в античной нарративной традиции и субъективность этой оценки. Стиль политического поведения Клеона. Клеон и демос. Роль Клеона в атаках на Перикла в последние годы его жизни. Перикл и Клеон: общие и отличительные черты.

Никий – противник Клеона. Положительная оценка Никия в античной нарративной традиции. Перикл и Никий: общие и отличительные черты. Происхождение и социальный статус Никия.

Лекция 14. Алкивиад – «блистательный анахронизм»

Внутренняя нестабильность и идейное брожение в Афинах эпохи Пелопоннесской войны. Алкивиад – яркий представитель кризисной эпохи. Аристократическое происхождение Алкивиада. Алкивиад и Перикл. Юность Алкивиада, формирование его личности. Алкивиад и Сократ. Начало политической деятельности Алкивиада. Алкивиад и Никий. Алкивиад и Сицилийская экспедиция. Судебные процессы о повреждении герм и о профанации мистерий. Осуждение Алкивиада. Алкивиад в Спарте. Алкивиад во главе афинского флота в последний период Пелопоннесской войны. Триумфальное возвращение Алкивиада в Афины и назначение его стратегом-автократором. Алкивиад и тирания. Новая опала Алкивиада. Алкивиад в Персии. Алкивиад и Критий. Гибель Алкивиада. Общая оценка его

личности и деятельности: последний аристократический лидер в демократическом окружении.

Лекция 15. Политические группировки классической эпохи. Афины IV в. до н. э.: демократия без аристократических лидеров. Общая оценка роли аристократической элиты в афинской истории

Гетерии в период Пелопоннесской войны. Вопрос об общем характере политической борьбы в Афинах. Были ли афинские политические группировки «партиями»? Личностный фактор в группировках. Конкретно-ситуативный характер политической жизни. Размеры группировок. Задачи и функции афинских гетерий, методы их деятельности. Оппозиционность гетерий по отношению к существующему государственному устройству.

Олигархические перевороты конца V в. до н. э. и восстановление афинской демократии. Перемены в характере политической жизни в IV в. до н. э. Идея «власти закона». Смена состава политической элиты, исчезновение аристократии из общественной жизни. Конец «аристократической демократии». Полицентризм политической жизни. Амнистия 403 г. до н. э. Ораторы и стратеги в IV в. до н. э.

Роль аристократических ценностей и традиций в классической афинской демократии. Концепции аристократической идеологии и их усвоение демосом. Демос – «новая аристократия» Афин.

Тематический план спецкурса

№	Наименование темы	К-во часов по учебному плану	К-во аудиторных часов	Из них, час.		
				Лекции	Семинары	Самостоятельная работа
1	Введение в курс: древнегреческий полис и его элита	8	4	4		4
2	На вершинах власти: аристократическая элита Афин в VII—VI вв. до н.э.	16	8	8		8
3	От архаики к классике: рождение афинской демократии и аристократическая элита	12	6	6		6
4	На пути демократизации: аристократическая элита Афин в середине V в. до н.э.	12	6	6		6
5	Начало конца: дезинтеграция политической элиты в конце V — IV в. до н.э.	12	6	6		6
	Всего	60	30	30		30

Тема I. Введение в курс: древнегреческий полис и его элита

Лекция 1. Специфика полисного типа государственности

Рассматривая любую проблему истории античной Греции, в том числе и проблему политических элит, начинать приходится неизбежно с обращения к тематике полиса, поскольку все ключевые особенности политической жизни интересующего нас общества связаны в первую очередь с тем, что это общество имело полисный характер.

Чтобы понять, как возник полисный мир, как сложился полис, необходимо обратиться к конкретным обстоятельствам и предпосылкам их формирования. В рамках ахейской цивилизации II тыс. до н. э. еще не был выработан уникальный феномен полиса; политические формы были более традиционными. Главной из этих форм (если не единственной) являлось дворцовое царство. Оно при сравнении с позднейшим полисом выглядит более крупным государственным объединением. Более крупным даже не столько в плане территориальном (дворцовые царства были разными по размеру, среди них должны были встречаться и относительно обширные, и очень небольшие, к тому же, строго говоря, в большинстве случаев неизвестно, где проходили границы между ними), сколько в плане структурном: полис – одна отдельная община, а дворцовое царство было объединением ряда сельских общин под верховной властью владыки дворца – анакта (тогдашний царский титул).

В политико-административной системе ахейских дворцовых царств для нас особенно интересна должность, именовавшаяся «басилей». Во II тыс. до н. э. эта должность не была еще высокой и обозначала, скорее всего, главу отдельной сельской общины, подчиняющегося верховной власти анакта, то есть занимавшего фактически место чиновника в бюрократическом аппарате государства, одного из звеньев административной цепочки. Басилей был чем-то вроде сельского старосты; под контролем анакта могли находиться несколько десятков басилеев.

Катастрофические этномиграционные процессы рубежа II–I тыс. до н. э. стали катализатором падения ахейских дворцовых царств. Вся «дворцово-бюрократическая» надстройка над обществом рухнула, подобно карточному домику. Дворцы были сожжены или разрушены; исчезла (сохранившись только на отдаленном Кипре) слоговая письменность, применявшаяся исключительно для нужд дворцового хозяйства. Однако мир сельских общин, входивший в состав ахейских государств,

естественно, никуда не делся, он продолжал существовать. Если можно так выразиться, анакты исчезли, но басилеи остались. Они-то и стали теперь высшей, ни от кого не зависящей властью, «последней инстанцией».

С социума был как бы снят самый верхний этаж. И этот социум распался, расчленился, превратился в конгломерат мелких сельских общин, пестрый и в то же время единообразный. Каждая такая община представляла собой деревню или в лучшем случае поселок, окруженный сельскохозяйственными угодьями, но все они гордо называли себя полисами, то есть «городами», хотя в стадиальном плане они были, если пользоваться современным определением, скорее протополисами. Как бы то ни было, эти общины пользовались полной самостоятельностью и в этом смысле являлись уже зачатками будущих классических полисов. Дальнейшее их развитие было развертыванием потенций, изначально заложенных в самом феномене.

Главой полиса оказывался басилей. Но, как бы этот последний ни пытался уподобиться былому ахейскому анакту, в его распоряжении уже не было столь же мощных властных механизмов. Потестарные структуры (прото)полисов эпохи «темных веков» еще не шагнули на уровень государственности. Соответственно, власть басилеев являлась весьма рыхлой и примитивной; иной она не могла и быть. Характерно, что применительно к некоторым полисам этого времени в источниках фигурирует не один, а несколько басилеев. Так обстоят дела на мифической Схерии в «Одиссее» Гомера, где Алкиной – лишь «первый среди равных». О «царях» (то есть басилеях) во множественном числе говорит Гесиод в «Трудах и днях». В ранних Афинах, насколько можно судить, басилеев тоже было несколько. Во всяком случае, в самом раннем известном документе из этого полиса – законе Драконта об убийстве 621 г. до н. э. (Meiggs-Lewis, No. 86) – речь идет именно о «басилеях».

Почему в одном полисе появляются несколько басилеев – вопрос сам по себе непростой. Возможны несколько вариантов развития. В их числе – слияние нескольких общин в одну, то есть процесс так называемого синойкизма. В Афинах как раз ситуация была именно такой, в результате чего возник очень крупный полис, охватывавший собой всю Аттику. Сами афиняне считали свой синойкизм волевым и единоразовым актом легендарного Тесея, но в действительности он проходил на протяжении длительного времени – в период «темных веков» и ранней архаики, завершившись к началу VII в. до н. э. присоединением Элевсина.

Какова при синойкизме была судьба басилеев, лидеров

сливающихся общин? Каждый из них, несомненно, получал свою долю власти в складывающемся политическом объединении, сохраняя свой «царский» титул. Вероятно, басилеи (или, по крайней мере, часть их) переселялись теперь в главный центр полиса. В частности, в Аттике они перебрались в Афины, внеся вклад в формирование аристократического сословия евпатридов. Наверняка пережитком подобного положения вещей являлось существование в афинском полисе архаической эпохи института филобасилеев – «царей» четырех фил. Сразу после объединения они должны были подчиняться одному верховному, общеполисному басилею, представителю династии Медонтидов.

Возможны, впрочем, и другие варианты ответа на вопрос о множественности басилеев. Не исключено, например, что это, так сказать, «принцы крови», отпрыски разросшегося царского рода, осуществляющие коллективное управление. Существует, насколько нам представляется, и еще одна возможность: усиливавшаяся аристократия, не имевшая царского происхождения, чем дальше, тем больше ограничивала власть царей, отнимая у них одну за другой важнейшие функции и, соответственно, заставляя «делиться» также титулом.

Нечто подобное происходило на протяжении довольно длительного исторического отрезка в Афинах первых веков I тыс. до н. э. Единая первоначально власть царя начала дробиться. Более употребительным для обозначения этой власти стал новый титул – не «басилей» (царь), а «архонт» (правитель, начальник). В конечном счете на смену единому монарху пришла коллегия из трех, а затем (к VII в. до н. э.) – из девяти архонтов. Параллельно развертывались еще два процесса. Одним из них было поступательное сокращение срока пребывания архонтов у власти – от пожизненного до десятилетнего (в 753 г. до н. э.), а затем до годичного (в 683 г. до н. э.). Другой процесс – расширение круга лиц, имеющих право на занятие этой должности. В конце VII в. до н. э. такое право получили не только члены рода Медонтидов, но и все евпатриды (кстати, получается, что до того за ограничение власти царя боролись его же родственники).

Таким образом, увеличение количества басилеев (или правителей с аналогичными полномочиями, но уже не называвшихся басилеями) в рамках одного полиса – результат действия разных причин. Скорее всего, даже в каждой отдельно взятой общине эти причины действовали вместе, в совокупности и том или ином соотношении. Как бы то ни было, конечный итог повсюду вполне ясен: на смену монархии повсеместно пришла олигархия, правление более или менее узкого круга аристократов. Где-то это случилось в ходе синойкизма, где-то –

из-за разрастания царского рода (Басилиды в Эфесе, Бакхиады в Коринфе), где-то другие знатные роды вынудили басилеев к уступкам. Но в целом процесс шел по всему греческому миру, причем приблизительно в одни и те же сроки. К началу архаической эпохи мы уже почти повсеместно застаем в полисах Эллады аристократические режимы.

Происходила децентрализация власти, придание ей коллективного характера. Как в свое время на смену анактам пришли басилеи, так теперь их место у кормила полисов заняли аристократы. Эта тенденция продолжалась и в дальнейшем, приведя в конце концов к появлению в ряде полисов (хотя отнюдь не во всех) демократического устройства: аристократов, которые оттеснили басилеев, теперь в свою очередь оттеснил демос – вся масса граждан. Так и формировался феномен греческого полиса, постепенно обретая присущие ему черты.

* * *

Здесь не будет подробно рассматриваться дискуссионный вопрос об определении полиса. Полис – весьма сложное понятие, и любая попытка определения этого феномена порождает значительные трудности, ни одно из дававшихся определений не является общепринятым. Нам ближе всего определение полиса как городской гражданской общины, конституирующей себя в качестве государства. Как можно видеть, в этом определении делается особенный акцент на роли гражданского коллектива, которая действительно была основополагающей для полисного типа государственности. Не случайно в правовой теории и практике греческого мира полис как государство осознавался именно в качестве совокупности своих граждан.

В связи со сказанным становится понятным, почему для постижения сущности полиса особенно важна категория гражданина. Эта категория, в сущности, была новаторской; она появилась в широких масштабах и стала общераспространенной как раз в греческом полисном мире (если мы и встречаем что-то подобное на Древнем Востоке, то лишь в зачаточном виде и как побочный, второстепенный статус, а доминирующим там всегда оставался статус подданного).

В греческих же полисах именно граждане в своей совокупности составляли народ (demos). Сразу следует отметить, что сама концепция народа при всей своей кажущейся простоте и понятности отнюдь не на всем протяжении человеческой истории имела одинаковое наполнение и одинаковые коннотации.

Достаточно проиллюстрировать это несколькими примерами. В нашем, современном понимании народ (если брать это понятие в строгом техническом смысле) – это совокупность всех жителей данного государства. В понимании, скажем, средневековом народ – совокупность низших общественных слоев: феодал оскорбился бы, если бы его причислили к народу. Античное, полисное понимание не совпадает ни с современным, ни со средневековым. Оно подразумевает, что народ – совокупность граждан, лиц, пользующихся неотъемлемыми гражданскими, в том числе политическими правами. Иными словами, получается, что народ в данном понимании – это как бы высший слой общества; лица более низкого статуса из него исключались.

Наряду с гражданами, с народом на территории полиса жили и другие лица, не пользовавшиеся гражданскими правами (рабы, переселенцы-метэки, женщины). Все эти люди, разумеется, не могли не быть частью общества. Но, как видим, при всем том они не входили в состав гражданской общины, в состав полиса, а следовательно, парадоксальным образом не причислялись к понятию народа.

Членами этого последнего были только совершеннолетние свободные мужчины, да и то не все, а лишь удовлетворявшие определенным требованиям. Важнейшим из этих требований являлось происхождение, по меньшей мере по прямой мужской линии, от предков-граждан. С выходцами из других городов и их потомками любой – без исключения – полис делился гражданскими правами в высшей степени неохотно; в доэллинистическое время случаи предоставления статуса гражданина (политии) «чужеземцу», пусть даже и такому же греку, были единичными и обусловленными, как правило, исключительными обстоятельствами. Были и другие критерии гражданина (владение земельным наделом, служба в войске). Но эти критерии были скорее «идеальными», чем обязательными, и допускали большее количество исключений. Гражданин, не участвующий в военных мероприятиях полиса, равно как и безземельный гражданин, был, конечно, не нормой, но сказать, что таковых не было вообще, означало бы погрешить против фактов. А вот критерий происхождения принимался во внимание неукоснительно; «обойти» его можно было только через специальное решение ad hominem (причем не получавшее силу прецедента), принятое высшей и последней инстанцией – народным собранием.

В классическом полисе, таким образом, приобрело очень выраженную форму противопоставление граждан прочим категориям населения. Гражданский коллектив был в известной

степени некой замкнутой кастой, держащей в своих руках всю власть в государстве. Можно назвать полис корпорацией граждан, сплотившейся перед лицом всего остального мира – как окружавшего полис, так и «проникавшего» в него в лице жителей без гражданских прав.

Именно колоссальной важностью категорий гражданина и гражданства – важностью, которую невозможно переоценить, – обусловливались основные особенности полисного типа государственности. В рамках греческого полиса, пожалуй, впервые в мировой истории сложилось правильное и стабильное республиканское устройство. Это определилось с полной ясностью после устранения басилеев и придания органам власти коллегиального характера. Высшим из этих органов власти, верховным носителем государственного суверенитета являлось народное собрание, то есть собрание граждан. Во всяком случае, так было в идеале, в теории. В реальной жизни в различных полисах и на разных этапах их развития степень активного участия широких масс гражданского населения в политической жизни была, конечно, неодинаковой. В одних случаях власть народного собрания становилась вполне реальной, в других – оставалась номинальной. Тем не менее в принципе сама сущность полиса подразумевала, что верховная власть находится в руках коллектива граждан, воплощением которого выступает народное собрание.

Характернейшей чертой полисного типа государственности было то, что он не предусматривал каких-либо особых органов власти, оторванных от народа. Полисы были в полном смысле слова государствами без бюрократии, а их должностные лица (магистраты) выбирались гражданами путем голосования (или же с помощью жребия, считавшегося проявлением воли богов). Общество и государство в рамках полиса никак не были отделены друг от друга. Многие особенности полисного государственного устройства проистекали из того, что гражданская община как бы «растворила» внутри себя государственные структуры.

Естественно, что при всех вышеописанных условиях греческие полисы могли быть лишь очень небольшими по территории и особенно по населению. Если не говорить об исключениях, наиболее крупных, нетипичных полисных государствах (таких, как Спарта, Афины, Элида), у типового полиса население составляло не сотни и даже не десятки тысяч человек, а просто тысячи (бывало и меньше). Такой полис можно было полностью обойти из конца в конец за несколько часов или, поднявшись на какой-нибудь холм, увидеть весь его целиком. А все граждане должны были знать друг друга в лицо; это считалось важным

требованием к «идеальному» полису.

Нужно отрешиться от представления, согласно которому вся полисная Греция была похожа на Афины, Спарту или Коринф. В политической жизни греческого мира тон задавали, безусловно, эти полисы-гиганты, но в структурообразующем плане нормой были отнюдь не они, а маленькие гражданские общины. Эта «миниатюрность» полиса была в известной мере задана рядом обстоятельств экономического, политического и культурного характера. Среди этих обстоятельств – и составлявшая постоянную проблему для большинства полисов стенохория, недостаток пригодных для возделывания земель (особенно в условиях тех областей, где полисы находились буквально вплотную друг к другу, ни один из них не мог расти больше, чем позволяли соседи), и необходимость сохранения и поддержания гражданского коллектива как некоего реального единства (в чрезмерно разросшемся полисе он уже переставал быть таким единством, превращался в фикцию, народное собрание переставало быть подлинным воплощением общины граждан), и некоторые особенности греческого мировосприятия.

Не будет преувеличением сказать, что полис как бы сам обозначал себе пределы, ставил в какой-то момент точку в собственном расширении. Для каждого конкретного полиса эти пределы роста, разумеется, были неодинаковыми. Для Афин они совпали с пределами Аттики. После ее объединения афинский полис несколько раз инкорпорировал в себя только очень небольшие территории (Саламин, Элевтеры), а в целом опирался на иные формы экспансии (эксплуатация союзников по Афинской архэ, выведение клерухий и колоний). Для Спарты точкой в расширении полисной хоры стало покорение Мессении, в дальнейшем она устанавливала с побежденными полисами отношения неравноправного союза, а не присоединяла их. Да, собственно, Спарта, насколько можно судить, уже переросла необходимые пределы, превзошла заданную ей меру, и отсюда – все трудности, которые это государство в дальнейшем испытывало, и все перипетии его странной судьбы. Ну а для большинства полисов этот предел расширения должен был наступать едва ли не сразу же после их возникновения. Приходилось переходить с экстенсивного пути развития на интенсивный, что в цивилизационном плане, конечно же, было благом.

А теперь задумаемся: как должна была выглядеть политическая жизнь в государстве с несколькими сотнями или даже несколькими тысячами граждан? Она могла иметь только глубоко личностный характер. Все члены гражданского

коллектива были знакомы друг с другом и в принципе знали, чего друг от друга ожидать, кто на что способен и т. п. Естественные лидеры должны были в подобных микроколлективах выделяться сразу. И политика ценили по его реальным достоинствам, а не по занимаемой им позиции.

Вообще ключевым вопросом политической борьбы в нормальных условиях типичного полиса было, насколько нам представляется, отнюдь не социально-политическое устройство (аристократия, демократия, олигархия, тирания и т. п.). Строго говоря, такие понятия, как «демократическая группировка», «олигархическая группировка» (даже если не употреблять слова «партия»), на наш взгляд, являются применительно к полису не вполне корректными и модернизирующими ситуацию. Политическая борьба была значительно более конкретно-ситуативной, и основные конфликты происходили не по поводу идеологических абстракций, а в результате несогласия по совершенно определенным, близким и понятным для основной массы граждан вопросам. Отношения личной дружбы и вражды между отдельными влиятельными индивидами и семьями занимали весьма значимое место в политической «системе координат».

Помимо прочего, чрезвычайно важную, подчас даже главную роль играли внешнеполитические разногласия. При этом следует подчеркнуть, что для граждан полиса внешняя политика не была чем-то достаточно далеким и абстрактным, вызывающим чисто «спортивный» интерес, как для жителей современных государств. Во-первых, они непосредственно, собственными руками вершили эту внешнюю политику, определяли все шаги полиса на межгосударственной арене, в то время как ныне данная сфера является наиболее изъятой из прямого участия масс населения и отданной в компетенцию профессиональных дипломатов. Во-вторых, внешняя политика опять же имела вполне личностный характер. Отдельные знатные роды имели тяготения или пристрастия родственного, дружеского и иного (в том числе и экономического) характера, часто на ксенической или матримониальной основе, именно во внешнеполитическом плане, внутри греческого мира и даже за его пределами. Это и определяло позицию группировки, складывавшейся вокруг представителей данного рода. Внешняя ориентация диктовалась, разумеется, как аристократической традицией, так и конкретной ситуацией, причем роль последнего фактора по мере изменений, происходивших в окружающем мире, возрастала.

* * *

В полисном мире сложилась адекватная ему, вполне определенная система ценностей. Всякому, кто рассматривает полисную идеологию, прежде всего бросается в глаза присущий ей коллективизм, ставший основополагающей общественной ценностью как в теоретических построениях мыслителей, так и в практическом поведении массы граждан. Полис, община, коллектив осознавался как начало всех начал. При этом речь идет не об абстрактной идеологеме. Современные государства ввиду их крупных размеров воспринимаются их жителями в значительной мере как абстракции. Не так было в греческом мире. Полис представал перед глазами своих граждан как величина вполне конкретная. Зачастую он, как говорилось выше, был полностью обозрим с какого-нибудь одного места.

Вполне оправданно считалось, что отдельный индивид живет и пользуется всеми благами свободы и культуры лишь постольку, поскольку существует его полис и поскольку он является гражданином этого полиса. По сути дела, человек считался полноценным лишь тогда, когда он входил в какой-нибудь полисный коллектив; вне его он становился изгоем, влачащим безрадостное существование, лишенным важнейших прав – прав политических. Конечно, не следует забывать и об институте метэков – лиц, живших на территории полиса без прав гражданства, но и не абсолютно бесправных. Статус метэков имели в Афинах, помимо прочих лиц, такие выдающиеся деятели культуры, как Анаксагор, Геродот, Лисий, Аристотель. Однако даже само безопасное пребывание метэков в полисе обусловливалось не какими-то незыблемыми установлениями закона, а, если так можно выразиться, «снисходительностью» режима. При демократии положение метэков было, в общем, вполне приемлемым. Но, как только к власти пришла олигархия Тридцати, на них обрушились беспощадные репрессии, и не существовало каких-то правовых норм, способных их защитить.

Итак, благо общины обусловливало благо каждого ее гражданина, и это вполне осознавалось. Отсюда – налицо бесспорный приоритет общего над частным, выражавшийся, в частности, в необходимости полисной солидарности, то есть совместного действия всех граждан полиса для достижения тех или иных общих целей. Эта полисная солидарность была одновременно и правом, и обязанностью граждан, вплоть до того, что они в массовом порядке, не на словах, а на деле ставили интересы полиса выше личных. Отсюда – появление в архаическую эпоху патриотизма, подчеркнем, именно полисного, а не общегреческого.

Однако коллективизм – это, так сказать, лишь одна сторона

медали. Он ни в коей мере не предполагал (во всяком случае, в подавляющем большинстве полисов, по сути дела, за единственным исключением Спарты, где коллективистское начало одержало полную победу) полного, тоталитарного подавления личности государством. Отнюдь не способствовало такому подавлению и то обстоятельство, что, как мы видели, государство в полисном мире не являлось особой структурой, оторванной от граждан, от общества и абсолютизированной.

Коллективизм, при всей несомненности своих проявлений, отнюдь не был всевластным; он сосуществовал в диалектическом противоборстве с индивидуализмом, с высокой ценностью личности (нет никакого сомнения, что эта ценность в Греции и в античном мире в целом была значительно выше, нежели на Древнем Востоке). Более того, в эпоху архаики, когда формировался полис, наряду с коллективистскими в той же мере возрастали и индивидуалистические тенденции. Можно сказать, что VIII–VI вв. до н. э. были временем не только «рождения полиса», но и «рождения личности».

На этих-то индивидуалистических тенденциях и стоит, очевидно, остановиться подробнее. Наиболее ярко индивидуализм проявился в т. н. агональном духе, в состязательности, соревновательности, пронизывавшей собою всю жизнь греков и оказавшей необычайно плодотворное воздействие на их культуру, определив ее самобытность и неповторимость. Буквально любая сфера деятельности – от изготовления глиняных ваз до сложения стихов – становилась в Греции полем для состязания. Вполне закономерен тот факт, что именно в рамках древнегреческой цивилизации впервые в мировой истории появился спорт, атлетика как самостоятельный феномен.

Само по себе возвышение значения личности стало, безусловно, позитивным фактором развития цивилизации. Однако, выходя за определенные рамки, индивидуализм был способен подорвать целостность и стабильность гражданского коллектива, нанести удар по полису как социокультурной системе. Особенно ярко это проявлялось в области политической борьбы. Именно из-за того, что каждый полис был полон яркими личностями аристократического происхождения и статуса, каждая из которых стремилась ни в чем не уступать остальным, превзойти их, конфликты во внутриполитической жизни были, как правило, весьма острыми, приводили к многолетним периодам гражданской смуты (стасиса). Нередко в архаическую эпоху, а впоследствии – в позднеклассическую, борьба заканчивалась приходом к власти «сверхличности» – тирана. Тирания, таким образом, была характерным проявлением

индивидуалистической тенденции в общественной жизни.

Коллективизм и индивидуализм отнюдь нельзя назвать мирно уживавшимися тенденциями; они находились в постоянном, но плодотворном конфликте. Именно в этом конфликте и выкристаллизовывалась древнегреческая цивилизация, обретая все характерные для нее черты.

Полис стремился наложить определенные ограничения на те действия аристократических личностей, которые слишком уж противопоставляли их общине. Так, письменные своды законов, вводившиеся в греческих государствах в период формирования полисных структур, имели одной из главных целей именно определить некие одинаковые рамки для всех граждан, положить предел безудержному индивидуализму.

В результате всех вышеописанных процессов и сформировался менталитет гражданина древнегреческого полиса. Классическая полисная цивилизация в период своего расцвета характеризовалась динамичным равновесием между общим и частным, между единством общественного целого и свободным многообразием индивидов с их интересами, между традицией и новизной, не исключавшими друг друга, а сочетавшимися в творческом синтезе. Личность (во всяком случае, в идеале) проявляла себя в нерасторжимой связи с коллективом и, еще не противопоставляя себя ему и не ощущая своих противоречий с ним, пользовалась своей свободой и самостоятельностью на благо этого же общества. Когда противоречия между индивидом и коллективом начали ощущаться и становиться предметом рефлексии, это был уже симптом кризиса классического полиса.

Для полисного менталитета, сложившегося под влиянием вышеописанных факторов, был характерен ряд важных черт, на которых мы здесь подробно останавливаться не будем. Пожалуй, отметим только, что полисной системе ценностей были свойственны консерватизм, ориентация на обычаи старины, на «добрые нравы предков», стремление придать даже любым реформам и новшествам вид возвращения к древним порядкам. Без этого реформы и преобразования воспринимались в целом негативно. Кстати говоря, в этом консерватизме полисного менталитета, в его, так сказать, обращенности к прошлому, а не к будущему, – одна из немаловажных причин того, что концепция исторического прогресса в Греции хотя и сложилась, но почти никогда не была доминирующей (за исключением разве что «Периклова века»), по большей части уступая ведущее место концепциям циклизма или даже регресса (как у Гесиода).

* * *

Необходимо оговорить, что все сказанное выше о полисе, его основных чертах и характеристиках имеет в виду в определенной степени полис теоретический, «идеальный»; в нашем изложении сведены воедино принципиальные черты, по-разному, в том или ином соотношении проявлявшиеся в реальной жизни фактически существовавших полисов. При этом, безусловно, при наличии общих тенденций историческое развитие конкретных полисов имело немаловажные особенности. Греческий мир в целом был полем большого разнообразия условий и ситуаций при общей полисной основе. Это разнообразие проявлялось и в плане экономическом (всецелое преобладание сельского хозяйства или более значительная роль ремесла и торговли), и в социально-политическом (разная степень активного участия широких масс в общественной жизни, различные типы полисного устройства – аристократическое или олигархическое правление, власть тирана, постепенное формирование демократических структур), и в темпах развития.

Соответственно, встает вопрос о возможной типологии полисов. Наиболее распространенной из предлагавшихся типологий является разделение греческих полисов на «аграрные» (в качестве образца приводится обычно Спарта) и «торгово-ремесленные» (образцом служат, соответственно, Афины). Эту типологию в целом можно принять, но с тремя принципиальными оговорками.

Во-первых, ни Афины, ни Спарта не могут служить образцом чего бы то ни было. Это полисы-исключения, полисы нетипичные во всех отношениях. Они являлись в своем роде «полюсами возможного» и непригодны поэтому для роли иллюстраций к общим закономерностям. Во-вторых, сельское хозяйство являлось главным, преобладающим сектором экономики не только в аграрных полисах, но и в подавляющем большинстве так называемых торгово-ремесленных, где товарно-денежные отношения играли, безусловно, более значительную роль, но основу экономической жизни все же не составляли.

В-третьих, вряд ли следует, как часто делается, ставить в прямую зависимость политическую систему того или иного полиса от характера экономики в нем, считать, что аграрная экономика обусловливала олигархическое государственное устройство, а экономика с высоким весом ремесленного производства и торговли – демократическое. Реально в полисном мире мы находим настолько большое число отклонений от этого правила, что возникает резонное сомнение: можно ли вообще говорить о правиле? Так, Коринф с хозяйственной точки зрения, бесспорно, представлял собой очень яркий, едва ли не самый

яркий пример «торгово-ремесленных» полисов (полисов второго типа), и в то же время в его политической жизни демократические институты никогда не получали сколько-нибудь заметного развития, у власти на протяжении веков находилась олигархия. С другой стороны, скажем, Аргос был экономически развит значительно менее, нежели Коринф, по удельному весу ремесел и торговли в системе хозяйства тем более уступал ему, использовал архаичные формы зависимости (эксплуатация так называемых гимнетов), – и при этом в Аргосе уже достаточно рано, в VI в. до н. э., зафиксированы определенные демократические преобразования, а в следующем столетии там установилась уже полноценная демократия. В целом в античную эпоху, как и во всех докапиталистических обществах, скорее не политика определялась экономикой, зависела от нее, а, напротив, во многих отношениях экономическая жизнь была подчинена политической.

Как бы то ни было, для полисов любых типов общей, сближающей их чертой было наличие трех обязательных элементов государственного устройства. Об одном из этих элементов – народном собрании – речь уже шла выше. Оно воплощало в себе верховный суверенитет, обладало законодательными, судебными, контрольными функциями, но по причинам понятного характера даже в наиболее демократических полисах не могло быть постоянно действующим органом. Именно эту последнюю роль брал на себя второй компонент политической системы – совет. Помимо рассмотрения решения текущих дел, совету принадлежала прерогатива законодательной инициативы: он вносил на голосование в народном собрании проекты постановлений. Третьим обязательным элементом была более или менее развитая система магистратур, полисных должностей. Магистратам принадлежала, пользуясь современной терминологией, в основном исполнительная власть. Однако в ряде полисов они (или, по крайней мере, некоторые из них) также обладали правом законодательной инициативы.

Три перечисленных компонента, повторим, являлись обязательными, а вот взаимное соотношение между ними было разным в различных типах полисов. Неодинаковыми были и способы назначения магистратов и членов советов (всеобщие выборы, жеребьевка, кооптация). Разнились также и критерии пригодности кандидатов (знатность происхождения, богатство, личные заслуги и пр. либо та или иная комбинация этих критериев). В народное собрание могли включаться либо все граждане, либо лишь какая-то их часть. По итогам действия перечисленных факторов в полисах устанавливались режимы

умеренной или крайней олигархии, умеренной или крайней демократии. Впрочем, всего разнообразия полисных форм государственности не охватит никакая типология. Как бы ни были схожи полисы по своим принципиальным параметрам, проявлялись эти параметры всякий раз несколько иначе. Пожалуй, двух «полисов-близнецов» в Элладе нельзя было бы найти.

Лекция 2. Аристократическая элита Афин: проблемы структурирования

В общественной жизни древнегреческих полисов, как и любых других государств в человеческой истории, весьма значительную роль играла политическая элита. Именно на ней, на ее структуре, составе, эволюции будет сделан основной акцент в рамках данного пособия. Довольно обширный экскурс, посвященный греческому полису, полисному типу государственности, потребовался для того, чтобы с самого начала оттенить важнейшие черты этого исторического феномена и тем дать предпосылки правильного понимания механизмов функционирования элит в том социуме, который нас здесь интересует. Ведь политическая элита в архаической и классической Греции являлась неизбежно полисной элитой; иной быть она не могла.

Один из главных вопросов общего порядка, который предстоит затронуть, – типология элит на рассматриваемом здесь хронологическом отрезке и в соответствующих условиях. Из всего сказанного выше, насколько можно судить, однозначно вытекает, что исторически первым типом элиты в архаической Греции в целом и в Афинах в частности была аристократическая элита (kaloi kagathoi, «прекрасные и доблестные», как называли себя ее представители).

Формирование этой аристократической элиты, ее эволюция на протяжении столетий, изменение ее положения в полисе в результате установления афинской демократии, ее постепенный уход с политической арены и замена элитой нового, «демократического типа», вклад аристократии в историю Афин – все эти вопросы будут подробно рассмотрены в следующих лекциях. А пока, во вводной части курса, коснемся нескольких проблем, которые на первый взгляд могут показаться второстепенными, но без предварительного рассмотрения которых в дальнейшем будет затруднительна всесторонняя характеристика аристократической элиты античных Афин.

Одним из наиболее оживленно дискутировавшихся в антиковедческой литературе вопросов, связанных с историей афинской аристократии, был и остается вопрос о сущности греческого и, в частности, афинского рода (genos). Традиционная концепция, долгое время остававшаяся общепринятой, была разработана в XIX в. Дж. Гротом; на его построения оказали бесспорное влияние общие представления того времени о роде,

отразившиеся, помимо прочего, и в конструкциях, предложенных знаменитым американским этнографом Л. Г. Морганом на материале первобытных обществ (как известно, идеи Моргана оказали впоследствии определяющее влияние и на схему «происхождения семьи, частной собственности и государства», как она обрисована у Энгельса). Концепция Грота и в XX в. имела и по сей день продолжает иметь убежденных сторонников среди антиковедов (Whibley, 1896; MacKendrick, 1969; Daverio Rocchi, 1973; Ehrenberg, 1968; Littman, 1990; Лурье, 1939; Блаватская, 2003). Согласно этой концепции, греческий genos лучше всего может быть определен как клан. Это – архаичная организация замкнутого типа, своего рода квазигосударство внутри полиса. Genos претендует на происхождение от общего предка (обычно фиктивного, взятого из мифологии); для него характерны общие религиозные церемонии, общие усыпальницы, взаимное право наследования и обязанности по защите сородичей, зачастую общая земельная собственность, специальные должностные лица (архонт и казначей). Внутри рода существует более мелкая единица – семья, домохозяйство (oikos, oikia). Сама эта концепция, впрочем, с течением времени подвергалась определенной модификации. Так, было отмечено (Connor, 1971; Littman, 1990), что афинские gene (множественное число от genos) включали в себя не все население, подобно ирокезским или римским родам, а лишь аристократию.

Параллельно вышеупомянутой схеме в 1970-е гг. появилась другая, существенно отличающаяся от нее точка зрения. Наиболее полемически заостренно ее выразил французский исследователь Ф. Буррио (Bourriot, 1976): слово genos, по его мнению, не являлось terminus technicus и в разные эпохи имело различный смысл. В целом в Афинах можно выделить три типа объединений, в отношении которых употреблялось это слово: жреческие корпорации (Керики, Евмолпиды), древние общины, сохранившие собственные культы (Гефиреи, Саламинии), наконец, политически влиятельные семьи (oikoi), к которым термин genos начинает применяться лишь с IV в. до н. э. (Алкмеониды, Филаиды). Наличие в Аттике древней клановой организации с родовой земельной собственностью, родовыми усыпальницами и т. п. Буррио отрицает. Эта точка зрения с теми или иными вариациями становится все более популярной в науке (Roussel, 1976; Starr, 1977; Ober, 1989; Ellis, 1989; Глускина, 1983), хотя, впрочем, встречаются и принципиальные возражения (наиболее последовательный противник данной концепции – Р. Литтман, упрекающий Буррио в игнорировании данных социальной антропологии, см. Littman, 1990). В значительной

степени укоренилось мнение, согласно которому важнейшей социально-политической единицей был не полумифический genos, а oikos, семья.

Существует и промежуточная точка зрения, согласно которой genos, род, был реалией, но действовал на политической арене не как таковой, а посредством одной или нескольких своих важнейших семей или, по выражению Г. Т. Залюбовиной, агнатных групп (Залюбовина, 1984; Залюбовина, 1994; Ferguson, 1938; Bicknell, 1972; Connor, 1972). Именно эти семьи боролись за власть в архаических Афинах, используя экономическое могущество и поддержку своих родов. Данная концепция, комбинирующая позитивные стороны как традиционной схемы, так и конструкции Буррио, представляется нам наиболее близкой к действительности (разве что мы воздержались бы от употребления терминов типа «агнатная группа»).

Однако необходимо внести уточнение по поводу употребления нами в тексте данной работы слова «род» (род Алкмеонидов и т. п.). В свете вышеизложенных разногласий в вопросе о самом определении рода такое словоупотребление может показаться уязвимым. Нам могут возразить, например, что целесообразнее вести речь не о роде, а о семье Алкмеонидов (Филаидов и т. п.). Мы опираемся здесь на то обстоятельство, что в русском языке слово «род» (как и греческое genos, по указанию Буррио) не имеет узкого технического смысла и может употребляться в разных значениях. Так, говоря о русских дворянских родах (Голицыных, Шереметевых, Юсуповых и др.), имеют в виду вовсе не какой-то клан, а семью или, чаще, систему семей, связанную происхождением от общего, отнюдь не фиктивного предка. Именно в этом смысле мы и будем впредь употреблять в ходе исследования термин «род».

Строго говоря, все названия афинских родов в некоторой степени условны. В Афинах (и в Греции в целом), в отличие от Рима, название рода никогда не входило в состав официального имени гражданина, и это зачастую мешает антиковедам как идентифицировать родовую принадлежность того или иного знатного афинянина, так и определять правильные наименования некоторых родов. Так, Филаидов (весь этот род или одну из его ветвей) иногда называют в литературе Кимонидами. Какое название – Кодриды или Медонтиды – следует считать более правильным? Были ли Писистратиды отдельным родом или ветвью рода Кодридов? Как назывался род, к которому принадлежал Алкивиад (предлагались разные варианты)? Это лишь немногие из числа тех вопросов, с которыми сталкиваются специалисты по афинской генеалогии. И далеко не на все такие

вопросы вообще когда-нибудь будут даны однозначные и непротиворечивые ответы.

Мы не случайно остановились на проблематике, связанной с сущностью аристократического рода. Фактор родства играл очень большую, временами определяющую роль в политической жизни и политической борьбе. Важным средством аристократического влияния служила разветвленная сеть внутриполисных межродовых связей (поддерживавшихся главным образом путем династических браков), посредством которых создавались крупные коалиции родов, чаще всего на региональной основе: в связи между собою вступали обычно роды соседние, имевшие рядом расположенные резиденции и земельные владения. Такого рода коалиции были весьма значимым фактором политической борьбы в архаической и раннеклассической Аттике. Любой союз двух родовых групп, как правило, закреплялся брачными узами. Все политические альянсы были прежде всего альянсами сородичей и свойственников.

* * *

Весьма высокий авторитет аристократов основывался не в последнюю очередь на развитой системе генеалогических преданий, связывавшей их с легендарными героями микенской эпохи, а в конечном счете – с богами, прежде всего с Зевсом (именно это являлось важнейшим признаком принадлежности того или иного афинского рода к высшей знати – евпатридам). В свете вышесказанного представляется вполне естественным, что даже набиравшие силу по мере радикализации демократии «новые политики» незнатного происхождения стремились включиться в традиционный аристократический «истеблишмент», задействуя для этого матримониальные механизмы. Так, дети известного демагога Клеона породнились с одной из почтеннейших в Афинах семьей тираноубийцы Гармодия (из рода Гефиреев), а Никий – еще один видный афинский политический деятель эпохи Пелопоннесской войны, славившийся богатством, но не принадлежавший к евпатридам, – установил брачные связи с издревле знаменитой семьей, к которой принадлежал, в частности, оратор Андокид (эта семья по женской линии имела какое-то отношение к роду Филаидов, возможно, являлась одной из его боковых ветвей).

Следует помнить, что одним из важнейших критериев оценки индивида в Афинах, да и в целом в античной Греции, всегда оставалось его происхождение, что, кстати, помимо прочего,

вызывало обостренный интерес греческих авторов, в том числе и классической эпохи, к генеалогическим сюжетам. В V в. до н. э. развитию этой тенденции способствовало общее возрастание в условиях демократии письменного элемента культуры. Появилось большое количество записанных и ставших доступными широким массам гражданского коллектива текстов документального характера, среди которых были и имевшие самое прямое отношение к «аристократической» составляющей исторической памяти. В частности, во 2-й половине V в. до н. э. был зафиксирован на мраморной стеле и выставлен в главном общественном месте города – на Агоре – полный список ежегодно сменявшихся афинских эпонимных архонтов со времени учреждения этой магистратуры. Отныне каждый афинянин мог прочесть в упомянутом списке громкие имена Мильтиада, Клисфена, Каллиада, Кипсела, Ксантиппа, Фениппа и многих других членов могущественнейших евпатридских родов Филаидов, Алкмеонидов, Кериков и т. д.

Генеалогии в античной Греции, как, наверное, и в любом древнем обществе, были одним из важнейших способов фиксации и манифестации исторической памяти. Весьма значительное место занимают они уже в эпосе Гомера, не говоря о Гесиоде. Появление на исходе архаической эпохи научной, в том числе исторической, прозы отнюдь не привело к изменению положения вещей, скорее, напротив: теперь уже в прозаическом жанре многочисленными авторами начинают фиксироваться самого различного рода родословия. Во избежание возможных недоразумений необходимо подчеркнуть, что речь идет не о каком-то «сочинении» или «изобретении» генеалогий, а о переходе издревле существовавшего генеалогического жанра из устной сферы культуры в письменную. Такой переход имел определенное значение, прежде всего в связи с тем, что он позволял сделать генеалогические стеммы несравненно менее подверженными порче, неизбежной при передаче «из уст в уста» в течение многих поколений. Генеалогии занимают прочное место в исторических трудах, начиная уже с подлинного «отца истории» (не вполне заслуженно уступившего этот титул Геродоту) – наиболее талантливого и, пожалуй, наиболее рационалистически настроенного из первого поколения греческих историков (логографов) – Гекатея Милетского. Гекатей, в целом критически относившийся к существующей мифологической традиции, тем не менее был абсолютно убежден в собственном происхождении от богов в шестнадцатом поколении (Hecat. FGrHist. 1. F 300) и, судя по всему, письменно зафиксировал с целью его доказательства подробную генеалогическую стемму.

Вряд ли стоит видеть в подобном воззрении признак «наивности» Гекатея, который мог бы служить основанием для пренебрежительного отношения к нему как ученому. Дело, как нам представляется, несколько в ином. Великий логограф в своем подходе к родовым преданиям опирался на вековые традиции, сложившиеся в среде греческой аристократии, к которой он и сам принадлежал. Божественное происхождение знати в глазах отнюдь не только ее самой, но и рядовых граждан, было чем-то само собой разумеющимся, фактом, не нуждающимся в доказательствах и не подверженным каким бы то ни было сомнениям.

Несомненно, что отношение к аристократическим лидерам их рядовых сограждан в демократическом афинском полисе имело не только позитивную, но и, так сказать, «конфликтную» составляющую. Демос ощущал дистанцию, существовавшую между ним и знатью, и пытался по мере возможности сократить ее, чему, естественно, активно противилось большинство самих представителей аристократии. Совокупностью вышеназванных обстоятельств во многом и обусловливалась специфика генеалогической традиции в условиях афинской демократии. Одним из характерных показателей такой специфики была, например, эволюция отношения к патронимику («отчеству») в раннеклассических Афинах. Патронимик, наглядно демонстрируя происхождение своего носителя (не будем забывать о распространенном обычае давать сыновьям имена дедов по отцу и матери, а также отражать в семейной ономастике ксенические связи), вполне однозначно фиксировал его социальный статус. До демократических преобразований конца VI в. до н. э. полное имя афинского гражданина состояло из личного имени и родительного падежа патронимика (например, «Мильтиад, [сын] Кимона», «Гиппий, [сын] Писистрата» и т. п.).

В ходе реформ Клисфена, превративших дем (локальную общину или квазиобщину) в основную административную единицу полиса, была предпринята попытка вывести патронимик из состава гражданского имени, поставив на его место демотик (обозначение принадлежности к дему). Теперь афинянин должен был называть себя, например, «Мегакл из Алопеки» или «Эсхил элевсинец». Однако данное новшество, призванное в известной степени уравнять евпатридскую знать с рядовыми гражданами, приживалось очень трудно, о чем свидетельствуют данные остраконов – черепков с надписанными на них именами афинских политиков, применявшихся для голосования при остракизме и к настоящему времени в весьма значительном количестве (более 10 тысяч) найденных археологами. Основная масса находок

относится к 480-м гг. до н. э., т. е. практически к начальному периоду клисфеновской демократии, когда внутриполитическая борьба в Афинах была весьма бурной и остракизму подвергались исключительно представители аристократии. Уже неоднократно отмечалось, что, судя по надписям на остраконах, афиняне по-прежнему чаще упоминали при личном имени патронимик, нежели демотик. В конечном итоге в Афинах (насколько можно судить, не без борьбы) утвердился компромиссный вариант официального гражданского имени, включавший в себя как патронимик, так и демотик («Перикл, сын Ксантиппа из Холарга» и т. п.). Аристократам в данном случае удалось отстоять право на публичную манифестацию своей генеалогической традиции.

В силу всех вышеперечисленных факторов вполне естественно, что в Афинах классической эпохи, как и в предшествовавшие века, акцентированное внимание к генеалогии оставалось одним из важнейших и наиболее актуальных механизмов аристократического влияния. Этому способствовали, с одной стороны, новые возможности письменной и даже художественной фиксации родословных, предоставляемые появившейся прозой, а с другой – общие условия общественной жизни в демократическом полисе V в. до н. э. Как мы видели, для этого хронологического отрезка было характерно соперничество знатных родов, а в еще большей степени – двойственное, не только благоговейное, но и весьма подозрительное отношение демоса к своим евпатридским лидерам, набиравшие силу эгалитарные тенденции, которые могли повлечь за собой полную утрату знатью своего традиционного авторитета. Аристократы в меру своих возможностей пытались противостоять этим тенденциям, снова и снова напоминая о своем неординарном происхождении. Можно упомянуть в данной связи мифографа и историка первой половины V в. до н. э. Ферекида, которого Ф. Якоби назвал «первым афинским прозаиком» (Jacoby, 1956, S. 116 ff.). Ферекид, принадлежавший к окружению Филаидов, опубликовал подробную родословную этого афинского рода (Pherec. FGrHist. 3. F 2). Эта родословная, дошедшая до нас через посредство позднеантичного автора Маркеллина (Vita Thuc. 2), включала в себя длинный ряд имен (от легендарного Аякса Саламинского до вполне реальных афинских деятелей позднеархаического времени – Гиппоклида, Мильтиада Старшего и др.) и, таким образом, призвана была связать воедино славное прошлое Филаидов с его не менее блистательным настоящим. Многие из называемых Ферекидом антропонимов зафиксированы в ономастике упомянутого рода и на последующих этапах его истории. Таковы, например, личные имена Эпилик, Улий,

Тисандр. Все это в целом говорит в пользу аутентичности стеммы Филаидов, во всяком случае, в значительной своей части.

Во многом по аналогичному пути шел и Геродот. Порой иронически высказываясь по поводу казавшихся ему чересчур прямолинейными и наивными генеалогических гипотез Гекатея (Геродот, История. II. 143), он тем не менее и сам уделял аристократическим родословиям весьма значительное место в своем труде. Ограничиваясь здесь афинским материалом, укажем, что историк, как правило, не упускает случая сказать хотя бы несколько слов о происхождении и генеалогических связях аттической знати, будь то Гефиреи, Писистратиды или те же Филаиды (Геродот, История. V. 57; V. 65; VI. 35); все эти вопросы вызывают его нескрываемый интерес. Довольно загадочным в такого рода контексте выглядит умолчание Геродота об истоках Алкмеонидов – рода, о котором он пишет много и подробно. Как известно из сообщения Павсания (II. 18. 8–9), Алкмеониды считались потомками пилосской царской династии Нелеидов, эмигрировавшей в Аттику после дорийского вторжения. Почему «отец истории» ни словом не упоминает об этом? Однозначное и удовлетворяющее всех решение проблемы вряд ли когда-нибудь будет найдено. Насколько можно судить, здесь нужно, помимо прочего, принимать в расчет и то обстоятельство, что Перикл, с которым Геродот близко общался в Афинах и от которого в значительной мере получал информацию, по ряду причин не желал привлекать внимание к «осквернённому» роду своих предков по матери.

Здесь, пожалуй, будет наиболее уместным затронуть вопрос о том, какова вообще историческая ценность аристократических родословных, о которых идет речь, иными словами, насколько они аутентичны, с тем чтобы высказать по этому вопросу свою принципиальную позицию. Дело в том, что перед нами весьма сложная проблема, и можно даже сказать, что общий язык между сторонниками различных вариантов ее решения пока так и не найден. Автору этих строк представляется наиболее продуктивным умеренно-критический подход к данным афинской генеалогической (и вообще легендарной) традиции, признание наличия в ней под разного рода наслоениями аутентичного ядра, которое и подлежит отысканию, исследованию и использованию в качестве источника. Однако в настоящее время чрезвычайно сильны в науке позиции гиперкритиков, считающих все такого рода генеалогии фиктивными, сфальсифицированными (например: Roussel, 1976, p. 62–63; Littman, 1979; Ober, 1989, p. 55 ff.; Яйленко, 1990, с. 108–109). Представители данного направления зачастую даже не берут на себя труд

аргументировать свою точку зрения, а просто походя, как о чем-то само собой разумеющемся и давно доказанном, высказываются в том смысле, что та или иная аристократическая родословная была измышлена тогда-то или тогда-то (существует широкий диапазон достаточно произвольных датировок) и с такой-то или такой-то целью (цель определяется опять же постольку, поскольку она согласуется с общими концептуальными построениями автора).

Таким образом, афиняне периода ранней и средней архаики оказываются всего лишь манипуляторами преданием, произвольно включавшими в родословные списки и исключавшими из них различных персонажей. Но как же быть с гневом божественного предка, подобным образом безжалостно вычеркнутого из прошлого? Стало быть, пресловутые «фальсификаторы истории» были еще и прожженными атеистами. А если учесть, что заниматься подобными фабрикациями могли лишь жрецы (историков еще не было), то ситуация оказывается еще более пикантной. По категоричному (и, на наш взгляд, вполне справедливому) утверждению Ф. Фроста, на протяжении большей части архаической эпохи вера в богов была всеобщей, что практически исключало возможность религиозных манипуляций (Frost, 1996).

Если же говорить серьезно, то не стоит столь уж критично относиться к генеалогической традиции, как правило, основанной на вполне аутентичном историческом ядре. Последнее относится не только к античности; насколько можно судить, в любой традиционной культуре родословное предание – едва ли не наиболее устойчивый и достоверный элемент мифологии. Это установлено, в частности, на примере фольклора Полинезии; цепочки легендарных предков, сохранившиеся в памяти жителей удаленных друг от друга островов, сходились в одной общей точке (Молчанов, 2000, с. 12–13). В Греции же, помимо прочих обстоятельств, способствовало сохранению генеалогической информации наличие развитого культа предков. Аристократ, «изобретающий» себе родословную, тем самым отрекался бы от своих настоящих предков и начинал бы считаться (и считать себя) потомком каких-то совершенно посторонних ему людей – со всеми соответствующими ритуальными импликациями подобного поступка. Признаться, нам это кажется мало согласующимся со спецификой архаического религиозного менталитета.

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что на протяжении не только архаического, но и всего классического периода в Афинах придавалось весьма большое значение родословным аристократов-евпатридов. Они служили

обоснованию и укреплению общественно-политического авторитета этой прослойки и являлись важным компонентом исторической памяти эпохи, что нашло выражение, в числе прочего, в трудах крупнейших древнегреческих историков и других писателей.

С генеалогией тесно связана другая специальная историческая дисциплина – просопография. В исследовании истории афинской аристократии в течение последних десятилетий все бóльшую роль играет просопографический метод. После выхода фундаментальной «Аттической просопографии» И. Кирхнера (Kirchner, 1901–1903) в первой половине XX в. интерес к этой дисциплине в определенной мере уменьшился. А. Гомм даже предостерегал против злоупотребления просопографией. Случайный характер упоминаний в источниках о той или иной персоналии, неполнота сведений, почти полное отсутствие материала о женщинах могут, на взгляд ученого, привести к значительным искажениям (Gomme, 1986, p. 80–81). Однако при соблюдении необходимых предосторожностей просопографический метод может принести все же весьма весомые результаты, как видно на примере римской истории (Bicknell, 1972, p. VIII).

Просопографические штудии охватили в последнее время самые различные области афинской истории. Важным достижением в этой сфере стала монография Дж. Дейвиса «Афинские состоятельные семьи» (Davies, 1971), в которой прослеживается практически во всех аспектах история известных аттических семейных групп. Весьма полон как просопографический свод второй посвященный Аттике том многотомного компендиума «Лексикон греческих личных имен» (Osborne, Byrne, 1994). Использование данных просопографии, на наш взгляд, является одним из наиболее перспективных направлений в изучении позднеархаических и раннеклассических Афин. Впредь нам не раз придется обращаться к этим данным.

Тема II. На вершинах власти: аристократическая элита Афин в VII–VI вв. до н. э.

Лекция 3. Архаическая аристократия: механизмы господства

Эпоха архаики (VIII–VI вв. до н. э.) занимает совершенно особое, уникальное место в истории античности. Судя по всему, она была временем наиболее динамичного и интенсивного развития древнегреческой цивилизации. Эллада, как бы пробудившись от продолжавшегося около трех столетий сна так называемых «темных веков» (XI–IX вв. до н. э.), вызванного крушением ахейской цивилизации II тыс. до н. э., общим застоем и упадком в экономической, политической, культурной сферах, пережила невиданный всплеск творческой активности. В результате появилось на свет то, что принято называть «греческим чудом».

Именно в эпоху архаики в греческом мире сформировалось большинство реалий, которые в дальнейшем являлись основополагающими, неотъемлемыми его чертами. Собственно, был сотворен «образ Эллады». Несокрушимая на полях сражений гоплитская фаланга и ставшая «хозяйкой морей» триера, мир колоний, усыпавших Средиземноморье, и чеканная монета, ордерная система в архитектуре и лирическая поэзия, философия и спорт – всё это порождения архаической эпохи. Никогда уже больше после этого не делалось столько плодотворных открытий, не осваивалось такое количество новых форм бытия и сознания… Это был воистину кипучий задор юного народа, радующегося своей силе и свежести. Во всяком случае, так может показаться нам ныне, с дистанции в две с половиной тысячи лет. На самом же деле, насколько можно судить, все было гораздо сложнее. В VIII–VI вв. до н. э. Греция была ареной самых разнообразных противоречий и конфликтов. То, что нам представляется игрой молодых сил, подчас было судорогами страдающего от тяжелой болезни организма. Впрочем, эта болезнь была все-таки болезнью роста. Рождался, выходил из зачаточного состояния греческий полис, и «родовые схватки» были мучительны.

Именно рождение греческого полиса стало тем самым главным новшеством, которое следует назвать характерным для эпохи архаики, которое повлекло за собой все остальные перемены и которое, помимо прочего, больше всего интересует нас в контексте данной книги. Выше, в первой лекции, речь шла об основных чертах полиса и сформировавшихся в нем черт государственности, но при этом специально подчеркивалось, что имеется в виду классический, сложившийся полис. В эпоху

архаики все перечисленные черты были еще in statu nascendi. Да и в целом архаический полис еще не во всем похож на классический.

В частности, в нем, особенно в начале эпохи архаики, еще вряд ли сложилось понятие народного суверенитета. В VIII–VII вв. до н. э. широкие массы демоса еще абсолютно нигде в греческом мире не играли сколько-нибудь значительной роли в общественно-политической жизни. В сущности, крестьяне, не говоря уже о ремесленниках и торговцах (впрочем, прослойка этих последних в раннеархаических полисах должна была быть просто ничтожной), не были еще даже полноправными членами гражданского коллектива.

Полисы ранней архаики являлись всецело аристократическими полисами. Представители знатных родов, уже почти повсеместно отстранив к этому времени от власти басилеев, создали своеобразные республиканские режимы. Естественно, речь идет о республиках вполне олигархических, во главе которых стояли те самые aristoi, «лучшие», как они себя определяли. Аристократам принадлежали все рычаги власти в полисах. Исключительно из их среды комплектовались органы полисного управления – советы, реально распоряжавшиеся государственными делами наряду с магистратами, которых было немного и которые избирались также аристократами и из аристократов. Народное собрание в таком аристократическом полисе не то чтобы совсем не существовало. Но оно собиралось так редко, а главное – нерегулярно, представляло собой такую аморфную, послушную своим вождям массу, имело так мало реальных полномочий, что трудно говорить о нем как о сколько-нибудь весомом органе власти. Приобщение демоса к реальному политическому участию, пусть даже в минимальных масштабах, было процессом сложным и весьма долгим. Раньше, чем где-либо, это произошло, судя по всему, в Спарте. Уже в Великой ретре, приписывавшейся Ликургу и ставшей основным конститутивным актом спартанского полиса, политическая роль народного собрания (апеллы) была законодательно закреплена.

Неоспоримо ведущая роль аристократии в ранних полисах поддерживалась рядом обстоятельств различного характера. Представители знати доминировали в экономическом отношении, являясь крупными землевладельцами и самыми богатыми людьми в общине. Им принадлежала ведущая роль в войске, пока сражения представляли собой цепочки единоборств, столь детально описанных тем же Гомером. Аристократы осуществляли контроль над религиозной жизнью полиса, держа в своих руках прерогативы наследственного жречества. Они же

вершили и суд, толковали обычное устное право, причем в отсутствие писаных законов, естественно, могли это делать по собственному произволу. Непререкаем был традиционный авторитет и престиж аристократов, особенно в небольших общинах, и сами они делали все возможное для упрочения этого авторитета: демонстративно подчеркивали свое происхождение от легендарных героев, а через них – от богов, участвовали и побеждали в панэллинских спортивных играх, устанавливали матримониальные связи друг с другом, проявляя тенденцию превратиться в замкнутую социальную группу, отчужденную от демоса.

Отсутствие необходимости заниматься повседневным физическим трудом давало аристократам обилие досуга, позволяло им практиковать совершенно особый образ жизни с устойчивым набором основных элементов (войны, атлетика, охота, дружеские пирысимпосии, педерастия, ксенические контакты со знатью из других полисов, обмен дарами и т. п.), творить определенный «микрокосм», на участие в котором не могли претендовать остальные слои населения. В интеллектуальном отношении аристократы были, бесспорно, также верхушкой общества. Они получали самое лучшее образование. Речь идет не только о «хороших манерах», но и о подлинном культурном развитии. Фигуры Алкея или Солона, сочетавших занятие политикой с созданием поэтических шедевров, весьма типичны для этой архаической аристократии. Насколько можно судить, даже и в чисто физическом плане аристократы отличались от рядовых общинников (не случайно они называли себя kaloi kagathoi – «прекрасными и доблестными»). Стройные, подтянутые, мускулистые, с длинными, ниспадающими на плечи волосами, они должны были резко выделяться в толпе на улицах греческих городов. О том, как выглядели аристократы архаической эпохи, можно составить полное представление по куросам – статуям обнаженных мужчин, дошедших от этого времени в немалом количестве.

Аристократы были самой развитой, самой мобильной частью гражданского коллектива, обладавшей наиболее широким кругозором. Более, чем кто-либо, они были восприимчивы ко всем новым веяниям. Не случайно во главе любых реформ, любых прогрессивных перемен и сдвигов всегда стояли в то время именно представители знатной элиты.

Положение же незнатного большинства населения, демоса в узком смысле слова (в широком смысле слово «демос» означало весь гражданский коллектив), в начале эпохи архаики оставалось еще, повторим, весьма приниженным. Политическая роль его

была минимальна; с ним попросту не считались, да, собственно, демос еще и не предпринимал ничего такого, что бы заставило с ним считаться. Что же касается социально-экономической сферы, то в ней положение рядовых общинников тоже никак не могло быть сопоставимым с положением аристократов. Последние, опираясь на свои крупные земельные владения, проявляли тенденцию к закабалению незнатных и бедных сограждан, к постановке их в зависимость от себя.

На протяжении первой половины эпохи архаики эта зависимость крестьян от аристократов только усугублялась. В среде знати (да и не только ее) общераспространенным явлением становилось стремление к богатству. Об этом стяжательстве как о настоящей «болезни века» неоднократно говорит в своих элегиях Солон, современник и чуткий наблюдатель происходящих событий (Солон, фр. 1 Diehl, 7 слл., 43 слл., 71 слл.; фр. 3 Diehl, 5 сл., 11 слл.; фр. 4 Diehl, 9 слл.; фр. 14 Diehl; фр. 23 Diehl, 13 слл.). Разумеется, материальные ценности нужны были аристократам не для накопления, а для демонстративного потребления, увеличивавшего их престиж. Но получать их приходилось только путем усиления эксплуатации незнатных сограждан.

Приблизительно с середины архаической эпохи «ветер меняется». Аристократия очень медленно, но неуклонно начинает утрачивать свои позиции. Можно назвать много различных факторов, способствовавших этому. Чрезвычайно важную роль сыграли преобразования в военном деле, а именно складывание фаланги гоплитов. Изначально, насколько можно судить, гоплитское вооружение и построение фалангой появились в среде аристократов и использовались ими, что уже само по себе продвинуло вперед искусство ведения войны. Но вскоре выяснилось, что доспех и оружие гоплита, в отличие от боевого коня или тем более колесницы, доступны по своей цене также и достаточно зажиточному крестьянину. Греческий полис, как известно, практически никогда не снабжал своих граждан военной экипировкой, предоставляя им вооружаться за свой счет. Теперь аристократам пришлось «потесниться», дать место в фаланге незнатным и не столь богатым общинникам. В целом для полисного ополчения такое численное возрастание тяжеловооруженных пехотинцев было, бесспорно, только на пользу: для фаланги размер являлся одним из ключевых параметров. Однако развитие в военной сфере неизбежно влекло за собой перемены в сфере политической. Война и политика вообще всегда были теснейшим образом связаны в жизни полисов; в частности, роль гражданина в политической жизни определялась его ролью на полях сражений. Новые крестьяне-

гоплиты, получив подобающее им место в фаланге, естественно, ожидали получить соответствующее место и во властных структурах; их политическая сознательность возросла.

С развитием ремесла и торговли из среды демоса начала выделяться наиболее зажиточная верхушка, которая со временем стала проявлять тенденцию если не уравняться по политическому статусу со знатью, то, во всяком случае, приблизиться к ней. Этот факт нельзя отрицать: сетования по поводу того, что «дурные» (kakoi) богатеют, оттесняют «добрых» (agathoi), нередки в сочинениях лирических поэтов эпохи архаики (того же Солона и особенно Феогнида). Но опять же не обойтись без нескольких важных оговорок. Во-первых, речь у лириков идет не об одном процессе, а о двух параллельных, но противоположно направленных: «дурные» богатеют, а «добрые» беднеют (Солон, фр. 4 Diehl, 9), «худые» становятся «добрыми», а «достойные», в свою очередь, – «худыми» (Феогнид. 53 слл.). Иными словами, следует говорить не только о возрастании состоятельности верхушки демоса, но и о разорении аристократов. Очевидно, демонстративное расточение знатью своих богатств в престижных целях постепенно подрывало ее экономическое могущество.

Во-вторых, богачи из демоса старались улучшить свое положение с помощью в основном не деструктивных, а конструктивных действий, то есть не путем открытого конфликта с аристократией, а через легитимную инкорпорацию в ее среду. Лучше всего этой цели служили матримониальные связи с аристократами. Не случайно Феогнид (183 слл.) упрекает своих знатных сограждан за то, что они, прельстившись богатством, берут себе «дурных» (естественно, в социальном смысле) жен. Видимо, ситуация была типичной.

В-третьих, значение противостояния аристократов – крупных землевладельцев – и незнатной торгово-ремесленной верхушки все же не следует преувеличивать. Это противостояние могло в каких-то ситуациях подрывать стабильность в полисе, выступая причиной гражданской смуты, но само по себе не порождало позитивных преобразований. В любом хотя бы сколько-нибудь мобильном социуме (а архаическая Греция, бесспорно, была весьма мобильным социумом) старой элите периодически приходится делиться властью с отдельными представителями более низких слоев, так сказать, включать их в свой «клуб». Но создавать принципиально новые реалии, то есть выступать в революционном качестве, такого рода процессы могут в двух случаях: либо когда место старой элиты целиком стремится занять новая и преуспевает в этом, либо когда в борьбу элит втягиваются широкие массы населения, что сразу сообщает

событиям совсем иной масштаб.

Имело ли место какое-либо из этих двух условий в архаических греческих полисах? Названное первым – явно нет. Старая аристократическая элита не была полностью отстранена от власти даже в наиболее интенсивно развивавшихся государствах греческого мира. Причем этого не случилось не только к концу эпохи архаики, но и на протяжении доброй половины эпохи классики (имеем в виду прежде всего Афины, политическая эволюция которых пошла более радикальными, чем где-либо, путями, но в которых, несмотря на это, политическая элита оставалась аристократической вплоть до конца V в. до н. э.).

А что можно сказать об участии масс демоса в политической борьбе? В целом для архаического периода приходится говорить о двух моделях такого участия. Первая из этих моделей, традиционная, – практически нулевое участие, роль пассивных зрителей происходящего, послушно следующих за вождями. Вторая модель – спонтанный взрыв социального недовольства, сметающий все элиты, как старые, так и новые, и приводящий, по сути дела, к анархии. Такой вариант развития событий случался нечасто. Наиболее известный пример – Мегары начала VI в. до н. э., где установилась «необузданная демократия» (Плутарх, Греческие вопросы. 304e), режим, нахождение которого у власти сопровождалось разного рода эксцессами, изгнанием политических противников, произволом по отношению к состоятельным гражданам, подрывом внешнеполитических позиций полиса.

Такого рода примитивные демократии («беспорядок и безвластие» – так вполне оправданно характеризует их Аристотель, Политика. 1302b32) вряд ли могли сыграть в греческой истории какую-либо позитивную роль. Не случайно в тех же Мегарах после свержения демократии установилось олигархическое правление, оказавшееся весьма прочным и долговечным, и политическое развитие фактически остановилось. На протяжении эпохи архаики демос еще трудно назвать конструктивной, созидательной силой. В большинстве полисов он в массе своей не стремился еще к политическому полноправию, ограничиваясь экономическими требованиями (эти требования были двоякими, обычно составлявшими пару: отмена долгов и передел земли). А если демос добивался каких-то политических прав, каких-то уступок со стороны знати, то так получалось, скорее, не по причине его борьбы за эти права, а в силу иных перипетий. Аристократы в полисах непрерывно боролись за власть и влияние друг с другом. Случалось, что в этом

противоборстве то одна, то другая из группировок привлекала на свою сторону такого мощного союзника, как демос, осуществляя реформы, улучшавшие его положение. Наиболее известный пример подобного развития событий – реформы Клисфена в Афинах в конце VI в. до н. э.

Именно межаристократическая борьба была, пожалуй, наиболее характерным явлением для общественной жизни архаических полисов. Эта борьба носила не социальный, а чисто политический характер. Демос участвовал в ней, но лишь постольку, поскольку он входил в группировки, возглавлявшиеся аристократами. Такие группировки могли быть весьма значительными по размеру, а разделение между ними могло происходить по различным признакам. Так, в крупных полисах враждовали друг с другом аристократические группировки, базировавшиеся в различных регионах полисной территории (весьма вероятно, что именно так обстояло дело в Афинах). В полисах меньших размеров боролись просто наиболее влиятельные и знатные роды.

Демос, бесспорно, в целом лишь выигрывал от этой борьбы аристократов, от отсутствия единства в их рядах. Представители знати в постоянных конфликтах ослабляли друг друга, а рядовые общинники, опираясь, помимо прочего, на свое явное численное превосходство, постепенно включались в политическую жизнь. В конечном счете каждый полис, быстрее или медленнее, двигался к демократии. Разумеется, лишь в редких случаях конечным итогом развития становилась демократия, так сказать, «афинской чеканки», демократия крайняя, включавшая в гражданский коллектив торговцев, ремесленников, поденщиков и пр. Большинство полисов останавливались на стадии «гоплитской демократии», при которой гражданами были и всей совокупностью прав пользовались лица не ниже гоплитского статуса. Именно такое устройство имеет в виду Аристотель, говоря, что «наилучшее государство не даст ремесленнику гражданских прав» (Политика. 1278a8). Подобного рода ограниченную демократию можно в той же мере назвать и умеренной олигархией: суть явления от этого не изменится. В любом случае даже и такое политическое устройство стало возможным лишь в конце периода архаики, а до того власть, повторим еще раз, находилась в руках аристократии.

В целом архаическая эпоха была в политическом отношении временем крайне нестабильным, характеризовавшимся постоянными внутренними конфликтами. Гражданская смута (stasis) – вот та категория, которая в наибольшей степени свойственна этой стадии древнегреческой истории. Стасис был

настоящей болезнью архаических полисов, причем болезнью мучительной. Он воспринимался как явление крайне нежелательное; происходили непрерывные поиски способов его прекращения. Разумеется, лучшим из таких способов был компромисс между враждующими группировками и слоями. Желаемого компромисса, при котором ни одна сторона не почувствовала бы себя обиженной, впрочем, достичь было очень непросто. Не случайно иной раз для выхода из смуты приглашали посредника-примирителя «со стороны», из другого города: вердикт такого незаинтересованного и авторитетного лица мог лучше удовлетворить участников конфликта, чем решение своего же согражданина. Бывало, конечно, и так, что согражданин, которого все уважали и которому все доверяли, отыскивался в своем же полисе (Солон в Афинах).

В архаической Греции противостояние индивидуалистической и коллективистской тенденций общественного развития достигло высшего накала. Обе тенденции проявлялись в полную силу: с одной стороны, в формирующихся полисах действовали яркие аристократические личности, и чрезмерное выдвижение ими на первый план своих индивидуальных притязаний подрывало стабильность общин, угрожало самому их существованию. С другой стороны, сами эти формирующиеся полисы стремились поставить предел крепнувшему индивидуализму, ввести его в подобающие рамки.

Не случайно эпоха архаики стала для Эллады временем расцвета законодательной деятельности. В целом ряде полисов, причем не обязательно передовых в экономическом и политическом отношениях, были изданы первые своды писаных законов, которые вводили единые, обязательные для всех нормы поведения в рамках гражданского коллектива. Кстати, эти законы вводились отнюдь не «под натиском демоса», как иногда полагают (как мы видели, демос в VII–VI вв. до н. э. еще не играл значительной политической роли, к тому же его представители в массе своей тогда еще, безусловно, были неграмотными и вряд ли могли получить непосредственную пользу от появления письменных законодательных кодексов), а скорее именно для урегулирования межаристократических отношений, для предотвращения вспышек стасиса между знатными вождями (ср. Eder, 1986; Humphreys, 1991; Osborne, 1996, p. 189).

Трудно переоценить значение раннего греческого законодательства, приведшего на смену расплывчатым положениям устного обычного права четкий набор фиксированных и санкционированных полисом правовых норм. По сути дела, только с момента введения свода письменных

законов в том или ином полисе можно говорить о том, что длительный процесс складывания его государственности завершился, что полис из протогосударства окончательно превратился в государство.

* * *

В какой мере вообще можно говорить о влиянии аристократических родов на политическую жизнь Греции, какова была их роль в архаических и классических полисах, в частности, в специально интересующих нас Афинах? Дать верный ответ на поставленные вопросы было бы, на наш взгляд, чрезвычайно важно, поскольку это позволит пролить свет на ряд принципиальных особенностей древнегреческого социума.

В ходе исследований, проводившихся на протяжении многих десятилетий, выявился ряд фактов, которые можно считать на сегодняшний день твердо установленными. Так, неоспоримо, что в эпоху ранней архаики, по VII в. до н. э. включительно, руководящая, определяющая роль в Афинах всецело принадлежала аристократическим родам. Заменив собою (очевидно, в основном мирным, постепенным путем) власть ранних афинских басилеев, аристократическое правление в Афинах не вылилось в господство одного знатного клана (как Бакхиады в Коринфе), а приобрело форму соперничества различных группировок знати. Ситуация в Аттике осложнялась еще и тем, что на закате микенской эпохи, в период дорийского нашествия, она стала прибежищем для многих представителей ахейской знати Пелопоннеса, изгнанных дорийцами. Иммигранты сразу заняли в Афинах влиятельное положение: именно из их среды выдвинулась последняя афинская царская династия – Медонтиды (Кодриды), а также столь известные роды, как Писистратиды, Филаиды, Саламинии, а по некоторым сведениям (Павсаний. II. 18. 8–9) – и Алкмеониды.

История ранней афинской аристократии неразрывно связана с проблемой, которую представляет толкование термина «евпатриды», применяемого традицией к этой аристократии. Эта проблема пока не нашла однозначного и убедительного решения. Характерно, что термин «евпатриды» является чисто афинским, к аристократии других полисов он, насколько можно судить, не применялся. Положение осложняется еще и тем, что в Афинах, по всей очевидности, был и отдельный аристократический род, называвшийся Евпатридами; к этому роду долгое время исследователи относили Алкивиада, хотя теперь от этого в

основном отказались. Известный русский эпиграфист А. В. Никитский высказывал предположение, что к этому же роду принадлежал законодатель Драконт (Никитский, 1919). Ясно, что все это вызывает определенную путаницу: порой из сообщений источников трудно понять, где речь идет о «сословии» (ethnos) евпатридов, а где – о роде (genos) Евпатридов.

В подобных условиях любое предположение, на наш взгляд, может иметь лишь гипотетический характер. Абсолютно не претендуя здесь на то, чтобы высказать какую-то самостоятельную точку зрения по этому вопросу (тем более что это не имеет принципиального значения для непосредственно интересующей нас проблематики), отметим лишь, что нам представляются стоящими ближе к истине те исследователи (Sealey, 1976; Arnheim, 1977), которые видят в евпатридах не автохтонную знать и не локальных вождей, а собственно афинскую, городскую аристократию в противоположность знати аттических местечек (ср. Bekker Anecd. I. 257: евпатриды – те, кто живет в самом городе-asty, имеет отношение к царскому роду и осуществляет попечение о святынях). Иначе оказывается непонятным, каким образом явно не-автохтонные Филаиды и Писистратиды могли иметь в VII в. до н. э. евпатридский статус, очевидный из того, что их представители (Писистрат в 669/8, Мильтиад в 664/3 и 659/8 гг. до н. э.) занимали пост архонта-эпонима.

Итак, в эпоху ранней архаики определяющее влияние знатных родов на афинскую политическую жизнь безусловно. На чем базировалась власть аристократии в течение этого хронологического отрезка? Необходимо назвать ряд важных факторов.

На первое место исследователи по традиции ставят экономическое могущество, богатство знати (Курбатов, 1986; Sealey, 1976, p. 97–98; Finley, 1983, p. 44–47). Оно основывалось прежде всего на земельных владениях в различных частях Аттики, которые продолжали сохранять даже аристократы, переселившиеся в Афины. Родовые земли аристократов были фактически неотчуждаемы, что вело к концентрации у «больших домов» весьма значительных земельных богатств. Были и другие источники экономического могущества, помимо земли: эксплуатация рудников (представители рода Кериков в Лаврии), торговля, которой в эпоху архаики также занимались по преимуществу аристократы. Многие источники доходов были неаттического происхождения (так, Писистратиды, Филаиды черпали немалую часть своих богатств во Фракии). Еще и по сей день некоторые исследователи придерживаются мнения, согласно

которому наиболее крупные и влиятельные афинские роды чеканили собственную монету (Wappenmünzen), хотя специалисты-нумизматы уже давно и небезосновательно оспаривают это.

В целом в отношении этого экономического фактора могущества аристократии мы должны подчеркнуть, что его роль не следует ни преувеличивать, ни преуменьшать. С одной стороны, мы в чем-то солидарны с положениями, высказывавшимися В. П. Яйленко, согласно которым архаическая Греция была еще довольно простым обществом с отсутствием сильного имущественного расслоения, обществом, где бедность и богатство стояли в общем-то очень близко друг к другу, не имея между собой четкой, непреодолимой грани (Яйленко, 1990, с. 100–105). Отнюдь не присоединяясь к общим принципиальным посылкам этого исследователя (о полном отсутствии какого бы то ни было континуитета между греческим обществом II и I тыс. до н. э. и т. п.), мы все же считаем, что по данному конкретному вопросу его взгляды имеют право на существование, и это в известной мере подтверждается анализом современных эпохе источников, в частности, лирической поэзии. Поэтому та довольно жесткая критика, которой были подвергнуты работы В. П. Яйленко (Фролов, 1988; Шишова, 1991), кажется нам не всегда убедительной и справедливой. Действительно, насколько можно судить, не конфликт между богатыми и бедными был основным содержанием социально-политической жизни Эллады архаической поры. Такого рода конфликт стал по-настоящему острым и злободневным значительно позже – в эпоху классики, и даже еще конкретнее – в IV в. до н. э., после Пелопоннесской войны. И совершенно не случайно, что авторы, жившие в эти годы (в том числе Аристотель), бессознательно вносили реалии своего времени в повествование о событиях двух-трехвековой давности.

Но, с другой стороны, невозможно отрицать и то, что архаическая эпоха была тем не менее временем ожесточеннейших конфликтов. Ее полисы потрясали кровопролитные смуты (staseis), зачастую растягивавшиеся на десятилетия и нередко увенчивавшиеся установлением тиранических режимов. Что же это были за конфликты, коль скоро речь не может идти о противостоянии между богатыми и бедными, знатью и демосом (в сущности, еще не вышедшим на политическую арену)? На наш взгляд, следует говорить о борьбе за власть и влияние между аристократическими группировками; демос же был по большей части пассивным свидетелем этой борьбы, а если и участвовал в ней, то лишь как орудие в руках той же знати.

И вот здесь начинается наше расхождение с В. П. Яйленко,

который выдвигает без развернутой аргументации следующие тезисы: «Знать архаической, так же как и позднейшей, поры чаще всего была постоянно возникающей фикцией… Славные афинские роды VI–V вв. были по большей части такой же фикцией» (Яйленко, 1990, с. 108–109). С положением о «фиктивности» афинской аристократии мы никак не можем согласиться, поскольку оно не находит себе опоры в источниках. Действительно, афинская (да и вообще греческая) аристократия имела достаточно своеобразный облик, заметно отличающийся от привычных нам представлений об аристократии как таковой, выработавшихся в основном из знакомства с жизнью европейских аристократов средних веков и нового времени. В условиях полиса, конечно, не возникла и не могла возникнуть аристократия «средневеково-рыцарского» типа, кардинально отчужденная от прочего населения резкими отличиями в статусе, богатстве, образе жизни, а зачастую и в языке. Не следует преувеличивать обособленность греческой аристократии от демоса, ее «исключительность»; она ни в коей мере не была какой-то кастой.

Но стоит ли отказывать в праве на существование этой аристократии, объявлять ее «фикцией», если она не была похожа ни на рыцарей Круглого стола, ни на блестящих герцогов и маркизов эпохи Людовиков, ни на японских самураев? Аристократия, как видно уже из этого перечня, может быть очень и очень разной. Вообще, как демонстрируют наблюдения этнографов, складывание знати – феномен стадиально весьма ранний: она надежно фиксируется уже в обществах, стоящих на позднепервобытном уровне развития, в том числе даже у собирателей и охотников (Семенов, 1993, с. 330, 492–493). Стоит ли считать Грецию I тыс. до н. э. настолько отсталой, что в ней только-только возникала знать, да и то «фиктивная»?

И еще одно замечание. Как ни тривиально будет это суждение, бедность и богатство – категории относительные. Даже в самом бедном обществе будут свои крупные состояния – разумеется, крупные по меркам этого общества. Если привести предельно житейский пример, в нищей деревне, каждый житель которой имеет всего лишь по одной овце, обладатель двух овец окажется «местным Ротшильдом» и eo ipso самым влиятельным человеком в кругу своих соседей. Завершив на этом несколько затянувшееся отступление, перейдем к рассмотрению других, неэкономических факторов, обусловливавших власть аристократии.

Важным источником ее влияния было исключительное положение знатных родов в религиозной жизни. Многие из этих

родов опирались на контроль над локальными культовыми центрами. Отмечалось, что значение этого контроля не следует преувеличивать (Roussel, 1976). Во всяком случае, далеко не все роды обладали такими локальными культами. Но, на наш взгляд, религиозная роль аристократии не должна быть и недооцениваема. Помимо собственных культов, отдельные роды имели наследственные жречества в культах общеполисных (например, Этеобутады, Евмолпиды, Керики, Бузиги и др.). Кроме этого, вся евпатридская знать в архаическую эпоху имела два общих, в то время еще чисто аристократических культа: Зевса Оградного и Аполлона Отеческого. До Драконта целиком в руках аристократов находилось толкование неписаного права.

Значительную роль играл традиционный престиж аристократии. Он основывался на ряде факторов: происхождении (знатные роды, как говорилось выше, возводили свои истоки к богам и эпическим героям), монополии аристократов практически на все сколько-нибудь важные должности в полисе, участии в исключительно авторитетных панэллинских играх и т. п.

Наконец, необходимо отметить роль внешних контактов аристократии, простиравшихся зачастую не только в соседние полисы, но и за пределы греческого мира. Эти контакты устанавливались путем ритуального гостеприимства – ксении, имевшей во многих отношениях огромное значение для античной Греции. Освященные авторитетом религии, связи гостеприимства уже ко времени создания гомеровских поэм стали неотъемлемой частью греческого мира, одним из важнейших факторов, сливавших его в цивилизационное единство. В послегомеровский период роль ксении не только не уменьшилась, но, пожалуй, и возросла. Все греческие полисы к классической эпохе были уже соединены в единую цепь сетью союзов гостеприимства, распространявшейся и на соседние варварские государства (Лидию, Фракию и др.). Помимо ксении, при установлении внешних контактов аристократии играли роль экономические связи и брачные союзы. Все связи подобного рода имели более личностный характер, не были столь прямо связаны с отношениями родства, как связи внутриаттические.

Безусловно, вышеперечисленные механизмы влияния не в равной степени характерны для всех представителей афинской аристократии. Отдельные знатные роды в своей деятельности отдавали предпочтение тем или иным из этих механизмов. Так, одним родам (Евмолпиды, Этеобутады) было свойственно тяготение к более архаичным методам (земельные богатства, контроль над локальными культами); другие (Писистратиды,

Филаиды) в большей степени пользовались возникшими позже средствами – обширной системой внутренних и внешних связей; третьи (Керики, Бузиги) пытались комбинировать те и другие механизмы.

В последние десятилетия среди исследователей истории архаических и раннеклассических Афин получила значительное распространение концепция «регионализма». Первые шаги к ней были сделаны еще в 30-х годах, когда некоторые авторы (Gomme, 1986; Лурье, 1939) показывали, что группировки, боровшиеся за преобладание в афинской политической жизни, имели в значительной мере локальную основу. Но в полном смысле слова автором рассматриваемой концепции можно считать американского ученого Р. Сили, в ряде работ 1960-х – 1970-х годов проводившего мысль, что все политические конфликты в Афинах VII–V вв. до н. э. были обусловлены не социально-экономическими причинами и тем более не принципиальной идейной борьбой, а столкновением интересов аристократии различных регионов Аттики (Sealey, 1960; Sealey, 1976; Sealey, 1979). Политическое объединение Аттики, по мнению Сили, не сразу превратило ее в органичное единство, долгое время вызывая недовольство знати таких регионов, как Элевсинская равнина и равнина на востоке страны, близ Тетраполиса и Браврона. Региональные конфликты, борьба местной аристократии за преобладание в Аттике – вот доминирующий момент политического развития этого времени. На основе этих общих положений Сили пытался делать и конкретные идентификации. Так, в Килоне, первом претенденте на тиранию в Афинах, он видел выразителя интересов знати Элевсинской равнины, в тиране Писистрате и сопернике Клисфена Исагоре – лидеров «марафоно-бравронской» группировки (следует сказать, что если одни из этих идентификаций кажутся достаточно очевидными, то другие просто-таки озадачивают). Победу Клисфена и его реформы в конце VI в. до н. э. исследователь считал не чем иным, как победой городских аристократических родов (прежде всего Алкмеонидов) над локальными аттическими. Те силы, на которые опирались соперничавшие знатные роды, – группы их приверженцев, зависевших от них в экономическом, политическом, культовом отношениях, то есть близких к римскому слою клиентов.

Концепция Сили (вне сомнения, одна из самых интересных среди выдвигавшихся в XX веке по поводу политической борьбы в архаических Афинах) в той или иной степени, с теми или иными оговорками была принята значительным числом ученых (Ehrenberg, 1968; Ghinatti, 1970; Kluwe, 1972; Williams, 1982;

Зельин, 1964). Высказывались и возражения против издержек концепции «регионализма». Подмечалось, что наряду с региональными связями не следует забывать и о личных (Mossé, 1964). Социальный момент, не абсолютизируя его, также необходимо принимать во внимание. Так, среди диакриев, очевидно, бóльшим, нежели в других политических группировках середины VI в. до н. э., был удельный вес неполноправных и деклассированных слоев населения (Аристотель, Афинская полития. 13. 5; Плутарх, Солон. 29).

Лекция 4. Индивидуализм и коллективизм в архаических Афинах

Для политической жизни и – шире – для всего социокультурного бытия эллинского мира времени архаики были характерны два исключительно важных процесса. Один из них можно назвать «рождением личности», а второй – «рождением греческого полиса». Это порождало одновременное существование двух тенденций в менталитете – индивидуалистической и коллективистской. Первая из них проявлялась в ярко выраженном стремлении формирующейся личности заявить о себе в полный голос, проявиться на всех поприщах общественной жизни, в стремлении во всем быть первым, что находило выход в прекрасно известной состязательности греческой цивилизации, в пресловутом «агональном духе», столь компетентно описанном в отечественной историографии А. И. Зайцевым (Зайцев, 2001). Этот агональный дух был заметен буквально во всех сферах, на всех уровнях социума: от войны до поэзии, от атлетики, бывшей уделом знати, до керамического производства, которым, естественно, занимались лица невысокого статуса. Следует специально подчеркнуть, что, когда мы говорим о рождающейся и заявляющей о себе личности, стремящейся к первенству, в рамках данного курса нас интересует прежде всего не творческая личность в области культуры (первые философы, первые скульпторы, первые лирические поэты и т. п.), а личность политическая, в архаическую эпоху еще исключительно аристократическая по происхождению. Характерным проявлением личностного начала в политике стала, в частности, свершившаяся уже в начале этого хронологического отрезка почти повсеместно в Греции замена примитивных монархий во главе с басилеями на аристократические режимы, что немедленно повело к началу острой борьбы за власть между группировками, возглавлявшимися знатными лидерами, – в русле той же «агональной» тенденции. Эта борьба, проходившая в конечном счете между личностями, зачастую имела результатом многолетнее перманентное состояние стасиса в формирующихся полисах, а в наиболее развитых из их числа – торжество «сверхличности», то есть тирана. Не приходится сомневаться в том, что феномен Старшей тирании был порождением именно «личностной», «агональной» тенденции в политической жизни и политическом менталитете. Как справедливо пишет Ю. В.

Андреев, «в тираническом государстве могущество и значимость отдельной, правда, одной-единственной личности намного превышали все допустимые, по греческим понятиям, нормы» (Андреев, 1998, с. 142). Тирания, таким образом, была отклонением, но отклонением вполне органичным и естественным, следствием одностороннего и чрезмерного развития одной тенденции в ущерб другой.

Что же касается этой второй тенденции, коллективистской, связанной со складыванием полиса, то она тоже очень ярко проявлялась в течение архаической эпохи, вызвав к жизни целый ряд явлений. Обязательно следует назвать, в частности, появление гоплитской фаланги. На смену индивидуальным «мономахиям» и «аристиям», описанным в «Илиаде», пришло согласованное действие на поле боя сплоченного коллектива воинов. Значение этого феномена, его влияние на все стороны полисной жизни и – шире – древнегреческой истории трудно переоценить. Фаланга стала исключительно эффективной формой военной организации, а впоследствии показала свое превосходство над любым древневосточным способом построения войск и во многом способствовала достижению Грецией того высочайшего места в мировой политике, которое она заняла уже в классическую эпоху. Не менее важной была роль фаланги и для внутренней жизни эллинских полисов. Вряд ли нужно лишний раз специально подчеркивать ту достаточно очевидную вещь, что «рождение полиса» и «рождение фаланги» являли собой два теснейшим образом взаимосвязанных процесса, влиявших друг на друга, и трудно даже судить, что в этой связке было первичным, а что – вторичным. Нам лишь хотелось бы здесь оттенить один нюанс, который обычно недостаточно принимают во внимание. Вопреки распространенному мнению гоплиты и фаланга не явились порождением возрастания значения демоса. Впоследствии демос (точнее, его верхние слои, те, кто был способен приобрести паноплию) действительно воспользовался этим полезным новшеством. Но изначально, насколько можно судить, гоплитское вооружение предназначалось для аристократов, и построение фалангой практиковалось именно ими. Это было проявление своего рода аристократического коллективизма – противовеса аристократическому же индивидуализму.

Коллективистская тенденция видна невооруженным глазом в различных сферах общественной жизни архаических полисов. Безусловно, необходимо сказать в данной связи об уже упоминавшемся выше издании первых в греческом мире сводов законов, которые вводили некие единые, обязательные для всех

нормы поведения в рамках гражданского коллектива. В раннем законодательстве коллективистская тенденция противостояла индивидуалистической. Стоит отметить еще, что в прямой связи с коллективизмом стоит складывание такого важного компонента шкалы ценностей древнегреческой цивилизации, как полисный патриотизм, еще практически чуждый героям Гомера.

Две тенденции, о которых идет речь – индивидуалистическая и коллективистская, – были не только взаимодополняющими, но и, конечно, противостояли друг другу, находились в диалектическом противоборстве. Такого рода «единство и борьба противоположностей» во многом обусловили появление самого «греческого чуда», складывание классической полисной цивилизации, полисной системы ценностей. Лишь в очень редких, можно сказать, единичных случаях одной из тенденций удавалось взять верх над другой, достигнуть решительного преобладания. Такие случаи являлись, безусловно, отклонениями от нормы, некими полюсами возможного.

А в типовом полисе индивидуалистическая и коллективистская тенденции сосуществовали, и, соответственно, периоды стабильности и стасиса чередовались, сменяя друг друга. Естественно, именно стабильность, «евномия», была желательным состоянием; стасис стремились предотвращать, используя для этого различные средства. Одним из таких средств было, в частности, колонизационное движение. Исследователи, изучающие Великую колонизацию архаической эпохи, чаще всего делают акцент на ее экономические факторы (стенохория и земельный голод как следствие демографического взрыва, поиск сырьевых баз, желание утвердиться на торговых путях и т. п.), но не всегда уделяют должное внимание факторам политическим. Между тем последние, как нам представляется, играли далеко не последнюю роль. Сплошь и рядом непосредственным поводом выведения колонии являлись перипетии борьбы за власть в полисе. Группировка, не сумевшая добиться успеха «у себя дома», уходила в апойкию, а ее лидер становился ойкистом, таким образом достигая на новом месте того высокого положения, в котором ему было отказано на родине. Впрочем, колонизация, естественно, не могла стать панацеей, да и в целом являлась вариантом, возможным отнюдь не для любого полиса. Для того чтобы колонизационное мероприятие осуществилось, была необходима либо совокупность не только политических, но и экономических предпосылок (группировка политиков-аристократов могла, естественно, основать жизнеспособную колонию только в том случае, если ее сопровождала достаточно значительная в количественном отношении группа рядовых

граждан, заинтересованных в переселении), либо ситуация должна была быть крайне острой, не оставлявшей для какой-то части населения реальной возможности остаться на родине (например, если в ходе борьбы одна группировка полностью побеждала и поголовно изгоняла другую, что случалось не часто).

Порой стабильности в полисе удавалось достичь иным способом – установлением умеренной олигархии, в рамках которой члены аристократической элиты, отказавшись от части своих притязаний, находили друг с другом некий modus vivendi, а демос, не подвергающийся чрезмерной эксплуатации, был в общем удовлетворен своим положением и не стремился к большему. Именно таков случай Коринфа, где в первой половине VI в. до н. э., после ликвидации тирании Кипселидов, возникло именно такого рода олигархическое правление (кстати, отнюдь не входившее в противоречие с высоким экономическим развитием этого города). Коринфская олигархия оказалась весьма стабильной, и, насколько можно судить, случаи стасиса в Коринфе стали весьма редкими.

Прочности и стабильности олигархии, правившей Коринфом, вне сомнения, способствовало то обстоятельство, что вся коринфская высшая знать, по сути дела, представляла собой один огромный, чрезвычайно разросшийся клан Бакхиадов. Аристократам, ощущавшим себя родственниками (пусть и дальними), было, конечно, легче найти общий язык. Далеко не везде, однако, дело обстояло таким же образом. Так, в Афинах аристократическое правление, установившееся в начале архаической эпохи, не вылилось в господство одного знатного рода, а изначально приобрело форму соперничества различных группировок. Кстати, ситуация в Аттике (а именно этот регион греческого мира, естественно, больше всего интересует нас) осложнялась еще и тем, что, как известно, еще на закате микенской эпохи, в период дорийского нашествия, она стала прибежищем для многих представителей ахейской знати Пелопоннеса, изгнанной дорийцами. Иммигранты практически заняли в Афинах весьма влиятельное положение: именно из их среды выдвинулась последняя афинская царская династия – Медонтиды (Кодриды), а также столь известные аристократические роды, как Писистратиды, Филаиды, Алкмеониды. Наличие большого числа «чужаков» в рядах аристократии, и без того отнюдь не сплоченных, делало политическую борьбу только более острой, а соперничество – более болезненным. Понятно, что, например, лидер группировки педиеев в первой половине VI в. до н. э. Ликург из рода Этеобутадов, возводивший свою родословную к первым афинским

царям-«автохтонам» (ср. Аполлодор, Мифологическая библиотека. III. 14. 8), не мог с иным чувством, кроме как с глубокой неприязнью, наблюдать за тем, как рвется к власти «выскочка» Писистрат, чьи предки жили в Аттике «всего лишь» каких-нибудь полтысячелетия. Характерно, что Писистрат, случалось, вступал в альянс с другим своим видным соперником – Мегаклом из рода Алкмеонидов, тоже потомком иммигрантов из Пилоса, но ни о каких соглашениях Писистрата с Ликургом источники не сообщают. Очевидно, такие соглашения были просто невозможными.

Следует подчеркнуть, что практически каждый аристократ (во всяком случае, если говорить о самом верхнем, действительно правящем слое) вполне готов был видеть в себе самом потенциального тирана, но в то же время, естественно, отказывал в таком же моральном праве всем своим собратьям по сословию. Среди афинской знати, насколько можно судить, почти не было принципиальных противников тирании как таковой, тем более что, как убедительно показал И. А. Макаров, сам феномен Старшей тирании и по социальным корням, и по своей идеологии был чисто аристократическим (Макаров, 1997; ср. Salmon, 1997). Однако, с другой стороны, в живой реальности эпохи каждый знатный лидер противился установлению тирании – постольку, поскольку он не мог допустить, чтобы тираном стал кто-то другой. Архаическое общество аристократов было обществом «равных», своеобразных «пэров», которые старались не допустить существования над ними «первого». Собственно, именно поэтому они и покончили с властью гомеровских басилеев. Отсюда – своеобразный аристократический «республиканизм», который, безусловно, внес свой вклад в формирование полисных структур. Одной из манифестаций этого «республиканизма» стало раннее появление остракизма – изгнания из полиса наиболее влиятельных граждан, не за какую-либо вину, а, так сказать, «для профилактики», во избежание потенциального захвата такими гражданами тиранической власти. В другом месте (Суриков, 2006, с. 182–228) мы стараемся аргументированно показать, что первые, еще институционально не очень развитые формы остракизма («протоостракизм», как мы их называем) возникли именно в эпоху архаики. К решениям об остракизме в то время еще отнюдь не привлекались массы демоса. Аристократы – пока чисто в своей среде, в укомплектованных ими органах управления (советах и т. п.) решали, кто из представителей их сословия стал слишком опасен для других и должен быть заблаговременно (именно заблаговременно, поскольку иначе могло стать уже поздно) удален.

* * *

Переходим непосредственно к Афинам и Аттике. Жители этой области принадлежали к ионийской субэтнической группе греческого этноса. На ранних этапах истории полиса, когда государство находилось еще в стадии формирования, гражданское население подразделялось по древнему родо-племенному принципу. Важнейшими и наиболее крупными единицами являлись четыре филы (племени); в состав какой-нибудь одной из них входил каждый афинский гражданин. Есть, впрочем, мнение, согласно которому древнегреческие филы были не племенами в привычном нам смысле слова, а образованиями, близкими к древнеиндийским варнам (Надь, 2002, с. 356; ср. Бенвенист, 1995, с. 193 слл.).

Фила делилась на фратрии – единицы более мелкого размера, объединения преимущественно культового характера. В состав фратрии, в свою очередь, входили роды. Однако членами родов являлись не все жители Аттики, а только аристократы; принадлежность к какому-нибудь роду являлась, таким образом, важным критерием знатного происхождения лица. В то же время постепенно начинали намечаться зачатки территориального деления полиса: каждая фила подразделялась на три триттии, а каждая триттия – на четыре навкрарии. Всего было 48 навкрарий, и эти небольшие округа являлись наименьшими территориальными единицами. Каждая навкрария обязана была за свой счет содержать военный корабль, и таким способом в течение архаической эпохи комплектовался афинский флот.

Афины существовали уже во II тыс. до н. э., являясь «дворцовым царством», но в то время были лишь одним из второстепенных центров микенской эпохи. Возрастанию их роли в известной мере способствовало то обстоятельство, что дорийское нашествие, сокрушившее микенскую цивилизацию, практически не коснулось Аттики, обошло ее стороной. В результате не произошло резких перемен в составе населения области (не считая наплыва ахейских иммигрантов, которые бежали в Аттику из Пелопоннеса, спасаясь от дорийцев), не появилось прослойки пришлых завоевателей, как в Спарте, и не сложилось типов зависимости, близких к илотской. Иными словами, можно говорить об относительном континуитете афинской истории между II и I тыс. до н. э.

Этот фактор, несомненно, сыграл свою роль в дальнейшем, и всеобщий упадок и регресс, характерные для Греции «темных веков», проявились в Аттике в меньшей степени. X–VIII вв. до н. э. были для Афин даже временем относительного процветания

(разумеется, их положение может быть названо процветающим только на общем, крайне незавидном фоне тогдашнего греческого мира). Афины являлись одним из наиболее значительных центров в Элладе, особенно в экономическом отношении. В частности, пожалуй, лучшей в Греции по качеству была аттическая расписная керамика геометрического стиля. Впоследствии, однако, под воздействием ряда не вполне ясных причин преимущества Афин несколько снивелировались; к VII в. до н. э. наметилось замедление в развитии этого полиса. Афины как бы несколько отошли в тень, уступили «пальму первенства» нескольким другим крупным городам (таким, как Халкида и Эретрия на Эвбее, Коринф, ряд полисов Ионии) и стали лишь одним из рядовых, хотя и крупных, государств греческого мира.

Исключительно важную роль во всех сторонах жизни ранних Афин сыграла евпатридская аристократия. По удельному весу знати в составе населения афинский полис едва ли не превосходил все остальные. Одной из причин этого был приток в Аттику на рубеже II–I тыс. до н. э. беженцев-аристократов из завоевываемого дорийцами Пелопоннеса. Этих беженцев, насколько можно судить, радушно принимали в Афинах; они занимали там высокое положение. Знатные роды Филаидов, Саламиниев, Алкмеонидов и др. в дальнейшем возводили свое происхождение к таким иммигрантам. А один из родов, пришедших в Аттику из мессенского Пилоса (Кодриды или Медонтиды, как этот род обычно называют в исследовательской литературе), стал даже последней афинской царской династией. В период «темных веков» цари из этой династии разделили судьбу остальных раннегреческих басилеев: их власть, и изначально не слишком прочная, становилась со временем все более призрачной. Их полномочия сократились, был снижен срок пребывания царя у власти – с пожизненного до десятилетнего, а позже и до годичного. Должность царя из наследственной превратилась в выборную и стала доступной не только членам династии Медонтидов, но и представителям других евпатридских родов. Тому же ограничению власти басилеев служило введение других высших (архонтских) магистратур наряду с царской. В конце концов институт царской власти в Афинах раздробился, превратился в коллегиальную власть архонтов, то есть фактически монархия была ликвидирована. Власть постепенно, скорее эволюционным, чем революционным путем перешла к аристократам, которые отныне прочно держали в своих руках все ее рычаги.

В начале VII в. до н. э. сформировалась политическая система архаического афинского полиса как типичной аристократической

республики (ее описание см.: Аристотель, Афинская полития. 2–3). Во главе государства стояла коллегия из девяти архонтов, занимавших свой пост в течение года. Между архонтами существовало определенное разграничение функций (хотя не думаем, чтобы оно предельно строго соблюдалось на столь раннем этапе развития государственности). Первый архонт (эпоним) считался высшим гражданским должностным лицом полиса; он давал свое имя году, на который приходилось его правление. Второй архонт (басилей) был, как видно из названия этой магистратуры, в наибольшей степени прямым наследником древней царской власти, но в эпоху архаики сохранял лишь полномочия верховного жреца полиса, руководителя религиозной жизни общины. Третий архонт (полемарх) являлся верховным главнокомандующим вооруженными силами. Остальные шесть архонтов (фесмофеты) контролировали функционирование неписаного права.

Чрезвычайно важную роль в управлении играл Совет Ареопага. Именно этот орган был главным оплотом власти аристократии. В его состав входили архонты, когда истекал срок их пребывания у власти, и оставались членами Ареопага пожизненно (таким образом, способ его комплектования напоминал способ комплектования римского сената). С другой стороны, именно Ареопаг имел прерогативу назначать граждан (естественно, исключительно аристократов) на должности архонтов, и таким образом он как бы постоянно воспроизводил собственный состав. Ареопаг, состоявший из нескольких сотен членов и пользовавшийся огромным авторитетом, осуществлял высший контроль над всей жизнью полиса («распоряжался большинством важнейших дел в государстве», как пишет Аристотель), а также являлся верховной судебной инстанцией, разбиравшей наиболее важные дела и следившей за соблюдением законов.

В ранних Афинах, конечно, существовало и народное собрание, но вплоть до VI в. до н. э., до реформ Солона, оно не играло сколько-нибудь значительной роли, к тому же, насколько можно судить, охватывало собой не весь гражданский коллектив: беднейшие граждане (так называемые феты) в его работе не участвовали, оставаясь, таким образом, неполноправными. В целом положение рядового афинского демоса, как и в других раннеархаических полисах, было довольно приниженным. Он полностью подчинялся традиционному влиянию аристократии и, кроме того, находился от нее в экономической зависимости, которая при этом имела тенденцию к усугублению и во второй половине VII в. до н. э. вылилась в настоящее закабаление знатью

беднейших крестьян. Широкое распространение получила долговая кабала. Порой неоплатные должники обращались в настоящих рабов. Во всяком случае, такая картина встает со страниц трудов Аристотеля (Афинская полития. 2) и Плутарха (Солон. 13), описывающих положение в досолоновских Афинах. Насколько достоверна эта информация, на какие источники, помимо трудных для интерпретации стихов Солона, опирались в своих реконструкциях указанные авторы, отделенные от описываемых ими событий веками, – обо всем этом судить очень трудно. Природа кризиса (а кризис, безусловно, имел место, иначе не потребовались бы реформы) неясна; гипотез по этому поводу выдвигалось немало, но все они, как справедливо замечает К. Раафлауб, небесспорны (Raaflaub, 1993, p. 70).

В 636 г. до н. э. в Афинах впервые была предпринята попытка установления тирании. Власть попытался захватить молодой аристократ Килон, незадолго до того одержавший победу в Олимпийских играх. Встав во главе отряда сверстников, он занял Акрополь. Однако демос не поддержал Килона, и его мятеж был относительно легко подавлен властями полиса; при этом, правда, не обошлось без массовых убийств и кровопролитий. В расправе над мятежниками важную роль сыграли представители знатного рода Алкмеонидов, которому и впоследствии было суждено занимать очень видное место в афинском государстве. В частности, к этому роду принадлежал первый архонт 636 г. до н. э. Мегакл. Неудача заговорщиков показала, что Афины еще не созрели для тиранического режима, в отличие от соседних Мегар, Коринфа, Сикиона, где как раз в середине VII в. до н. э. власть перешла в руки тиранов. Значит, социально-политическая напряженность в полисе не стала еще столь острой, чтобы потребовать такого крайнего средства, как установление единоличной власти. Однако описанный инцидент повел к витку острой борьбы между аристократическими группировками. Убийство следовало за убийством, поскольку вступил в действие старинный обычай кровной мести.

Запустив этот механизм, его очень трудно было остановить. Пресечь междоусобные распри был призван первый в Афинах свод письменных законов, изданный в 621 г. до н. э. законодателем Драконтом, занимавшим должность архонта-фесмофета. Важнейшее место в этом своде занимал цикл законов об убийствах, которые должны были если не ликвидировать окончательно кровную месть, то, во всяком случае, поставить ее под контроль государства. Родственникам убитого не дозволялось отныне самовольно расправляться с убийцей; дело должно было быть передано на рассмотрение суда Ареопага или особой

судебной коллегии эфетов.

Около того же времени (нам представляется наиболее вероятной датировка 615 г. до н. э.) состоялся судебный процесс над Алкмеонидами, расправившимися с участниками заговора Килона (Аристотель, Афинская полития. 1; Плутарх, Солон. 12). Впрочем, их обвиняли не в убийстве (они действовали от лица государства), а в преступлении сакрального характера, в том, что, перебив мятежников, находившихся на Акрополе под покровительством божеств, они осквернили полис. По приговору суда останки непосредственных виновников (которых уже не было в живых), в том числе Мегакла, были выкопаны и выброшены за пределы Аттики, а их потомки, во главе которых стоял сын Мегакла Алкмеон, осуждены на «вечное» изгнание. Удаление из государства целого рода (причем рода очень сильного и влиятельного), бесспорно, было симптомом глубокого политического кризиса.

Итак, два важнейших процесса наметились в жизни афинского полиса к рубежу VII–VI вв. до н. э.: постоянная межаристократическая борьба и растущее закабаление демоса, вызывавшее его естественное недовольство. Оба этих процесса серьезно подрывали стабильность и порядок в государстве; ситуация настоятельно требовала реформ. Эти реформы были проведены, и если в ближайшей перспективе достигли не всех своих целей, то, во всяком случае, в конечном счете, со временем, привели к другому, чрезвычайно важному результату: резко ускорили развитие Афин, ранее, как мы видели, шедшее средними темпами, превратили этот полис в один из самых динамичных в Элладе и уже к рубежу эпох архаики и классики сделали его наиболее значительным политическим, экономическим и культурным центром греческого мира. Уже этого достаточно для того, чтобы назвать государственного деятеля, осуществившего реформы, воистину гениальным. Речь идет о Солоне, появившемся на политической арене в нелегкое для афинского полиса время.

Лекция 5. Реформы Солона и их последствия

О реформах Солона нам уже неоднократно приходилось писать (наиболее подробно: Суриков, 2005, с. 72–150). Поэтому здесь мы остановимся на его деятельности достаточно кратко и только в тех контекстах, которые необходимо рассмотреть в рамках данного курса.

Великий законодатель сам принадлежал к кругам аристократии. Он был выходцем из рода Кодридов (Медонтидов), когда-то являвшегося царской династией. Мало кто в Афинах мог похвастаться более знатным происхождением, чем Солон. Нет сомнения, что этот факт прибавлял ему авторитета: не забудем о том, что одним из базовых критериев оценки индивида в афинском полисе, да и в целом в античной Греции, всегда оставалась его родословная. Правда, судя по всему, та ветвь обширного рода Кодридов, членом которой являлся Солон, к концу VII в. до н. э. уже обеднела, так что он был не очень богат.

Солон, как истый аристократ и выразитель аристократического мировоззрения, и в своих стихах крайне отрицательно относится к неправедно разбогатевшим людям, противопоставляет такое богатство подлинным доблестям. Тем не менее для улучшения своего материального положения он сам был вынужден заняться морской торговлей (Плутарх, Солон. 2). Впрочем, это сослужило ему хорошую службу. Много путешествуя, будущий законодатель и реформатор знакомился с нравами, обычаями, политическим устройством других государств, что, несомненно, должно было расширять его кругозор. Не случайно для всей последующей деятельности Солона было характерно сочетание двух начал: стремления к необходимым преобразованиям и здорового консерватизма. Аристократ, но аристократ отнюдь не закосневший в слепой приверженности традиционной системе ценностей, а в высшей степени мобильный и гибкий по всему складу своего ума, – таким предстает Солон из источников и прежде всего из его собственных элегий.

Эти стихи отличаются ярко выраженной политической направленностью, суровой критикой существовавшего состояния дел. Яркими и в то же время мрачными красками поэт живописал кризисные явления в афинском полисе (стремление «вождей народа», то есть, скорее всего, аристократов, к несправедливому обогащению, угроза гражданской смуты-стасиса, плачевное

положение простого народа) и выдвигал как средство избавления от бед лозунг «благозакония» (eunomia).

Судя по всему, Солон благоволил к опальному роду Алкмеонидов, небезосновательно видя в них своих потенциальных сторонников, и использовал свой авторитет для того, чтобы добиться возвращения «проклятого» рода в Аттику. И в 594 г. до н. э. это возвращение последовало. В это время (а Солон получил уже чрезвычайные полномочия для проведения реформ), несомненно, по инициативе законодателя был принят закон об амнистии. Этот закон дошел до нас в передаче Плутарха (Солон. 19), цитирующего его дословно, и предписывает восстановить в гражданских правах всех ранее лишенных их лиц, за исключением тех, в отношении которых приговор был вынесен в нескольких специально оговоренных судебных органах (в Ареопаге, в коллегии эфетов или в Пританее). Алкмеониды не входили ни в одну из этих последних категорий (их осудила созданная ad hoc особая комиссия из 300 судей) и, следовательно, подпадали под амнистию.

Кстати, общее историческое значение той солоновской меры, о которой идет речь, трудно переоценить. Насколько известно, это была первая амнистия в афинской истории, а впоследствии к подобному средству разрядки напряженности во внутриполитической ситуации прибегали неоднократно (в том числе в 526-м, 480-м, 403 гг. до н. э.). Амнистия, проведенная Солоном перед началом его реформ, была направлена в первую очередь на то, чтобы расширить круг потенциальных сторонников готовящихся преобразований. Целями этой акции были преодоление раскола внутри гражданского коллектива, достижение примирения и компромисса, укрепление единства и стабильности полиса. В законе об амнистии, как в зеркале, отразился общий дух солоновской деятельности.

Солон со временем стал самым влиятельным и авторитетным политическим деятелем Афин во всех отношениях. Кроме этого, он имел то преимущество, что в условиях нарастающего конфликта между различными группами населения мог рассматриваться всеми социальными слоями как подходящая, компромиссная фигура. Группировки аристократов должны были видеть в нем «своего» ввиду его в высшей степени знатного происхождения; массы рядового демоса помнили о сочувственном отношении к беднякам, проявлявшемся в солоновских элегиях, о протестах поэта-политика против чрезмерного угнетения крестьян; торгово-ремесленная прослойка должна была принимать во внимание то обстоятельство, что Солон сам занимался торговлей. В общем, он больше, чем кто-либо из

афинян, подходил для проведения реформ. Впрочем, какой характер будут иметь его преобразования – об этом, вероятно, мало кто имел ясное понятие. Демос или, во всяком случае, какие-то его представители считали, что Солон возьмет в свои руки тираническую власть и будет действовать примерно так же, как тираны соседних с Афинами городов, то есть преследовать знатную элиту полиса, изгонять аристократов и конфисковать их имущество, проводить радикальные экономические реформы (многие уповали даже на всеобщий передел земли на равных основаниях). Аристократы, со своей стороны, полагали, что Солон проведет лишь необходимый минимум преобразований, что им не придется делать почти никаких уступок народу и их власть останется практически незыблемой.

Как бы то ни было, справедливости ради следует сказать, что гражданский коллектив афинского полиса все-таки нашел в себе достаточно политического мужества и решимости, чтобы прибегнуть к такой мере, как облечение в конфликтной ситуации одного из граждан экстраординарными полномочиями. В 594 г. до н. э. Солон был избран эпонимным архонтом (Аристотель, Афинская полития. 5. 2; Плутарх, Солон. 14; Диоген Лаэртский. I. 62). Само по себе это мало что значило: архонт, хотя бы даже и первый в коллегии, был лишь одним из магистратов аристократического полиса, и должность еще не давала ему полномочий на проведение чрезвычайных мер. Солона, однако, избрали не только архонтом, но также, по словам Плутарха, «примирителем и законодателем», а по выражению Аристотеля вообще «вверили ему государство».

Одной из самых демократичных реформ Солона было введение суда присяжных – гелиеи. Этот народный суд имел значение прежде всего последней апелляционной инстанции: в него могло обратиться с жалобой лицо, которое было недовольно приговором, вынесенным по его делу разбиравшим его магистратом (Аристотель, Афинская полития. 9. 1; Плутарх, Солон. 18).

Участвуя в суде присяжных, рядовой гражданин мог с особенной силой ощутить свою реальную власть: за ним оставалось окончательное решение, он мог отменить любой приговор самого высокого должностного лица, а обратный порядок был невозможен. Не случайно впоследствии роль гелиеи все возрастала и возрастала. Вначале, следует полагать, апелляции в нее вряд ли были частыми и регулярными; суд по-прежнему вершили магистраты из коллегии девяти архонтов (за каждым из них был закреплен особый круг дел, находящихся в рамках его компетенции). Затем апелляция в гелиею стала

обязательной. Наконец, в эпоху афинской демократии разбор дела магистратом хотя по традиции сохранялся, но был уже чисто формальным предварительным рассмотрением правомерности претензий обвинителя. Приговор же выносила коллегия гелиеи, а магистрат лишь председательствовал в заседании, причем, отметим специально, без права голоса.

Еще одним новым органом государственного управления, учрежденным Солоном, был Совет Четырехсот, названный так по количеству членов (Аристотель, Афинская полития. 8. 4; Плутарх, Солон. 19). Составлялся он на равных основаниях из представителей четырех аттических фил: каждая выдвигала по 100 булевтов. Совет Четырехсот, бесспорно, следует считать альтернативой древнему Ареопагу: в полисе фактически появились два института, которые если не дублировали друг друга, то все же не могли не вступать в некую коллизию, тем более что распределение функций между ними вряд ли с самого начала было вполне ясным и бесспорным. По сообщению Плутарха, Совет Четырехсот обладал пробулевтической прерогативой, то есть готовил и предварительно обсуждал проекты постановлений для народного собрания, а Ареопаг осуществлял «надзор за всем и охрану законов». Иными словами, до ликвидации политической роли аристократического Ареопага было еще очень далеко. Полномочия этого органа оставались весьма внушительными; он назывался «верхним советом» и занимал в иерархии власти более высокое положение, нежели Совет Четырехсот. И тем не менее монополии ареопагитов на принятие принципиальных решений был положен конец. Ареопаг не вырос в подобие римского сената, хотя в досолоновское время такую тенденцию, бесспорно, имел.

Реформы Солона представляют собой важнейшую веху истории архаических Афин, формирования афинского полиса. «Сверхзадачей» реформ был компромисс, упрочение единства внутри гражданского коллектива, попытка ликвидировать предпосылки стасиса. Тем не менее по истечении годичного срока деятельности Солона в качестве архонта, законодателя, посредника-примирителя обнаружилось, что он практически никому не угодил. Как и любой реформатор «центристского» толка, он нажил себе больше противников, чем сторонников (Аристотель, Афинская полития. 12; Плутарх, Солон. 16). Представители знати были недовольны тем, что их права оказались урезанными, демос же считал реформы недостаточно радикальными, сетуя прежде всего на то, что за кассацией долгов не последовал передел земель.

Солон, как известно, после своих реформ отправился в

десятилетнее путешествие и около 583 г. до н. э. возвратился в Афины. Какую же ситуацию застал он на родине? Прежде всего законодатель мог убедиться, что за время его отсутствия законы остались в силе, не были ни отменены, ни изменены. Новый «солоновский» порядок – с четырьмя имущественными разрядами, с Советом Четырехсот и гелиеей, с запретом долговой кабалы – продолжал действовать. С другой стороны, надежды Солона на то, что его реформы обеспечат гражданский мир в полисе, покончат со стасисом, не оправдались. Междоусобные смуты продолжались еще несколько десятилетий. Они не прекращались во все время отсутствия Солона. Было даже несколько случаев, когда из-за напряженности в государстве не могли избрать эпонимного архонта (Аристотель, Афинская полития. 13. 1). А вскоре после прибытия реформатора Афины впервые после мятежа Килона оказались перед серьезной угрозой тирании: некий Дамасий, став архонтом, не слагал с себя полномочий более двух лет, и его пришлось отстранять силой (Аристотель, Афинская полития. 13. 2).

В 561 г. до н. э. в Афинах установилась тирания. Единоличную власть захватил родственник Солона Писистрат – знатный, амбициозный аристократ, уже прославившийся на полях сражений, начинал свою карьеру в рядах сторонников солоновских преобразований. Престарелый законодатель всячески пытался предотвратить такое развитие событий, протестовал, призывал к сопротивлению, но все было тщетно. Вскоре Солон умер.

Мы сталкиваемся с историческим парадоксом. Парадокс этот заключается в том, что реформы Солона не привели к консолидации. Гражданские смуты уже вскоре после его архонтата разгорелись с новой силой и в конечном счете породили-таки тиранию, которой так боялся афинский законодатель.

Так что же, Солон потерпел фиаско? Если ограничиться краткосрочной перспективой, то так оно и может оказаться. К полному и долгосрочному окончанию губительного стасиса Афины пришли лишь на исходе VI в. до н. э., в период демократических реформ Клисфена. Деятельность Солона, однако, имела другое, более важное значение, но значение, сказавшееся лишь с течением времени. В ее результате экономическое, политическое, культурное развитие Афин вышло на принципиально новый уровень. В досолоновскую эпоху афинский полис по большинству своих параметров (исключая разве что размеры) был, в общем, рядовым по греческим меркам. Его опережали – и подчас довольно сильно – и Коринф, и Милет,

и полисы Эвбеи… В послесолоновское время ситуация начинает стремительно меняться. Афины делают такой резкий рывок вперед, что через какой-нибудь век становятся одной из двух, наряду со Спартой, «сверхдержав» греческого мира, претендентом на гегемонию в Элладе. Конечно, такой ход афинской истории – заслуга не одного Солона. Свой вклад в поступательное развитие этого процесса внесли впоследствии и Писистрат, и Клисфен, и – еще позже – Фемистокл. Но Солон был первым в этом ряду. Его с полным правом можно назвать «отцом-основателем» грядущего афинского могущества и процветания. Государственные деятели дальнейших десятилетий и веков шли уже по его стопам, по намеченному им пути.

* * *

Итак, деятельность примирителей и законодателей (даже таких выдающихся, как Солон) в архаических греческих полисах, при всем ее огромном историческом значении, далеко не всегда достигала своей непосредственной цели – прекращения смут и гражданских конфликтов. Подчас удавалось в лучшем случае на время смягчить противостояние, а затем оно вновь обострялось, и распри вспыхивали с новой силой. Слишком уж острыми были существующие противоречия между различными слоями гражданского населения и внутри них. Во многих полисах стасис принимал затяжной характер и продолжался, то затихая, то нарастая, целыми десятилетиями. Соперничали друг с другом различные аристократические группировки; периодически заявляла о своих требованиях (чаще всего экономических) и масса демоса. Все эти смуты развертывались на фоне растущего перенаселения в наиболее развитых областях Эллады, усугублявшего стенохорию («земельный голод»). Абсолютно необходимыми становились поиски каких-то выходов из положения.

В конце концов от стасиса было-таки найдено «лекарство», но лекарство это оказалось весьма горьким. Речь идет о режимах личной власти, которые начали появляться в наиболее развитых полисах примерно с середины архаической эпохи и получать все большее распространение. На сцену выступил новый исторический феномен – тирания.

Под тираном в греческой традиции понимался такой правитель, который не получил власть по наследству, законным путем, а добился ее собственными усилиями. Иными словами, по самой своей природе типичный тиран был узурпатором.

Естественно, достигнув властного положения, тиран всячески стремился легитимировать его, используя различные способы (привязку с помощью генеалогической традиции к древним родам басилеев; прокламирование особых связей с богами; реформы полисных структур, позволявшие назвать тирана «новым основателем» города с присвоением статуса ойкиста и, соответственно, правителя; иногда, хотя и редко, – принятие тираном официального царского титула). Впрочем, легитимация такого рода практически никогда не становилась по-настоящему успешной. Единственным действительно легитимирующим средством была, по сути дела, личная харизма тирана. Стоило ей иссякнуть (обычно это происходило при сыновьях или внуках первого узурпатора) – и все попытки удержать власть оказывались тщетными. Слишком уж очевидно деятельность тиранов противоречила процессам формирования полиса, проходившим на протяжении архаической эпохи. Выше шла речь о двух характерных для этого времени тенденциях – коллективистской и индивидуалистической. Тирания, вне сомнения, стала одним из самых ярких проявлений второй из этих тенденций.

Об этом феномене написано немало, и, соответственно, о многих его важнейших чертах можно говорить с известной долей уверенности. Архаическая тирания зародилась в северо-восточной части Пелопоннеса, где в середине архаической эпохи уже существовал целый ряд весьма развитых в экономическом и политическом отношениях полисов, переживавших серьезные проблемы и разъедаемых гражданскими конфликтами. К несколько более позднему времени относится возникновение тираний в других областях – на ряде островов Эгейского моря, на западном побережье Малой Азии, на Сицилии и в Южной Италии (Великой Греции).

Архаическая тирания может быть вполне корректно охарактеризована как диктатура «сильных личностей». По своему происхождению тираны, как правило, принадлежали к слою аристократии. Собственно, это выглядит вполне естественным: выходец ни из какого другого слоя в архаической Греции заведомо не мог добиться такой степени политического влияния, которая позволила бы ему претендовать на единоличную власть. Политика в эту эпоху была всецело уделом знати. И тираны являлись аристократами не только по происхождению, но и по системе ценностей, по своей идеологии.

Для того чтобы добиться власти, будущему тирану необходимо было прежде всего стать известным, зарекомендовать себя в полисе разного рода славными деяниями. Подходила, например, для этой цели победа в чрезвычайно авторитетных

панэллинских Олимпийских играх. Впрочем, статус олимпионика сам по себе далеко не всегда был достаточным для достижения нужной степени влиятельности. Афинянину Килону, как известно, не помогла его олимпийская победа: полис не принял его в качестве тирана.

Не худшим (а может быть, даже лучшим) средством прославиться была репутация полководца, руководство успешными военными операциями. Отнюдь не случайно, что многие тираны (Кипсел в Коринфе, Орфагор в Сикионе, впоследствии – Писистрат в Афинах) начинали свою деятельность именно как военачальники. Действия такого рода оказывались полезными в двояком плане. С одной стороны, они создавали будущему тирану ту самую личную харизму в глазах сограждан, которая облегчала восприятие его как правителя. С другой же стороны, среди воинов, служивших под началом удачливого полководца и преданных ему, могли рекрутироваться его ближайшие сподвижники, составлявшие впоследствии основу того отряда, с помощью которого тиран захватывал власть. Дело в том, что власть нужно было именно захватить, взять – в самом прямом физическом смысле, маркировав этот шаг непосредственным занятием вооруженной силой городской цитадели, акрополя.

После установления тирании в полисе складывалась ситуация своеобразной диархии, двоевластия (сразу припоминается принципат Августа в Риме). Очевидно, между тираном и народным собранием существовало какое-то разграничение властных полномочий по отдельным сферам, но наиболее важные решения, затрагивавшие интересы обеих сторон, принимались совместно. Два центра власти фактически заключали между собой договор.

Этим иллюстрируется чрезвычайно оригинальный статус архаического тирана. Он – как бы не в полисе, а вне его. Он выступает как некая автономная единица, как «государство в государстве», живущее по своим собственным законам. Законы полиса над ним в принципе не имеют силы. Конечно, встречались и исключения, когда тиран демонстративно выказывал лояльность по отношению к этим законам (Писистрат в Афинах, как мы увидим, поступал именно так), но это был лишь жест доброй воли, который делать было вовсе не обязательно и от которого можно было в любой момент отказаться. Далее, обратим внимание на то, что тираны обычно избирали своей резиденцией городской акрополь. Кроме них, там никто не жил, там находились только храмы богов.

В сущности, тирана воспринимали как героя. Имеется в виду

«герой» в греческом понимании слова, heros, то есть существо сакральное, сверхчеловеческой природы. К тирану относились примерно так же, как относились бы к настоящему легендарному герою, если бы таковой – представим невозможное (невозможное, впрочем, для нашего, но не для античного мироощущения) – вдруг осчастливил бы полис своим явлением. Сакральный статус тирана, проявлявшийся в его личной харизме, был главным фактором, удерживающим его у власти. Не случайно представители Старшей тирании всячески прокламировали этот свой «сверхчеловеческий» статус, распространяя легенды о божественных знамениях при своем рождении, о своей особой близости к небожителям.

В деятельности тиранов присутствовала не только полисная, но и панэллинская составляющая. В VI в. до н. э., когда тирания была особенно распространена в эллинском мире, тираны, правившие в различных полисах, поддерживали друг с другом теснейшие связи различного характера: ксенические, матримониальные или просто дружественные. Они старались помогать и содействовать друг другу. Так содействовал Периандр Коринфский Фрасибулу Милетскому и наоборот. Так Писистрат Афинский помог прийти к власти Лигдамиду Наксосскому, а Лигдамид, в свою очередь, – Поликрату Самосскому. Можно сказать, что тираны создали своеобразную «корпорацию» во всегреческом масштабе и блюли корпоративную солидарность.

И отдельные полисы, и Греция в целом скорее выигрывали, чем проигрывали от деятельности тиранов. Перед нами, подчеркнем, объективный факт, не зависевший от субъективных устремлений представителей Старшей тирании. Устремления эти в большинстве случаев были характерными для «сильной личности» в условиях агонального типа социума. Тираны заботились прежде всего о собственной славе и почестях, об упрочении своей власти. С этим связана, в частности, их репрессивная политика в отношении других аристократов своего полиса. За приходом тиранов к власти следовали зачастую казни представителей знати, их изгнание целыми семьями.

Не то чтобы тираны были какими-то антиаристократическими революционерами. Напротив, как мы говорили выше, они являлись представителями вполне традиционной и консервативной аристократической идеологии. Достаточно припомнить известный рассказ Геродота (VI. 126–130) о том, как тиран Сикиона Клисфен из династии Орфагоридов выдавал замуж свою дочь Агаристу. Он созвал женихов-аристократов со всех концов греческого мира (от Южной Италии до Фессалии), устраивал между ними разного рода конкурсы и в

конце концов сделал свой выбор. Тиран воспроизводил, таким образом, чисто эпическую модель. Совершенно очевидно, что он считал аристократическую молодежь из различных полисов (но, обратим внимание, не из своего собственного) равной ему по статусу, достойной породниться с ним. Взаимностью отвечали ему и аристократы, отнюдь не погнушавшись провести целый год при дворе тирана. Если взять архаические Афины в качестве более широкого примера, то увидим, что среди наиболее блестящих аристократических родов этого полиса трудно отыскать такой, который не был бы в течение своей истории как-то связан с тиранией и тиранами. Такие связи обнаруживаются и у Алкмеонидов, и у Филаидов, и у Бузигов… Итак, среди архаической знати, насколько можно судить, не было или почти не было принципиальных, «идейных» противников тирании как таковой. Вражда аристократов и тиранов была обусловлена личными, а не принципиальными причинами.

Тиран просто не мог не видеть почти во всех согражданах-аристократах потенциальных конкурентов в борьбе за власть, потому-то и расправлялся с ними (аристократы из других полисов конкурентами в этом плане для него не являлись, и, соответственно, с ними вполне можно было поддерживать дружественные контакты). Подрыв тиранами политической и экономической мощи аристократии имел весьма важное значение для рядового демоса: этот последний эмансипировался от всеобъемлющего влияния своих традиционных вождей, возрастало его самосознание, что готовило почву для установления – естественно, впоследствии, после ликвидации тиранических режимов, – более демократичных, чем ранее, форм правления. Повторим еще раз: речь, разумеется, идет об объективных результатах политики представителей Старшей тирании, а не об их субъективном «демократизме», вряд ли вообще имевшем место.

Вполне закономерно, что и свергались тираны чаще всего объединенными усилиями противостоявших им аристократов, а не в результате народных движений. Демос как раз был в основе своей удовлетворен деятельностью тиранов: его больше устраивало, когда над ним стоял один правитель, а не целый слой честолюбивых, соперничающих друг с другом kaloi kagathoi.

Как бы то ни было, не столь уж и редко тиранам удавалось благополучно передать власть своим потомкам, то есть основать династию. Наиболее известны в архаическом греческом мире династии Кипселидов в Коринфе (Кипсел, Периандр и др.), Орфагоридов в Сикионе (Орфагор, Клисфен и др.), Эакидов на Самосе (крупнейший представитель – Поликрат), Дейноменидов в

Сиракузах (Гелон, Гиерон I и др.) и, безусловно, Писистратидов в Афинах, о которых речь подробнее пойдет ниже. Впрочем, долговечными эти династии, как правило, не были, ограничиваясь двумя-тремя поколениями (насколько известно, самой длительной была сикионская тирания, продолжавшаяся чуть более века, ок. 670–556 г. до н. э.).

Давая общую характеристику феномену Старшей тирании, нельзя не отметить, что перед нами – в высшей степени сложное, противоречивое и даже парадоксальное явление; вряд ли существуют такие весы, на которых можно было бы с точностью взвесить, было ли в этом явлении больше позитивного или негативного. Тираны являлись выходцами из аристократических слоев – и они же боролись, порой беспощадно, с другими аристократами, объективно расчищая путь демосу. Тираны были приверженцами традиционной, консервативной аристократической системы ценностей – и они же зачастую становились реформаторами в политической, социально-экономической, религиозной сферах. Тираны выступали в роли наиболее полного воплощения индивидуалистической тенденции в развитии архаической Эллады – и они же в ходе своего правления делали полисы более централизованными, сплоченными, институционализованными, способствуя, таким образом, конечному торжеству тенденции коллективистской. Парадокс следует за парадоксом… А может быть, это и не парадоксы вовсе, а проявления диалектики эпохи – той кризисной эпохи, которая закономерно призвала к жизни тиранию как способ решения наиболее насущных проблем и столь же закономерно отказалась от этого режима, как только проблемы были в основном решены.

Лекция 6. Тирания Писистратидов и афинская аристократическая элита

В стороне от общего поветрия не оказались, естественно, и Афины. Тирания в афинском полисе зрела долго, несколько раз прорываясь преждевременными и неудачными всходами. В 636 г. до н. э. тираном по образцу пелопоннесских соседей пожелал стать аристократ и олимпионик Килон – но потерпел самое жестокое фиаско. В 594 г. до н. э. установления тирании ждали от Солона, но он обманул надежды своих не в меру ретивых приверженцев. В конце 580-х гг. до н. э. архонт Дамасий попытался противозаконно удержать власть в своих руках после истечения положенного срока и был отстранен насильственно… «Призрак тирании», вначале лишь смутно брезживший на горизонте, медленно, но неотвратимо надвигался на город Паллады.

Чтобы лучше понять историю (и предысторию) установления тирании в Афинах, необходимо отдавать себе отчет в общем положении Аттики в контексте всего греческого мира. В досолоновское время, как мы видели, эта область была средней по темпам развития. Афинский полис тогда отставал от наиболее значительных государств соседнего Истма и северо-восточного Пелопоннеса. Кроме того, ввиду достаточно обширной территории не ощущалась или слабо ощущалась проблема стенохории. В этом смысле аттические условия были, пожалуй, ближе к беотийским, а Беотию феномен Старшей тирании вроде бы вообще обошел стороной. Соответственно, в VII в. до н. э. объективных условий для установления тиранического режима в Афинах не сложилось. Такие условия сформировались лишь ближе к середине VI в. до н. э., когда темпы политического, экономического, социального развития в результате деятельности Солона существенно ускорились. В результате в 560 г. до н. э. очередная попытка аналогичного рода оказалась успешной, и Афины обрели своего тирана. Им был Писистрат, основатель династии Писистратидов.

По своему происхождению Писистрат принадлежал к самой верхушке афинской аристократической элиты. Его далекими предками, согласно мифолого-генеалогической традиции, были те самые иммигранты из царского рода Нелеидов, которые переселились в Аттику из мессенского Пилоса в период дорийского нашествия и дали начало целому ряду знатных родов, в том числе Кодридам-Медонтидам. Тем героем, к которому

семья будущего тирана непосредственно возводила свое происхождение (и в честь которого он сам был назван), был Писистрат, старший сын прославленного Гомером Нестора (Геродот, История. V. 65). Афинскими царями выходцы из этого рода никогда не были (таковыми являлись Кодриды, а это другая ветвь Нелеидов), но являлись родственниками царей и наверняка входили в их близкое окружение. Еще одним близким по происхождению родом считались Алкмеониды – тоже пилосские выходцы, ведшие свою родословную от Нелеидов.

Будущий тиран мог похвастаться не только столь отдаленными прародителями. Среди его более близких предков тоже были люди весьма известные в полисе. Так, имя Писистрат носил эпонимный архонт Афин 669/668 г. до н. э. (Павсаний. II. 24. 7). Об этом человеке больше ничего не известно, но его имя не оставляет сомнений в том, что он принадлежал к роду Писистратидов (только в их среде имело распространение данное древнее имя). Вряд ли перед нами дед Писистрата-тирана (разница в возрасте – около столетия), но, во всяком случае, кто-то из его сородичей. Таким образом, уже в первой половине VII в. до н. э. семья находилась в Афинах на самых высших «этажах» власти.

Как бы то ни было, можно определенно утверждать: нет никаких оснований причислять Писистрата к «маргинальным» слоям аристократии. Будущий афинский тиран был полноправным членом правящей верхушки знатной элиты. Единственный фактор, быть может, делал его положение несколько менее выгодным, нежели, скажем, положение Этеобутадов или Алкмеонидов: слишком далеко от города находились его родовые владения. Писистратиды имели свою резиденцию в той части Аттики, которая называлась Гиперакрией или Диакрией (Загорьем). Речь идет о регионе, располагавшемся на восточном побережье страны и отделенном горными цепями от центральной афинской равнины. Главными центрами Диакрии были селения Марафон и Браврон. Последний интересует нас прежде всего, поскольку именно он (и, видимо, его окрестности) являлся непосредственным местом родовых поместий Писистрата. Впоследствии, в классическую эпоху, там существовал дем (административно-территориальный округ), носивший название Филаиды. Некоторые античные авторы (Платон, Гиппарх. 228b; Плутарх, Солон. 10) даже приводят имя афинского тирана в таком варианте: «Писистрат из Филаидов». И, может быть, это даже не анахронизм. Правда, демы, как обычно считается, были введены в афинском полисе только Клисфеном в конце VI в. до н. э. Но как раз это не вполне верно. Было

достаточно убедительно показано наличие в источниках названий демов и демотиков уже для доклисфеновской поры (Raubitschek, 1949, p. 467–468; Whitehead, 1986, p. 5–16). Демами до Клисфена назывались в Аттике (как и в других ионийских регионах) сельские общины. Просто до конца эпохи архаики они не составляли основу административно-территориального деления страны и, скорее всего, не охватывали город Афины.

Обратим внимание на крайне интересное совпадение. В Афинах был аристократический род Филаидов, на протяжении веков остававшийся одним из самых влиятельных в политической жизни. Его происхождение возводилось к Филею, сыну Аякса, переселившемуся в Афины. В честь того же Филея, как эксплицитно сообщается (Плутарх, Солон. 10), был назван и дем Филаиды. Очевидно, согласно легендарной традиции, именно в этой прибрежной местности обосновался Филей, прибыв в Аттику.

Получается, что этот район Диакрии был местом изначального проживания сразу двух очень известных родов: Филаидов и Писистратидов. Поневоле приходится задаться вопросом об их взаимоотношениях и взаимном соотношении. Хотя два рода восходили не к одному корню (один претендовал на происхождение из Пилоса, другой – с Эгины и Саламина), но оба были не автохтонными, а иммигрантскими, что должно было способствовать их определенной общности, равно как и проживание по соседству друг с другом. Впрочем, этот последний фактор мог в той же мере порождать и соперничество. Писистратидам и Филаидам, как говорится, было что делить – как на региональном уровне, так впоследствии и на общеполисном. Соответственно, отношения между ними складывались сложно, неоднозначно. Порой они производят впечатление союзнических, а порой кажется, что перед нами – заклятые враги.

Как могло сказываться на степени политической влиятельности Писистрата его происхождение не из близких к Афинам районов, а из достаточно отдаленной Диакрии? Не думаем, что в очень большой степени. Дело в том, что, насколько можно судить, к рассматриваемому хронологическому отрезку все сколько-нибудь влиятельные аристократические семьи, имевшие возможность и желание играть роль в общественной жизни, имели уже, наряду со своими «исконными» резиденциями в разных частях Аттики, резиденции также и в самом городе (или его окрестностях). Например, Алкмеониды, происходившие из аттического региона Паралия (юго-западное побережье) и изначально обитавшие в демах Анафлист, Фреарры, Эгилия, уже

очень рано прочно обосновались также в пригородных демах Алопека, Агрила, Ксипета. Вышеупомянутые Филаиды имели родовую усыпальницу в деме Кела, а это тоже самые предместья Афин, можно сказать, черта города. Очевидно, реально они и жили где-нибудь поблизости (ведь не возить же всякий раз покойников в Афины из далекого Браврона).

Следует полагать, и Писистратиды не остались в стороне от этого движения аристократии из сельской местности в город. Практически несомненно, что семья будущего тирана имела дом в городе. Так что Писистрату не приходилось для участия в политической жизни систематически преодолевать расстояние в несколько десятков километров. Хотя многим из его сторонников, безусловно, приходилось. Вообще следует сказать, что факт «негородского» происхождения Писистрата все-таки делал его в глазах некоторой части горожан в известной мере чужаком.

И все же, что касается лично Писистрата, его знатное происхождение, богатство, слава его предков должны были превозмогать в общественном сознании фактор происхождения из отдаленного дема. Во всяком случае, с абсолютной уверенностью можно утверждать, что еще до захвата власти он занимал очень влиятельное положение в полисе. Прославился он прежде всего как военачальник (Геродот, История. I. 59; Аристотель, Афинская полития. 14. 1; Фронтин, Стратегемы. II. 9. 9), уподобившись в этом плане многим другим будущим тиранам в архаической Греции.

Писистрат начинал свою карьеру в рядах сторонников Солона, выступая до поры до времени в качестве союзника неоднократно упоминавшегося выше рода Алкмеонидов. Насколько можно судить, Диакрия – «вотчина» Писистрата – и Паралия, где особенным авторитетом пользовались Алкмеониды, в политическом отношении представляли собой в это время единое целое. Эти прибрежные регионы, население которых уже в силу объективных причин было более мобильным и в меньшей степени ориентированным на традицию, противостояли «срединной» области Аттики, так называемой Педиее (Равнине), остававшейся цитаделью старинной знати.

Здесь мы выходим на очень важный вопрос о характере политической борьбы в Афинах в середине VI в. до н. э. Античные авторы об этой борьбе сообщают следующее. Геродот (I. 59) пишет о противостоянии друг другу двух группировок – паралиев во главе с Алкмеонидом Мегаклом и педиеев, руководимых Ликургом (из древнейшего «автохтонного» рода Этеобутадов). Писистрат же, по словам «отца истории», создал рядом с этими двумя третью, свою собственную группировку гиперакриев.

Обратим внимание, что Геродот ни слова не говорит о каких-то идеологических ориентациях трех группировок. Для него это просто региональные политические формирования.

Аристотель (Афинская полития. 13. 4), в полном соответствии с реалиями его времени и со своими личными склонностями, уже начинает теоретизировать. По его мнению, паралии добивались «среднего образа правления», педиеи стремились к олигархии, а диакрии – к демократии (их лидер Писистрат казался воплощением демократического политика). Перед нами – очевиднейший анахронизм. В середине VI в. до н. э. политическая идеология не могла еще стоять на таком уровне, чтобы породить раскол полисного сообщества на почве абстрактных понятий. Не говорим уже о том, что сторонников демократии в принципе не могло быть тогда в Афинах, поскольку никто еще не знал, что это такое, да и слова такого в лексиконе пока не появилось. Стагирит допускает и еще одну небрежность: ведет рассказ таким образом, как будто бы все три группировки появились одновременно, в то время как из Геродота мы видели, что диакрии (гиперакрии) Писистрата – более позднее создание, чем педиеи и паралии.

Еще дальше уходит от истины Плутарх (Солон. 13). Он, повторяя положения Аристотеля о политических «платформах» трех группировок, еще и относит их происхождение (всех трех!) к досолоновскому времени. Это вряд ли может соответствовать действительности и скорее представляет собой домысел биографа (более авторитетные авторы о столь раннем происхождении группировок не пишут). Реформы Солона радикально изменили положение в общественной жизни, притушили одни конфликты, породили другие, новые, и, в общем, после них политические констелляции должны были быть не такими, как в дореформенный период.

Как бы то ни было, к концу 560-х гг. до н. э. политическая борьба в Аттике приобрела «тройственный» облик. Писистрат, опираясь на свою возрастающую популярность, стал лидером отдельной группировки (здесь сведения Геродота заслуживают наибольшего доверия). Для этого он со своими сторонниками должен был выделиться из группировки паралиев, порвав, таким образом, с Алкмеонидами и Солоном. Впрочем, разрыв не был непреодолимым и не исключал в дальнейшем коалиций между противниками.

Что же касается характера трех группировок, то он достаточно ясен уже из их названий. Речь следует вести, подчеркнем еще раз, не о «демократах» или «олигархах», а о формированиях на региональной основе, отражавших не

совпадавшие между собой интересы элиты и рядового населения основных частей Аттики. И не только интересы (экономические или иные), кстати, тут были задействованы, но и просто соперничество за власть между крупнейшими лидерами. В этом смысле нам в наибольшей степени импонирует упоминавшаяся выше концепция «регионализма» Р. Сили (Sealey, 1960; Sealey, 1976). При этом, разумеется, мы не будем отрицать, что педиеи, наверное, были особенно консервативны (если не по идеологии, то, во всяком случае, по всему образу жизни), что паралии могут в наибольшей степени считаться удовлетворенными существующим положением вещей «центристами», приверженцами сохранения и упрочения «солоновской конституции», а диакрии, так сказать, «радикалами», сторонниками перемен, поскольку область, в которой они жили, была самым бедным регионом афинского полиса. Но все это были в лучшем случае некие подспудные тенденции, а отнюдь не четко сформулированные программы.

В 561/560 г. до н. э. Писистрат, как известно, захватил тираническую власть в Афинах. Тираном он стал фактически с санкции полиса: народное собрание предоставило ему отряд телохранителей. Никакого сопротивления Писистрату, когда тот овладевал Акрополем, демос не оказал. Таким образом, установление тирании в Афинах следует считать не какой-то досадной случайностью, а закономерным и даже неизбежным фактом, совершившимся согласно (а не вопреки) воле большинства гражданского коллектива. Афинский полис как бы «созрел» для тиранического режима.

А как отнеслась аристократия к приходу Писистрата к власти? Насколько можно судить, пока она была еще не слишком встревожена. Главные из знатных лидеров, серьезнейшие из соперников Писистрата – и Мегакл, и Ликург, – остались в полисе, видимо, не видя для себя непосредственной опасности и не считая борьбу окончательно проигранной.

Придя к власти в первый раз, Писистрат не смог надолго удержать ее в своих руках. Для борьбы с тираном старые соперники Мегакл и Ликург, на время отложив разногласия, объединились. Вскоре Писистрат общими усилиями аристократов был изгнан из Афин. Впрочем, конкуренты проявили по отношению к нему демонстративную гуманность. Свергнутому тирану, судя по всему, не пришлось даже удаляться за пределы Аттики, и он засел в своем родовом поместье в Бравроне, выжидая перемен к лучшему.

Ждать пришлось недолго. Союз Ликурга и Мегакла, педиеев и паралиев не мог оказаться прочным ввиду своей неорганичности

и вскоре распался. Стасис вспыхнул с новой силой. В этих условиях Мегакл первый начал переговоры с опальным Писистратом. Очевидно, сохранялась память о том, что когда-то они принадлежали к одному лагерю, и это облегчало возобновление контактов. Договоренность между аристократическими лидерами была достигнута на следующих условиях: Мегакл способствует возвращению Писистрата к власти, а в обмен на это последний берет в жены дочь главы Алкмеонидов. Однако если Мегакл и рассчитывал, что в обмен на услугу Писистрат станет орудием в его руках, то он глубоко ошибался: политик с такими амбициями ни при каких условиях не стал бы послушным исполнителем чьей-либо воли.

Впрочем, непосредственная цель сговора двух лидеров была сразу же достигнута: Писистрат вновь стал афинским тираном. Утвердившись у власти, он, как и было предрешено, женился на дочери Мегакла. Казалось бы, отношения его с Алкмеонидами складывались прекрасно. Мегакл даже назвал своего сына, родившегося в это время, Гиппократом – вне сомнения, в честь отца Писистрата, чтобы подчеркнуть дружбу и союз двух семей. Точно так же поступил брат Мегакла, носивший имя Алкмеонид.

Однако менее чем через год он опять был изгнан. Геродот (История. I. 61) сообщает, что на этот раз тиран покинул не только Афины, но и Аттику, то есть удалился с территории полиса. На этот раз положение Писистрата, вновь попавшего в опалу, выглядело значительно более затруднительным, нежели в годы его первого изгнания. Казалось, что теперь путь к власти в Афинах для него навсегда закрыт. Тиран-беженец, однако, отнюдь не примирился с ситуацией и вновь проявил огромную настойчивость и целеустремленность, желая все-таки добиться своего. Тем не менее его второе изгнание продолжалось долго, целых десять лет (556–546 гг. до н. э.).

Это десятилетие Писистрат провел в активных действиях. Мы встречаем его то неподалеку от Аттики, в городе Эретрия на Эвбее, то на северном побережье Эгейского моря, где он собственными силами (видимо, с ним ушло в изгнание определенное число сторонников) осуществлял колонизационные акции, осваивая территории, богатые месторождениями серебра. И действительно, если опальный тиран желал реванша, больше всего ему были теперь необходимы материальные средства, чтобы навербовать контингент воинов-наемников. И еще он, конечно, нуждался в верных друзьях. Таковые у него тоже нашлись – очевидно, в силу межполисной аристократической солидарности. Когда на одиннадцатый год изгнания тиран ощутил, что он в силах вновь попытаться достигнуть успеха и начал из Эретрии

готовить вторжение на территорию Аттики, в его распоряжении были немалые силы: среди тех, кто взялся поддержать его притязания на власть, мы обнаруживаем и фиванцев, и эретрийцев, и аргивян, и – специально оговаривают источники – наксосского аристократа Лигдамида.

Этот пестрый, «интернациональный» отряд, состоявший частью из наемников, частью из добровольцев, в 546 г. до н. э. высадился в районе Марафона. Выступившее ему навстречу из Афин полисное ополчение было разбито в сражении. Так Писистрат в третий раз, и теперь уже окончательно, овладел властью в афинском полисе.

Можно с уверенностью утверждать, что афинская аристократия на этот раз пострадала сильнее, чем при первом и втором приходах Писистрата к власти. Так, пришлось уйти в изгнание Алкмеонидам во главе с Мегаклом, а ведь именно этот род до сих пор был главным препятствием для упрочения тирании. Впрочем, то был сознательный выбор Алкмеонидов. Похоже, что Писистрат никого насильно из полиса не изгонял, но многие представители знати, тяготясь режимом единоличной власти, сами покидали Афины и Аттику. Именно это говорит Геродот (История. VI. 35), в частности, о тогдашнем лидере рода Филаидов – Мильтиаде, сыне Кипсела. Его решение отправиться на Херсонес Фракийский было вполне добровольным. Скорее всего, то же следует сказать и о единоутробном брате Мильтиада – Кимоне, сыне Стесагора (будущем трехкратном олимпийском победителе), который при тирании тоже оказался в изгнании (Геродот, История. VI. 103). Как бы то ни было, полоса вооруженных смут в полисе была надолго пресечена.

* * *

Отзывы античной традиции о тирании Писистрата могут показаться парадоксальными и даже удивительными, если учесть, что в целом полисная идеология классической эпохи тиранов отнюдь не жаловала. Перед нами – серия панегириков, рисующих образ «идеального правителя». И характерно, что исходят они отнюдь не от апологетов тирании (ни Геродот, ни Аристотель таковыми не являлись). Насколько можно судить, перед нами – отражение в высшей степени благоприятной для Писистрата народной, фольклорной традиции, в которой на конкретное историческое лицо оказался наложен архетип «доброго царя», защищающего простых людей от произвола знати.

Какова же основа этой чрезвычайно устойчивой фольклорной

традиции, переборовшей даже неприязнь граждан демократического полиса к тирании? Иными словами, какие реалии эпохи тирании стоят за процитированными похвалами? Во-первых, Писистрат, насколько можно судить, не отменил ни законов Солона, ни в целом «солоновской конституции», более того, не внес в нее сколько-нибудь серьезных изменений. По-прежнему собиралось народное собрание, функционировали Совет Четырехсот и Ареопаг, избирались должностные лица. Правда, как замечает Фукидид (VI. 54. 6), «тираны заботились лишь о том, чтобы кто-нибудь из их сторонников всегда занимал архонтские должности». Но добивались этого они не путем прямого и грубого диктата, а, следует полагать, через практику рекомендаций.

Во-вторых, социальным слоем, более всего выигравшим от тирании в Афинах, было, несомненно, среднее крестьянство. Кстати, именно в этой среде обычно складывается и бытует устная фольклорная традиции. Вразрез с вышесказанным, кажется, идет сообщение Аристотеля о том, что Писистрат взимал с крестьян десятину (подоходный налог в 10 %). Конечно, если он первый ввел в полисе такого рода подать, так сказать, изобрел ее e nihilo, вряд ли потомки сохранили бы о нем благодарную память (такие меры всегда бывают крайне непопулярными). Но как раз в этом позволим себе усомниться. Скорее всего, тиран просто «перевел на себя» те платежи, которые крестьяне ранее делали своим локальным лидерам-аристократам. Для него это стало источником значительных доходов, а положение крестьянства никак не ухудшилось. Очень может быть, что даже улучшилось, если допустить, что одновременно с «переадресовкой» подати она была снижена.

В «Афинской политии» приводится информация о ряде мер Писистрата, непосредственно направленных на улучшение положения крестьянства и приведших к росту экономики (Аристотель. Афинская полития. 16. 2–5). В том же контексте стоит и сообщение об учреждении разъездных судей (так называемых «судей по демам»), которые разбирали тяжбы между крестьянами прямо на местах. Ранее споры земледельцев разбирались локальными аристократическими лидерами, что способствовало укреплению власти этих последних над рядовым населением. Именно эту-то власть Писистрат и хотел подорвать. Теперь функция судей на самом низшем уровне переходила из рук глав знатных родов в руки полисного института; делался еще один шаг на пути освобождения демоса от авторитета евпатридов. Все это чрезвычайно способствовало консолидации полиса.

Опираясь на возросшее богатство Афин (и свое личное), тиран приступил к проведению весьма активной внешней политики, имевшей целью максимально повысить роль афинского полиса в Элладе, превратить его по возможности в ведущий центр греческого мира, с которым будут считаться все. Именно в это время, во второй половине VI в. до н. э., начался значительный подъем Афин (которые еще недавно были рядовым полисом) во всех сферах – политической, экономической, культурной. Безусловно, в этом сыграли немалую роль реформы Солона, эффект которых во всей своей полноте начал ощущаться лишь со временем. Но неправомерным было бы отрицать и заслуги Писистрата в этом «афинском рывке».

* * *

В 527 г. до н. э. Писистрат, мирно дожив до старости (Фукидид, История. VI. 54. 2; Аристотель, Афинская полития. 17. 1), умер естественной смертью. Настолько прочным было его положение и настолько значительной – его популярность, что власть без каких-либо проблем или кризисов автоматически перешла к его сыновьям Гиппию и Гиппарху (Писистратидам). Первый из них, собственно, унаследовал власть тирана (для закрепления своего статуса он лично занял в 526/525 гг. до н. э., то есть как только представилась возможность, должность архонта-эпонима). Гиппарх же стоял на второй позиции в государстве, отвечая, если выразиться современным языком, прежде всего за культурную политику.

Первоначально Гиппий стремился продолжать мягкую и гибкую политику отца, снискавшую ему народную любовь. Он пошел даже дальше Писистрата, приняв решение примириться с аристократами, когда-то боровшимися против основателя афинской тирании, а теперь по большей части проживавшими в изгнании. Судя по всему, именно в начале правления Гиппия эти аристократические семьи (Алкмеониды, Филаиды, Керики) получили возможность возвратиться на родину; более того, их лидеры и видные представители были демонстративно приближены ко двору тирана, получили возможность занимать высокие государственные должности, вплоть до должности архонта-эпонима. В 525/524 г. до н. э., сразу после Гиппия, эпонимом был Клисфен, глава рода Алкмеонидов. В 524/523 г. до н. э. эта должность досталась Мильтиаду из рода Филаидов (скорее всего, это будущий марафонский победитель), в 523/522 г. до н. э. – некоему Каллиаду, очевидно, из рода

Кериков. После этого, в 522/521 г. до н. э., первым архонтом был поставлен сын тирана – Писистрат Младший. Могла даже создаться иллюзия возрождения традиционного аристократического режима, но только без присущих ему смут и при всеобщем согласии.

Подобное благоденствие, однако, не могло продолжаться слишком долго. В 514 г. до н. э. ситуация в Афинах была взорвана дерзким заговором, организованным двумя аристократами из рода Гефиреев – Гармодием и Аристогитоном. Жертвой их выступления, имевшего место на празднике Панафиней, стал Гиппарх. Заговор 514 г. до н. э. очень хорошо отражен в источниках: о нем сообщают такие ранние и авторитетные авторы, как Геродот (VI. 55 слл.), Фукидид (VI. 53 слл.), Платон (Гиппарх. 229b слл.), Аристотель (Афинская полития. 18. 2 слл.), и некоторые из перечисленных свидетельств подробны и детальны. Парадоксальным образом все эти представители античной нарративной традиции не видят в убийстве Гиппарха практически никакой политической подоплеки и считают, что заговорщики действовали из чисто личных мотивов, мстя за нанесенную тиранами обиду. Это резко контрастирует с теми светлыми, исполненными достоинства образами Гармодия и Аристогитона – «тираноубийц» и «борцов за демократию», – которые запечатлелись в демократической афинской идеологии V в. до н. э. Их фигуры подверглись сильнейшей мифологизации, и впоследствии наиболее эрудированным ученым (Геродоту, Фукидиду, Аристотелю) приходилось – не из антидемократизма, а из обычной акрибии – разоблачать расхожие домыслы, указывая, в частности, что правящим тираном был не убитый заговорщиками Гиппарх, а Гиппий, что тирания не только не была ликвидирована их поступком, а, напротив, стала после этого более суровой и т. п.

Впрочем, полностью исключать наличие политических мотивов в заговоре Гармодия и Аристогитона все же нельзя. Во всяком случае, сам Гиппий, оставшийся в живых и сумевший вновь поставить ситуацию под свой контроль, явно считал опасность – не только для себя лично, но и для режима – весьма значительной. Хотя сами «тираноубийцы» погибли, репрессии, судя по всему, на этом не остановились. Вновь были изгнаны из Афин многие представители аристократии, в том числе Алкмеониды, в очередной раз удалившиеся в Дельфы. Вскоре после этого они во главе своих сторонников вторглись в Аттику, некоторое время силой удерживали местечко Липсидрий, но затем были оттуда выбиты.

Правление тирана приняло более жесткие формы, и он стал

стремительно утрачивать популярность. Понимая это, Гиппий начал даже строить в прибрежном местечке Мунихия крепость, где бы ему можно было укрыться в случае какой-либо прямой угрозы. Однако крепость, судя по всему, так и не была достроена, поскольку события развивались быстрее, чем ожидал сын Писистрата. Благодаря интригам тех же Алкмеонидов, имевших влияние на дельфийское жречество, однозначно негативную позицию по отношению к афинской тирании заняла Спарта. В 510 г. до н. э. Гиппий был свергнут и изгнан из полиса спартанским войском во главе с царем Клеоменом I. Отметим, что гражданский коллектив Афин хотя не выступил активно против своего тирана, но и не поддержал его, а остался пассивным зрителем происходящего. Единственной силой, которая попыталась помочь Гиппию, была конница из дружественной ему Фессалии.

Таков был эпилог афинской тирании. После ее ликвидации в государстве вновь разгорелась межаристократическая борьба. Возвратившиеся с армией Клеомена евпатриды-«политэмигранты», похоже, «ничего не забыли и ничему не научились». Однако общество, в котором они жили, уже изменилось, как бы они ни старались этого не замечать. За годы тиранического режима рядовые граждане настолько эмансипировались от влияния знати, что были готовы к установлению демократии. Может быть, в этом и заключается главный итог правления Писистрата и Писистратидов.

Тема III. От архаики к классике: рождение афинской демократии и аристократическая элита

Лекция 7. Реформы Клисфена и изменение механизмов политического влияния

Итак, вторая половина архаической эпохи, особенно VI в. до н. э., была в Афинах «золотым веком» аристократии. Затем начинаются изменения: происходит постепенная элиминация политической роли афинской аристократии как социального слоя, достигающая логического конца в IV в. до н. э. Относительно точной датировки отдельных стадий указанного здесь процесса в антиковедении последних десятилетий произошли достаточно серьезные сдвиги. Если ранее отправной точкой для конца господства знатных родов признавалось законодательство Солона, а событием, завершившим переход власти от знати к демосу, – реформы Клисфена, то теперь очень многие исследователи указывают, что еще и на протяжении большей части V в. до н. э. аристократия продолжала играть в афинском обществе огромную роль, и подлинным рубежом, знаменующим радикальное ослабление этой роли, можно считать лишь Пелопоннесскую войну.

Безусловно, ни в коей мере нельзя недооценивать важности солоновских и в особенности клисфеновских нововведений (последние теперь станут предметом нашего основного внимания). Они оказали огромное влияние на складывание демократического афинского полиса. Но их непосредственное воздействие на аристократические роды заключалось не в абсолютном умалении значения последних, а скорее в изменении механизмов власти, используемых аристократами. В области этих механизмов начиная с Клисфена и в течение V в. до н. э. действительно произошли существеннейшие изменения, на которых следует остановиться подробнее.

Характерно, что именно представители знатных родов становятся первыми вождями демоса, когда тот как весомая сила выдвигается на политическую арену. Парадоксально, но факт: само формирование классической (в любом смысле слова) афинской демократии, в ходе своего развития оттеснившей древнюю знать на периферию общественной жизни, являлось во многом результатом волевых действий ряда аристократических по своему происхождению, положению, менталитету лидеров: Солона, Писистрата, Клисфена, Фемистокла, Перикла. Первоначальная апелляция к демосу была связана не с какими-то принципиальными «демократическими» убеждениями части аристократов, а со стремлением опереться на нового (и сильного)

союзника в борьбе с соперниками; иначе говоря, она воспринималась как еще один механизм власти и влияния. Этот новый метод борьбы за власть доставлял отдельным аристократам сиюминутные выгоды, но в перспективе приводил к перетеканию властных полномочий из их рук к инициированным ими же демократическим институтам.

Здесь необходимо сделать одну оговорку. Иногда в исследовательской литературе можно встретить утверждение о том, что аристократия в архаической Греции была слоем консервативным, державшимся за старое, противившимся прогрессу, реформам, переменам и т. п. (например: Cerrato, 1985; Дворецкая, Залюбовина, Шервуд, 1993, с. 16–17). Утверждение это, в какой-то степени ставшее общим местом, как нам кажется, не имеет опоры в источниках. Перед нами неточность, но неточность вполне объяснимая. Подобного рода суждения об аристократии идут, насколько можно судить, еще от классической французской историографии прошлого столетия. В устах ее представителей они звучали вполне оправданно, поскольку обусловливались конкретнополитической ситуацией на их родине в предшествовавшую эпоху – в конце XVIII в., в годину Великой французской революции. В условиях того времени действительно аристократия в массе своей выступала решительной защитницей «старого режима»; если же отдельные ее представители (Лафайет, Мирабо, Филипп Эгалите) и оказывались участниками революционного движения, то лишь в рамках наиболее умеренного его крыла. Лидеры же наиболее радикальных течений (не только якобинцев, но даже и жирондистов) были все как один выходцами из «третьего сословия». Аристократия могла играть аналогичную консервативную и реакционную роль и в других исторических ситуациях Нового времени. Но во всех таких случаях это была, как правило, уже разлагающаяся аристократия, озабоченная только сохранением собственных привилегий и не желающая ни с кем их делить.

Совсем иначе обстояло дело в античном мире, в частности, в Греции эпохи архаики и классики. Легко заметить, что в то время во главе любых реформ, любых прогрессивных перемен и сдвигов всегда стояли представители аристократической верхушки общества. В частности, все «отцы-основатели» афинской демократии – от Солона до Перикла – принадлежали к кругу древней знати. Иными словами, аристократия не только не являлась самым консервативным, реакционным слоем; напротив, она была, пожалуй, наименее склонной к консерватизму. Причины этого вполне ясны. Отсутствие необходимости

заниматься повседневным трудом доставляло аристократии большое количество досуга. В силу этого она становилась, бесспорно, самой образованной частью общества и, следовательно, имела самый широкий кругозор, привыкала смотреть на вещи широко, без комплексов. Соответственно, аристократы были более, чем кто-либо, восприимчивы ко всем новым веяниям. Оплотом же консервативных настроений в рассматриваемый период (как, наверное, и всегда) было крестьянство. Сам образ жизни крестьянина – размеренный, цикличный, традиционный – влек за собой неприятие каких бы то ни было новшеств, если они не являли собой то, что С. Я. Лурье называл «консервативной юридической фикцией», когда реформа представляется как восстановление старинного, «исконного» порядка вещей (Лурье, 1925, с. 18).

Из вышесказанного вытекает и то, что нельзя так же бездумно ставить знак равенства между понятиями «аристократы» и «олигархи». Характерно, что в период, когда олигархическое, антидемократическое движение в Афинах достигло пика (конец V в. до н. э., время переворотов Четырехсот и Тридцати), среди лидеров олигархических гетерий мы практически не находим выходцев из древних аристократических родов. Едва ли не единственное исключение – Критий из рода Кодридов. Основной социальной базой олигархических переворотов было то же зажиточное крестьянство, «гоплитская» прослойка. Аристократы же, повторим, внесли наибольший вклад как раз в демократизацию афинского полиса.

* * *

Как упоминалось выше, в 510 г. до н. э. в Афинах была руками спартанского войска ликвидирована тирания Писистратидов, и после этого вновь разгорелась межаристократическая борьба. Это стало ясно не сразу, но к 508 г. до н. э., когда улеглись неурядицы, связанные со сменой политического режима, оказалось, что в афинском полисе соперничают две аристократические группировки. Во главе одной из них стоял уже знакомый Алкмеонид Клисфен, другой руководил Исагор (скорее всего, из рода Филаидов), тоже принимавший активное участие в свержении тирании и являвшийся ксеном спартанского царя Клеомена (Геродот, История. V. 70; Аристотель, Афинская полития. 20. 2).

«Первый тур» политической борьбы между ними закончился победой Исагора, который был избран архонтом-эпонимом на

508/507 г. до н. э. Справедливости ради следует отметить, что Клисфен в это время не мог выставить свою кандидатуру на архонтскую должность. Он уже был архонтом (в 525/524 г. до н. э.), а дважды занимать этот пост не дозволялось. Очевидно, на выборах 508 г. до н. э. он поддерживал кого-то из своих сторонников.

Значение должности первого архонта после ликвидации афинской тирании необычайно возросло; в отсутствие тиранов она становилась в полном смысле слова высшей, «президентской» (а противовес ей в лице коллегии стратегов еще не был создан). Отнюдь не случайно, что за этот пост боролись виднейшие политики; на отрезке между 510-м и 487 г. (когда была проведена реформа архонтата, сделавшая его выборным по жребию и тем самым резко снизившая значение этого института) эпонимами успели побывать, помимо Исагора, также Фемистокл, Аристид, Гиппарх, сын Харма (глава оставшихся в Афинах сторонников изгнанного Гиппия).

Терпя поражение, Клисфен решился на беспрецедентный шаг: он напрямую обратился к демосу, желая привлечь его на свою сторону и с этой целью предложив ему программу демократических реформ. В нашу задачу здесь не входит сколько-нибудь подробно останавливаться на деятельности Клисфена, который считается (и в целом справедливо, во всяком случае, с бóльшим основанием, чем кто-либо иной, будь то Солон, Фемистокл, Эфиальт или Перикл) «отцом-основателем» афинской демократии. Литература о его реформах необъятна. Нам хотелось бы лишь подчеркнуть, что подлинная новизна поведения Клисфена заключалась, собственно, не в том, что он впервые в афинской истории апеллировал к демосу (вожди аристократических группировок и ранее, в эпоху архаики, могли успешно бороться друг с другом лишь при условии, что их поддерживали не только небольшие кружки представителей элиты, но и те или иные по размеру группы рядовых граждан, рекрутировавшиеся, как правило, на локальной основе), а скорее в том, что он апеллировал ко всему демосу, ко всему гражданскому коллективу Афин. Предложенные им преобразования должны были отразиться на судьбе каждого гражданина, принципиально изменить всю структуру полиса и, что немаловажно, покончить с «регионализмом», подрывавшим единство государства.

Демос с энтузиазмом поддержал начинания реформатора. «Теперь, когда народ был на стороне Клисфена, – пишет Геродот (V. 69), – он был гораздо сильнее своих предшественников». И действительно, заручившись поддержкой столь мощного

союзника, лидер Алкмеонидов сумел весной 507 г. до н. э. добиться избрания архонтом-эпонимом на следующий гражданский год (507/506) своего родственника Алкмеона. Такой ход событий крайне встревожил Исагора, архонтат которого еще продолжался. Очевидно, с ним уже переставали считаться. Ощущая невозможность удержаться у власти легитимными способами, Исагор пошел на крайнюю меру – обратился за помощью в Спарту. Клеомен I немедленно направился в Аттику с небольшим отрядом (судя по всему, он считал, что «наведение порядка» в Афинах не составит серьезных трудностей), выставляя в качестве повода для нового вторжения необходимость изгнать «осквернённых» Алкмеонидов (так в очередной раз отозвалось в судьбе этого рода дело Килона). Клисфен в этой ситуации повел себя не лучшим образом: он попросту тайно бежал из города и тем, казалось бы, облегчил задачу спартанского царя. Однако Клеомен, прибыв в Афины, стал действовать слишком уж властно и категорично. Он приказал удалиться в изгнание семистам (!) семействам сторонников Алкмеонидов, а кроме того, вмешался и в конституционное устройство полиса, решив учредить некий «Совет Трехсот», укомплектованный приверженцами Исагора. Результатом подобной политики стало бы установление крайней олигархии, с чем, однако, никак не мог примириться афинский демос, политическая сознательность которого была уже весьма высокой.

В результате спартанцам пришлось столкнуться с чем-то совершенно новым для себя – с вооруженным сопротивлением граждан «облагодетельствованного» ими полиса. «Афинской революцией» иногда называют развернувшиеся события в западной историографии (например, Ober, 1999). Исагор со своими сторонниками, а вкупе с ними и отряд Клеомена, оказались осаждены восставшим народом на Акрополе и затем выдворены из государства. Независимость Афин и демократический путь развития удалось в тот момент отстоять, а Клисфен немедленно после удаления спартанцев возвратился в город. Стало совершенно очевидно, что в Элладе есть полис, который не намерен послушно следовать спартанскому диктату, хотя и не готов пока идти на прямой конфликт со Спартой. Собственно, именно с событий 507–506 гг. до н. э. берет свое начало система афино-спартанского дуализма и противостояния, которая в столь большой степени определила общую ситуацию в Балканской Греции на протяжении целого века.

О перипетиях биографии Клисфена, о том, как личность «отца афинской демократии» отразилась на специфике его реформаторской деятельности, сказать практически ничего

нельзя. Парадоксальным образом получилось, что о Клисфене мы вообще знаем очень мало; он оказался в известной степени «теневой» фигурой, не привлек к себе внимания авторов последующих эпох. Неизвестно, чтобы в античности кто-то написал или хотя бы пытался составить его жизнеописание; тем более это не представляется возможным в наше время – мы просто не располагаем необходимым материалом. Был ли Клисфен человеком неяркой индивидуальности? В этом позволительно усомниться; во всяком случае, осуществленные им преобразования характеризуют его как неординарного, оригинально мыслившего и поступавшего деятеля. Богата неожиданными поворотами и его судьба. Сложные взаимоотношения с Писистратидами, в ходе которых Клисфен оказывался то в фаворе, то в опале; хитроумная стратагема, позволившая ему с помощью Дельфийского оракула и спартанского войска возвратиться из изгнания на родину и вновь достигнуть влиятельного положения; нестандартный ход в межаристократической борьбе – прямая апелляция ко всему гражданскому коллективу, совершенно изменившая характер афинской политики; ссора с былыми покровителями – спартанцами…

Если не общепринятым, то, во всяком случае, наиболее авторитетным является мнение (насколько можно судить, в целом вполне оправданное), согласно которому именно с деятельности Клисфена необходимо начинать отсчет истории классической афинской демократии. Значительно менее ясен вопрос о конкретных механизмах, посредством которых свершилось столь радикальное изменение политического строя. Что именно сделал Клисфен, отчего Афины после него стали совсем иными, чем были раньше (а в том, что они стали иными, сомневаться не приходится)? Чем больше об этом пишут современные антиковеды, тем сложнее и запутаннее начинает выглядеть проблема. Основная причина подобного положения вещей заключается в том, что важнейшие из имеющихся в нашем распоряжении сообщений о реформах (Геродот, История. V. 66–69; Аристотель, Афинская полития. 21–22), называя вещи своими именами, неудовлетворительны. Ни Геродот, ни Аристотель не дают целостного очерка деятельности Клисфена; более того, на первый взгляд создается впечатление, что оба они главного смысла этой деятельности просто не поняли. Их внимание в наибольшей степени привлекает реформа административного деления афинского полиса, создание новой системы из десяти фил, делящихся на триттии и демы. Бесспорно, значение этого новшества не следует недооценивать; особенно важным

представляется нам учреждение дема как первичной единицы полисной структуры. Однако реформа административного устройства сама по себе еще не приводит к появлению демократии. Такого рода реформы известны в греческом мире и до Клисфена, в архаическую эпоху, но ни в одном случае их плодом не стало формирование демократического полиса.

О каких-либо иных преобразованиях Клисфена, помимо реформы фил, Геродот вообще не упоминает. Аристотель же говорит о «других, новых законах», которые издал Клисфен. Может быть, в содержании этих других законов следует видеть «тайну» рождения демократии? В «Афинской политии» эксплицитно отмечаются лишь три из них: учреждение Совета Пятисот, коллегии стратегов, а также закон об остракизме. Что касается этого последнего, то нам уже приходилось писать (Суриков, 2006), что остракизм (десятилетнее изгнание из полиса видных политиков, осуществлявшееся посредством голосования надписанными глиняными черепками), во-первых, не должен вопреки распространенному мнению считаться институтом, характерным исключительно для тех греческих государств, где существовала демократия; во-вторых, Клисфен, скорее всего, не изобрел его, а модифицировал ранее употреблявшуюся в какой-то иной форме процедуру; в-третьих, закон об остракизме был порожден к жизни конкретными перипетиями внутриполитической борьбы в Афинах конца VI в. до н. э., а не принципиальными идейными установками.

Далее, коллегия стратегов – должностных лиц, избиравшихся общим голосованием демоса и наделенных значительными полномочиями, – тоже сама по себе еще не может считаться особенно «демократичной». Напомним в связи с этим, что архонты в Афинах избирались народным голосованием явно еще до реформ Клисфена. К тому же первоначально роль стратегов в политической жизни была далеко не столь велика, какой она стала впоследствии. Даже на полях сражений, то есть в главной сфере своей компетенции, они еще в 490 г. до н. э. подчинялись архонту-полемарху (Геродот, История. VI. 109). Выход стратегов из этого подчинения имел место, очевидно, лишь после реформы 487 г. до н. э., когда архонтов стали избирать по жребию. Наконец, Совет Пятисот тоже не был чем-то абсолютно новым; он появился на свет в результате преобразования Совета Четырехсот, созданного еще Солоном, – преобразования, обусловленного в основном чисто технической причиной, увеличением количества фил (10 вместо 4). Иногда, правда, подчеркивается, что Совет Пятисот отличался от предшествовавшего ему органа тем, что в нем получили представительство все аттические демы (Osborne,

1996, p. 295). Однако, строго говоря, нам ничего не известно о принципах комплектования Совета Четырехсот. Ни в коей мере нельзя исключать, что в нем тоже были представлены низшие административные подразделения полиса (для времени Солона таковыми должны были являться навкрарии).

Часто ссылаются еще на одно свидетельство Аристотеля, но на этот раз уже в «Политике» (1275b25), согласно которому Клисфен ввел в афинский гражданский коллектив каких-то новых граждан, и видят именно в этом одну из главных демократических мер. Но – даже независимо от того, что данный пассаж содержит серьезные проблемы как текстуального, так и содержательного характера, и, соответственно, его интерпретация остается дискуссионной, – расширение гражданского коллектива тоже характерно не только для греческих демократий (пожалуй, даже напротив – устоявшаяся демократия была склонна ограничивать количество граждан: вспомним закон Перикла о гражданстве). К этому средству нередко прибегали в процессе любых политических переворотов. Пользовались им даже тираны (представители как Старшей, так и Младшей тирании), давая права гражданства своим наемникам. Иными словами, ни одна из перечисленных выше реформ сама по себе отнюдь не вела автоматически к установлению демократии. Почему же их совокупность должна была иметь такой результат? По некоему мистическому принципу «перехода количества в качество»? Масштабность перемен остается необъясненной.

Итак, где же пресловутые «демократические законы»? Может быть, Геродот и Аристотель, увлекшись описанием других мер Клисфена, попросту забыли о них рассказать, и следует поискать релевантный аутентичный материал, который имел шанс сохраниться у прочих античных авторов (например, во фрагментах аттидографов)? Вместо того чтобы заниматься тщетными поисками подобного рода, резоннее (и плодотворнее) было бы, на наш взгляд, попытаться максимально конкретно определить – а это возможно! – в чем заключался итог «революции Клисфена», что нового появилось в политической жизни Афин после нее. Обнаруживаются как минимум три принципиально новые реалии. 1. Экклесия (народное собрание), а не какой-либо иной орган, стала отныне высшим органом власти, реальным носителем верховного государственного суверенитета. 2. Резко возросла степень участия рядовых граждан в управлении государством (достаточно вспомнить, как индифферентно отреагировали афиняне на свержение Гиппия, а с другой стороны – как активно и пристрастно решали они судьбы своих политических лидеров уже в начале V в. до н. э.). 3. Принцип так

называемой «исономии» (равенства перед законом), зародившийся уже раньше в аристократической среде, с клисфеновских времен распространился на весь гражданский коллектив; представители знати не имели теперь ровно никаких привилегий по сравнению с массой демоса. Эти три важнейших компонента нового политического порядка были, естественно, не изолированными, а находились в теснейшей взаимной связи друг с другом. Действуя в этой взаимной связи, они и породили демократический полис. Именно они, а не реформа фил, не введение демов, не учреждение Совета Пятисот и т. п.

Но в силу чего возникли сами перечисленные реалии? Что вызвало к жизни, в частности, политическую активность и сознательность народа? Следует ли предполагать наличие каких-то специальных (не дошедших до нас) законов Клисфена, действовавших в этом направлении? Нам это представляется весьма сомнительным.

Главное в другом. Не та или иная конкретная мера Клисфена, а сама его апелляция к демосу в год архонтства Исагора – вот что стало поворотным пунктом, первым актом, создавшим классическую афинскую демократию. Демос впервые ощутил себя не орудием в чьей-то чужой игре, а самостоятельной и мощной силой, способной распоряжаться полисом и брать на себя ответственность за принимаемые решения. В этот-то момент в его руки и перешла власть. Может быть, Клисфен уже и сам не был рад такому развитию ситуации, но повернуть события вспять было не в его силах. Оставалось выполнять сделанные обещания и делать то, что от него ожидали. Особенно ярко зависимость лидера Алкмеонидов от демоса вырисовалась в период, когда в Афинах хозяйничал Клеомен I. Клисфен попросту бежал из города, очевидно, испугавшись; демос же выдворил Клеомена, а вместе с ним и Исагора, и дал возможность Клисфену возвратиться. Все последующие клисфеновские реформы, в том числе и такая важная, как введение системы демов, вносили, конечно, новые немаловажные штрихи в формирующееся демократическое устройство, но базовые принципы этого последнего были заложены не ими, а самим тем обстоятельством – повторим и подчеркнем, – что гражданский коллектив во всей своей совокупности оказался (не в силу чьего-то решения, но в силу фактического положения вещей) господином государства.

Почему же об этом прямо не написали Геродот и Аристотель? Думается, не потому, что они не понимали сути «революции Клисфена», а напротив, потому, что они не только сами вполне ее понимали, но и основательно полагали, что и для их аудитории эта суть тоже очевидна и не нуждается в дополнительных

разъяснениях. Интеллигентный греческий читатель (слушатель) – а именно такого прежде всего имели в виду оба вышеназванных автора – прекрасно представлял себе, каким образом в результате политической революции (а не каких-либо навязанных «сверху» реформ) устанавливается демократический режим. Что действительно необходимо было разъяснить – это конкретные нюансы, которые не были общими для всего греческого мира, а имели свою специфику в разных полисах. В частности, совершенно уникальной (во всяком случае, это можно утверждать при нынешнем уровне наших знаний) являлась клисфеновская реформа административного устройства, создание территориальных, но в то же время дисперсных фил с довольно сложными механизмами распределения по этим филам триттий и демов. Вот как раз это и Геродот, и Аристотель просто обязаны были растолковать, коль скоро они рассчитывали, что их будут читать не только афиняне, тем более что сюжет действительно непрост. Как и следовало ожидать, именно на реформе фил оба они и остановились наиболее подробно.

Возвращаясь к итогам реформ Клисфена, упомянем еще о следующем (особенно важном в контексте настоящего курса) обстоятельстве. Эти реформы стали, бесспорно, этапным событием в афинской истории. Подчеркнем, однако, что превращение демоса в наиболее могущественную силу в государстве ни в коей мере не означало немедленного и полного исчезновения аристократии с политической сцены. Да и сам Клисфен – выходец из древнего и знаменитого рода, – конечно, не допустил бы этого. Лидеры знатного происхождения на протяжении еще почти столетия продолжали занимать ведущее положение в полисе даже при демократическом устройстве. Рядовым гражданам приходилось считаться с тем, что аристократы, будучи людьми более богатыми, образованными, обладая необходимым количеством досуга, значительно лучше были подготовлены к участию в государственном управлении. Поэтому на высшие должности еще долго по традиции избирали почти исключительно их, к их мнению старались прислушиваться, хотя, безусловно, теперь уже демос прочно держал знать под своим контролем. Справедливости ради следует сказать, что в большинстве своем представители аристократии приняли клисфеновские реформы (источники ничего не сообщают о какой-либо оппозиции им с чьей бы то ни было стороны) и стремились в новых условиях действовать во имя блага всего государства.

Итак, непосредственное воздействие «афинской демократической революции» на общественную жизнь полиса

заключалось отнюдь не в ликвидации политической роли аристократии (после реформ Клисфена персональный состав правящей элиты остался таким же, каким был и до них, ср. Brenne, 2001, S. 17), а скорее в существенном изменении механизмов власти, использовавшихся ее представителями. Отошло в прошлое господствующее положение знати в религиозной сфере, были в известной мере подорваны (хотя и не вполне) ее экономические позиции, стали играть меньшую роль традиционный престиж и внешние (ксенические и матримониальные) связи. Постепенно прекратили существование крупные региональные группировки, опиравшиеся на «клиентелу». Правда, некоторые исследователи считают возможным говорить о «клиентах» в афинском полисе еще и в V в. до н. э. (Daverio Rocchi, 1971; Mossé, 1985), но нам подобная постановка вопроса представляется уже анахронистичной. На место региональных групп пришел новый тип политической организации – гетерия, занявшая важнейшее место в общественной жизни Афин. Формирование гетерий происходило, очевидно, на протяжении всего столетия.

По-прежнему большое внимание уделялось отношениям родства, были весьма популярны межродовые династические браки. Но в самом влиянии родства на политику произошли немаловажные сдвиги. На первое место взамен рода (genos) выходят более мелкие единицы – семья, домохозяйство (oikos) и ее окружение из ближайших родственников (anchisteia). При создании гетерий по-прежнему принималось во внимание родство и свойство́, но теперь оно перестало быть единственным важнейшим критерием: наряду с ним выдвинулись на видное место узы политической дружбы (philia).

А самое главное заключалось в том, что отныне любая политическая активность аристократии была не произвольной с ее стороны, как раньше, а находилась под контролем демоса и могла осуществляться только через демос. Весьма важную роль в политической карьере стало играть, в частности, занятие магистратур, число которых в классическую эпоху значительно возросло по сравнению с архаической. Правда, в Афинах так никогда и не сложилась, в отличие от Рима, «лестница» из последовательно проходимых государственных должностей. Тем не менее в V в. до н. э. некая официальная позиция была гораздо более необходима для общего влиятельного положения политика, чем в следующем столетии. Случай с Демосфеном, который был одним из самых авторитетных деятелей в полисе и при этом почти никогда в своей жизни не занимал магистратур, в V в. почти немыслим. А поскольку занятие важной и дающей

реальную власть должности (прежде всего домогались, конечно, поста стратега) было возможно единственным путем – через голосование в экклесии, – аристократы должны были неизбежно апеллировать к демосу как к источнику своих полномочий.

Отдельные представители знати по-разному относились к изменению условий политической жизни. Были аристократы, которые воспринимали это негативно и даже болезненно; они не могли найти себе места в мире демократического полиса; типичным примером такой фигуры является Мильтиад. На другом полюсе – Фемистокл, не только охотно принявший новые «правила игры», но и постаравшийся извлечь из них максимальную выгоду для себя. Но, как бы то ни было, новые механизмы уже не обеспечивали, как прежде, безусловного обладания властью для аристократии, поскольку не являлись ее исключительной прерогативой. И это – одна из главных черт, отличающих политическую жизнь афинского полиса в V в. до н. э. от того, что происходило в предшествующем столетии.

Более того, последовательное применение новых механизмов влияния вело к постепенному, но неуклонному вытеснению аристократов из политики, которое в основном завершилось к концу V в. до н. э. Точкой отсчета для этого процесса можно считать, как отмечалось выше, реформы Клисфена. Однако эти преобразования, все колоссальное значение которых стало полностью ясным лишь с течением времени, не нанесли, по крайней мере с внешней стороны, ощутимого удара по политической роли аристократии в самый момент их проведения. Повторим и подчеркнем исключительно важный момент: аристократы – если не как социальный слой в своей совокупности, то в лице своих виднейших представителей – продолжали осуществлять большинство властных полномочий в полисе и в первые десятилетия демократии.

Лекция 8. Аристократическая элита в политической борьбе начала V в. до н. э.

Остановимся подробнее на клисфеновском законе об остракизме. Этот закон был принят в Афинах, скорее всего, в перипетиях борьбы Клисфена с опасным для него Исагором. Для нас, однако, более важен не этот частный факт, а общий контекст закона об остракизме. Время, о котором идет речь, – первые годы после окончания длительной тирании Писистратидов. Именно с точки зрения прошедших, а не будущих событий следует, по нашему мнению, смотреть на причины и цели введения классической формы остракизма. По какому пути пойдут Афины – этого никто из живших тогда людей предсказать, конечно, не мог. Даже сам Клисфен, осуществляя свои эпохальные реформы, вряд ли имел какую-то развернутую теоретическую программу демократических преобразований; он действовал, исходя из конкретных обстоятельств. Никто, повторим, не мог знать, что скоро Афины станут самой развитой, мощной и знаменитой в греческом мире демократией и что институт остракизма будет играть значительную роль в политической системе этой демократии, выполняя те или иные конкретные функции. Все знали лишь одно: только что свергнуты тираны, и при этом отнюдь не ликвидирована опасность восстановления тиранического правления. В этом контексте и надлежит рассматривать закон об остракизме, а не телеологически, не с точки зрения тех функций, которые этот институт имел впоследствии. Два события – ликвидация тирании и принятие закона об остракизме, – несомненно, близки друг к другу не только хронологически, но имеют и прямую причинно-следственную связь.

«Отец афинской демократии», несомненно, был заинтересован в том, чтобы учреждаемое им политическое устройство оказалось стабильным, чтобы существовал некий надежный конституционный механизм, предотвращающий раскол гражданского коллектива в результате борьбы за власть, снижающий возможность новых вспышек стасиса. Остракизм как мера по своей природе «профилактическая» в высшей степени подходил для данной цели.

Кроме того, перенося остракофории из ведения Совета в ведение экклесии, то есть делая их прерогативой демоса, Клисфен, несомненно, привлекал к активному участию в политической жизни широкие слои афинского гражданства. И

впоследствии остракизм всегда был одним из наиболее популярных с точки зрения посещаемости политических мероприятий. А постольку, поскольку остракизм был направлен в первую очередь против потенциальных тиранов (во всяком случае, изначально и теоретически; впоследствии его функции значительно расширились и довольно далеко отошли от первичных задач), он задавал демосу достаточно четкую антитираническую парадигму. Это принципиально. Дело в том, что ранее демос, в отличие от аристократов, не испытывал однозначного отторжения от тирании. В течение всего времени пребывания Писистратидов у власти они, насколько можно судить, ни разу не столкнулись с каким-либо протестом со стороны низших и даже средних слоев граждан. Аттические крестьяне вообще прямо-таки боготворили – по крайней мере Писистрата (об их отношении к Гиппию сведений не сохранилось, но вряд ли оно было противоположным). Впоследствии, как известно, крестьяне с ностальгией вспоминали годы правления Писистрата как золотой век, «жизнь при Кроне» (Аристотель, Афинская полития. 16. 7). Создается впечатление, что мелкие земледельцы видели в нем этакого «доброго царя», защищающего простой народ от произвола знати. Отнюдь не случайно, что в конечном счете тирания в Афинах была свергнута только благодаря внешнему вмешательству; если бы не Спарта, народного движения против Писистратидов, похоже, пришлось бы ждать еще очень и очень долго.

Вся оппозиция афинским тиранам, все выступления против них исходили только от аристократических родов. Не был исключением и знаменитый заговор Гармодия и Аристогитона. И вызывает сильные сомнения, что демос в массе своей хоть как-то поддерживал эти выступления. К аристократии он относился достаточно настороженно, во всяком случае, не ощущал общности с ней. Это показывает, в частности, выбор, сделанный рядовым гражданством во время борьбы Клисфена и Исагора. Исагор был не менее, если не более, активным участником ликвидации тирании Писистратидов, нежели Клисфен. Однако к нему демос, как показали события 508–507 гг. до н. э., испытывал ярко выраженную антипатию. Очевидно, его рассматривали как представителя аристократии, желающей воспользоваться концом власти Гиппия в своих корыстных целях. Фактически Клисфена поддержали против Исагора и спартанцев те самые слои, которые еще совсем недавно составляли социальную основу Писистратидов. Возьмем на себя смелость утверждать, что, если бы глава Алкмеонидов пожелал в этот период установить собственную тиранию, он вряд ли встретил бы сколько-нибудь

массовое сопротивление. Но Клисфен не пошел по этому пути; напротив, он принял все зависевшие от него меры, чтобы тиранический режим в Афинах больше не возродился. И в этом, кстати говоря, один из показателей величия его как государственного деятеля. «Отец афинской демократии» оказался в данном отношении прямым последователем Солона, который в свое время «тирании власть суровую не взял» (Солон, фр. 23 Diehl), несмотря на то, что сподвижники толкали его к этому.

Хотел того Клисфен или не хотел, но, начиная с его реформ, остракизм стал мощным средством контроля демоса над аристократией. Ранее, в доклисфеновское время, с помощью этой меры контролировали друг друга сами аристократы, препятствуя чрезмерному возвышению одних представителей политической элиты над другими, демос же по большей части был более или менее безучастным наблюдателем этих процессов. Отныне же именно на весь гражданский коллектив была возложена конституционная защита существующего государственного устройства, борьба с опасностью возрождения тирании. Все это вело, безусловно, к изменению отношений между демосом и аристократией, хотя изменению, конечно, не одномоментному, а постепенному. Изначально новая роль явно была непривычной для рядовых граждан. В этом, судя по всему, одна из причин того, что остракизм в экклесии не применялся почти два десятилетия: народ некоторое время просто не мог освоиться с тем, что в его руках находится столь сильное оружие, что теперь он властен над судьбой своих знатных лидеров. Потребовалось Марафонское сражение, выигранное только совокупными усилиями всего гражданского коллектива, чтобы на смену этой «кротости» демоса, о которой говорит Аристотель (Афинская полития. 22. 4), пришла более решительная позиция, чтобы с аристократии оказался снятым нимб неприкосновенности. Да и отношение народа к тираническому режиму коренным образом изменилось: слово «тирания» стало настоящим жупелом, каковым ранее оно не было. Демос воистину начинал чувствовать ответственность за политию, которая отныне действительно лежала на нем.

Итак, после принятия в конце VI в. до н. э. закона Клисфена об остракизме данная процедура стала прерогативой народного собрания, то есть перешла из рук аристократии в руки всего гражданского коллектива. Демос, переняв аристократический по происхождению институт остракизма, становился отныне гарантом против возрождения тирании, против острых вспышек стасиса, а также осуществлял с помощью остракизма общий контроль над деятельностью знатной элиты, что соответствовало его новой роли в государстве.

Однако такого рода ситуация сохранялась далеко не всегда. Если демос в целом в течение какого-то времени продолжал воспринимать остракизм как меру, направленную против «чрезмерно» влиятельных политиков, контролирующую и держащую в необходимых рамках их положение в полисе, то сами члены властной элиты, аристократические лидеры, конкурировавшие друг с другом за влиятельное положение в государстве, по справедливому замечанию ряда антиковедов (Строгецкий, 1991, с. 42–43; Jones, 1956, p. 119–120; Mossé, 1985; Sinclair, 1991, p. 170), уже очень скоро стали пользоваться остракизмом как инструментом политической борьбы. Остракизм, задумывавшийся как средство предотвращения стасиса, стал одним из способов ведения стасиса, во всяком случае, в глазах политиков. Остракофория превратилась в поле, на котором развертывалась деятельность конкурирующих гетерий.

Итак, в условиях эволюции демократического афинского полиса V в. до н. э. функции остракизма изменились. Представители аристократической элиты стали рассматривать его как орудие в борьбе за власть, средство избавиться от наиболее серьезных конкурентов, удаляя их из полиса. Соответственно, и демос, гражданский коллектив, стал видеть в остракизме не только профилактику тирании (не столь уж и велика была опасность тирании в Афинах V в. до н. э., во всяком случае, меньше, чем когда-либо в их истории) и даже не только способ контроля над аристократами, а едва ли не в первую очередь процедуру, с помощью которой можно было сделать выбор между конкурирующими политическими лидерами и, соответственно, между политическими линиями, которые они выражали.

* * *

Длительная, растянувшаяся на полвека серия войн греков с Персией послужила мощным катализатором развития этнического и цивилизационного самосознания в эллинском мире, которое имело место в V в. до н. э. Осмысляя мир в рамках ментальной оппозиции «мы – они», вообще характерной для традиционных обществ, а в данном случае подкрепленной еще и обстоятельствами внешнего характера, греки постепенно начали осознавать уникальность собственного пути развития, свою «непохожесть» на остальных. Соответственно, они в такой степени, как никогда раньше, стали противопоставлять себя всем остальным народам (особенно народам Востока), объединяемым под понятием «варвары». Это было связано с тем, что греко-

персидские войны воспринимались как смертельная схватка греческого мира со всем восточным миром. Во многом это представление было оправданным: ведь Ахемениды действительно объединили под всем скипетром едва ли не весь Ближний и Средний Восток. Слово «варвар», появившееся значительно раньше, но имевшее вполне нейтральную по эмоциональной окраске семантику, теперь приобрело отчетливо негативный, уничижительный оттенок.

Именно в этих условиях в массовом сознании сформировался масштабный миф о греко-персидских войнах. Следует сказать, что в рамках любой эпохи и любой цивилизации крупный и трудный военный конфликт очень скоро приобретает «мифологическое измерение», становится мощным источником мифотворчества, отчасти спонтанного, отчасти сознательного. Не стали, конечно, исключением и греки. В их последующих представлениях вооруженное столкновение с Ахеменидской державой получило чрезвычайно героизированный, а значит, одномерный облик. Оно выглядело так, как будто бы эллины единым фронтом, сплоченно, сознательно и с полным пониманием последствий поднялись на борьбу против общего врага. Разумеется, были в их среде отступники и предатели, которые потом понесли заслуженную кару.

В действительности, однако, картина была значительно сложнее. Никакого единства между греческими полисами по отношению к персидской угрозе в начале V в. до н. э. не было. Как те полисы, которые решили выступить против персов, так и те, которые не присоединились к их движению, руководствовались отнюдь не идеями общего плана об «эллинах» и «варварах», а конкретно-ситуативными соображениями. Так, для Аргоса «братья»-спартанцы представлялись несравненно более серьезной опасностью, чем далекая Персия. Точно такую же позицию еще во времена Клисфена занимали и Афины, которые готовы были просить помощи у персидского сатрапа против той же Спарты. В Афинах, правда, ситуация впоследствии изменилась, о чем сейчас и пойдет речь.

Развернулась напряженная внутриполитическая борьба по «персидскому вопросу». После свержения тирании и проведения демократических реформ в афинском полисе резко интенсифицировалась общественная жизнь. Следует полагать, что по любому сколько-нибудь важному вопросу в экклесии кипели горячие дебаты. Верх одерживала то одна, то другая сторона, в результате подчас принимались противоречивые, не согласованные друг с другом и не вытекающие друг из друга решения. Это дает повод говорить об определенной

непоследовательности внешней политики Афин в начале V в. до н. э. Однако следует помнить о том, что причина непоследовательности – не замешательство или растерянность афинских властных органов, а наличие большого количества мнений, у каждого из которых, естественно, находились свои «лоббисты».

Нам уже приходилось подробно писать о главных политических группировках в Афинах времени начала греко-персидских войн (Суриков, 2001), и здесь мы будем в основном опираться на наши предыдущие разработки. Отношение к Персии было, бесспорно, главным вопросом всей общественной жизни, и вопрос этот, помимо всего прочего, осложнялся двумя специфическими для Афин обстоятельствами (связанными друг с другом). Во-первых, афинское посольство еще в 506 г. до н. э. дало персидскому сатрапу Сард Артаферну «землю и воду», то есть формально признало свою зависимость. С момента этого принципиально важного для персов ритуально-юридического акта Ахемениды должны были рассматривать афинян как подданных. Даже если афинское народное собрание по возвращении послов дезавуировало их действия и не ратифицировало договор, для персов это уже не могло иметь никакого значения. Или, точнее, означало то, что подданные взбунтовались и должны быть (если не сразу, то с течением времени) усмирены. Афины, таким образом, находились в весьма щекотливом положении, которое становилось еще более щекотливым в силу второго обстоятельства: при персидском дворе находился свергнутый тиран Гиппий. Этого дряхлого, но, похоже, еще не утратившего надежд на реванш старца держали там, скорее всего, «для острастки» и в качестве запасного варианта. К тому же ни для кого не было секретом, что в Афинах по-прежнему остается достаточно влиятельной политическая группировка, в которую входили сторонники и даже родственники Гиппия.

Возглавлял эту группировку некий Гиппарх, сын Харма. В том, что он принадлежал к Писистратидам и находился в каком-то родстве с изгнанным тираном, сомневаться не приходится. Этот политик в начале V в. до н. э. настолько усилился, что был даже избран архонтом-эпонимом на 496/495 г. Очевидно, число афинян, с ностальгией вспоминавших о временах тирании, было довольно значительным. Впрочем, вряд ли Гиппарх открыто призывал к отмене реформ Клисфена, реставрации режима единоличной власти и возвращению Гиппия. В источниках об этом ничего не сообщается, да и в целом выглядит маловероятным.

Видную (пожалуй, наиболее видную) роль в политической

жизни Афин первых лет V в. до н. э. продолжала играть группировка, ориентировавшаяся на Алкмеонидов. Клисфена в это время, судя по всему, не было уже в живых, и его сторонников возглавлял, как можно утверждать с наибольшей степенью уверенности, его родственник по женской линии Ксантипп (впоследствии – отец Перикла). Алкмеонидов тоже нельзя причислить к решительным противникам Персии. Их позиция по отношению к Ахеменидской державе может быть охарактеризована скорее как умиротворительная. Имея давние и выгодные связи с Востоком, Ахемениды отнюдь не были расположены ссориться с крупнейшим в этом регионе центром силы. Поэтому они в принципе могли идти на коалиции с группировкой Гиппарха, сына Харма, но лишь до определенной черты. Прежде всего последователи Клисфена ни в коем случае не потерпели бы реставрации Гиппия в Афинах.

К тому же, помимо «персидского вопроса», весьма животрепещущим в афинской внешней политике оставался вопрос об отношениях со Спартой. В период клисфеновских реформ два сильнейших в Балканской Греции государства находились на грани войны, а временами даже переходили за эту грань. И в дальнейшем афино-спартанские отношения некоторое время не могли нормализоваться. Носителями антиспартанских настроений по преимуществу были Алкмеониды, и в этом они не могли найти общего языка с группировкой Гиппарха. Дело в том, что спартанцы помирились с Гиппием и даже одно время вынашивали планы возвращения его в Афины.

Еще одна политическая группировка, которая на протяжении 490-х гг. до н. э. только начинала формироваться, но уже сразу заявила о себе как о влиятельной силе, возглавлялась молодым перспективным политиком Фемистоклом. Первоначально Фемистокл был близок к Алкмеонидам, однако затем отошел от них. Причинами этого были, во-первых, безусловно, его личные амбиции, нежелание оставаться на заднем плане, во-вторых же, примиренческая позиция Алкмеонидов по отношению к Персидской державе. Фемистокл, очевидно, чутко уловивший настроения широких масс демоса, осознал, что эта позиция будет становиться все более непопулярной, и возглавил ту часть гражданского коллектива, которая была настроена по отношению к персам особенно непримиримо. Что же касается Спарты, то с ней Фемистокла тоже ничего не связывало. Избрание этого политика архонтом-эпонимом на 493/492 г. до н. э. со всей убедительностью продемонстрировало, что теперь с ним нельзя уже было не считаться.

Итак, внутриполитическая жизнь в первые годы молодой

афинской демократии была предельно интенсивной и напряженной. При этом не может не броситься в глаза, что главные вопросы, вставшие на «повестку дня», относились вопреки достаточно распространенному мнению отнюдь не к форме правления (крайне затруднительно было бы отыскать в Афинах этого времени принципиальных, «идейных» сторонников демократии, олигархии и т. д.). Главными аспектами борьбы были, с одной стороны, межличностное противостояние крупнейших политических лидеров, в начале V в. до н. э. происходивших еще, как и прежде, исключительно из среды аристократической элиты, а с другой стороны – дискуссия по поводу выбора внешнеполитических ориентаций (главными здесь были, повторим, вопросы о modus vivendi с Персией и Спартой).

В такой-то обстановке, в высшей степени напряженной и от года к году осложняющейся, в афинской политической жизни неожиданно появилось и сразу властно заняло лидирующую позицию новое действующее лицо – точнее, «хорошо забытое старое». Это был Мильтиад. О сложных перипетиях его яркой биографии мы подробно писали в другом месте (Суриков, 2005, с. 270–324). А здесь упомянем лишь о том, что Мильтиад, знатнейший аристократ, выходец из афинского рода Филаидов, был перед этим на протяжении длительного времени тираном на полуострове Херсонес Фракийский. В 493 г. до н. э. его изгнали оттуда персы, и он прибыл в Афины, возвратился на родину после почти тридцатилетнего отсутствия.

Каким-то странным гостем из далекого, полузабытого прошлого должен был представляться Мильтиад своим согражданам. С тех пор, как он молодым еще человеком отправился на Херсонес, в Афинах произошло множество важнейших событий, в корне изменивших весь облик государства: изгнание Гиппия и ликвидация тирании, реформы Клисфена, установление демократии… А теперь по афинским улицам ходил живой тиран, наверняка вызывавший неподдельный интерес у всех, кто его видел.

Афины стали совсем иными – а Мильтиад остался все тем же. Нет сомнения, что он не слишком-то уютно чувствовал себя в новых политических условиях. Давно уже не было в живых большинства его сверстников, тех, с кем он начинал свою карьеру (только где-то далеко, при дворе Дария, по-прежнему подвизался престарелый Гиппий); в городе боролись друг с другом молодые политики, годившиеся ему в сыновья, – Фемистокл, Ксантипп. И властно распоряжался судьбами всех начинаний в государстве набирающий силу демос. Вот с этим Мильтиаду было труднее всего смириться: с тем, что отныне не узкая прослойка

аристократов, подобных ему самому, по своему произволу определяет и направляет всю общественную жизнь, что в условиях демократии необходимо в любом деле считаться с мнением рядовых граждан. Это ему было просто непонятно. Однако, хотел он того или не хотел, приходилось сообразовываться с изменившейся обстановкой: другого выхода просто не было.

Уже вскоре Мильтиад становится одним из самых влиятельных афинских политиков (ср. Аристотель, Афинская полития. 28. 2), а может быть, и просто самым влиятельным, затмив и отодвинув на второй план всех остальных участников политической борьбы. Он был избран стратегом и, судя по всему, впоследствии переизбирался, коль скоро в 490 г. до н. э. он тоже занимал эту должность.

В силу каких причин Мильтиаду удалось столь быстро набрать такую большую силу, стать едва ли не лидером полиса, определявшим основные направления его политики? Разумеется, здесь сыграл свою роль ряд факторов различного характера. Не остались без последствий те обстоятельства, что он принадлежал к знатнейшему роду, издавна принимавшему активное участие в общественной жизни Афин, и тем самым уже включался в состав самого высшего слоя политической элиты; что он привез с собой из Херсонеса обильные богатства; что он обладал большим опытом государственной деятельности. Все это так, но были ведь и факторы, напротив, препятствовавшие усилению позиций Мильтиада. Его «тираническое» прошлое (включая, между прочим, былую близость к Писистратидам), что бы там ни говорить, должно было без энтузиазма восприниматься большинством гражданского коллектива. Процесс он выиграл, но определенное пятно на его репутации не могло не остаться. К тому же не столь уж давно родственник Мильтиада Исагор зарекомендовал себя совсем уж с негативной стороны и был объявлен государственным преступником. Род Филаидов в целом не был замечен в особых симпатиях к демократии, и на Мильтиада сказанное в полной мере распространяется.

Наверное, должны были сформироваться особые предпосылки для того, чтобы лицо с такими характеристиками, как Мильтиад, оказалось не только приемлемым, но и желательным для лидерства. Судя по всему, так оно и было. Под влиянием в первую очередь внешних причин в Афинах к концу 490-х гг. назрел кризис той политической линии, которую еще со времен Клисфена проводили Алкмеониды и главными составляющими которой были напряженность в отношениях со Спартой и по возможности примирительная позиция в персидском вопросе.

Происходил пересмотр многих недавно сформировавшихся стереотипов; не исключено, что даже на деятельность лаконофила и консерватора Исагора стали смотреть несколько иначе.

Если попытаться обобщить в виде таблицы расклад основных афинских группировок начала V в. до н. э., после прибытия Мильтиада, то увидим следующее:

	Проперсидская позиция	**Антиперсидская позиция**
Проспартанская позиция	Группировка сторонников Гиппия (Гиппарх, сын Харма)	Группировка Мильтиада
Антиспартанская позиция	Группировка Алкмеонидов (Ксантипп)	Группировка Фемистокла

Иными словами, Мильтиад был как будто специально создан для того, чтобы занять пустующую «нишу» в политической жизни. С одной стороны, ни у кого не вызывала сомнений его подчеркнутая, даже утрированная антиперсидская ориентация (у херсонесского изгнанника с персами были личные счеты), да и сам он не останавливался перед тем, чтобы лишний раз ее продемонстрировать. В частности, когда в Афины прибыли послы от Дария с требованием подчинения (видимо, это случилось перед началом экспедиции Датиса и Артаферна), они по инициативе Мильтиада были убиты (Павсаний. III. 12. 7). Этот акт демонстративной жестокости делал военное столкновение с персами совершенно неминуемым; помимо всего прочего, он противоречил общепринятым нормам обращения с послами, которые по неписаным законам межгосударственных отношений считались неприкосновенными. Однако будущего марафонского победителя не остановило ни это, ни даже то, что его сын оставался заложником в плену у Ахеменидов и мог подвергнуться столь же жестокой мести.

Интересно, что, по сообщению Павсания, точно так же поступили в это время и спартанцы с теми персидскими послами, которые прибыли в их полис с аналогичным требованием. Создается впечатление, что акции в Афинах и Спарте были согласованы. Два сильнейших государства Балканской Греции перед лицом внешней угрозы переходили наконец от конфронтации к сотрудничеству. Выше мы высказали предположение, что это было напрямую связано с выходом Мильтиада на первые позиции в Афинах. Этот политический деятель, бесспорно, симпатизировал Спарте. Его сын Кимон

впоследствии снискал репутацию едва ли не самого знаменитого афинского лаконофила (Плутарх, Кимон. 16). Такие взгляды Кимона не могли, разумеется, сформироваться спонтанно, без опоры на семейную традицию; они должны были быть унаследованы им от отца. Не забудем о том, что лаконофилом был и Исагор, тоже родственник Мильтиада.

Итак, быстрое возвышение Мильтиада было не в последнюю очередь обусловлено тем, что он оказался «в нужное время в нужном месте». Его политическая линия представлялась наиболее перспективной значительной части гражданского коллектива и элиты, что сделало его естественным центром притяжения для всех тех, кто был твердо настроен бороться с ахеменидской экспансией и готов ради этой цели идти на примирение с лакедемонянами. В результате вокруг него сплотилась самая мощная группировка приверженцев; Фемистокл, едва начав свою на первых порах очень успешную карьеру, был отодвинут на второй план.

Тем временем наступил 490 г. до н. э., который ознаменовался самыми славными событиями в жизни Мильтиада, теми событиями, которые, собственно, и сохранили его имя в веках. Это прежде всего Марафонская битва, на которой мы здесь не будем останавливаться, поскольку данный курс не посвящен проблемам военной истории. Пожалуй, следует отметить лишь, что персидскую карательную экспедицию на Аттику сопровождал не кто иной, как престарелый афинский тиран Гиппий; видимо, он должен был служить в качестве советника, а потом принять власть в афинском государстве как вассальный тиран.

В победе афинян над превосходящими силами персов при Марафоне главную роль сыграл именно Мильтиад, и в этом никто не сомневается. Однако афиняне, судя по всему, отнюдь не были склонны в должной мере признать его заслуги. Интересный эпизод передает Плутарх (Кимон. 8): «Мильтиад домогался было масличного венка, но декелеец Софан, встав со своего места в народном собрании, произнес хотя и не слишком умные, но все же понравившиеся народу слова: „Когда ты, Мильтиад, в одиночку побьешь варваров, тогда и требуй почестей для себя одного“». В этих словах в полной мере слышен полисный коллективизм, который стал после клисфеновских реформ достоянием всего демоса. Граждане были убеждены в том, что победа при Марафоне – их общее дело, а не единоличная заслуга полководца. Не случайно Аристотель отмечает, что именно после Марафонского сражения народ «стал чувствовать уверенность в себе» (Аристотель. Афинская полития. 22. 3).

На Мильтиада подобное отношение, следует полагать,

произвело эффект холодного душа. Он был совершенно уверен в том, что роль, сыгранная им при Марафоне, позволит ему не только сохранить имевшееся большое влияние, но и упрочить его. Не исключено, что бывший тиран Херсонеса Фракийского вновь помышлял о единоличной власти, но теперь уже в родных Афинах. Ему на ум должны были приходить многочисленные примеры из жизни архаических тиранов (в том числе знакомого ему Писистрата), которые, прославившись в качестве полководцев на полях сражений, добивались таким образом популярности и становились во главе своих полисов. Конечно, с тех пор ситуация в афинском полисе совершенно изменилась, в условиях демократии подобный «мирный» приход к тиранической власти был уже невозможен. Но Мильтиаду – человеку и политику старой генерации, жившему в мире ушедших в прошлое реалий, – было, конечно, очень трудно это понять. Он действовал так, как действовал бы любой аристократический вождь лет за пятьдесят или сто до него; действовать иначе он просто не умел, да и не желал научиться.

Как ни парадоксально, марафонская победа не только не усилила внутриполитических позиций Мильтиада, но едва ли не ослабила их. Уже на следующий год, после неудачной экспедиции на остров Парос, он был отдан под суд по обвинению Ксантиппа и приговорен к уплате штрафа. Сумма штрафа была огромной – 50 талантов. Мало у кого из афинян все состояние можно было бы оценить в такую цифру. Мильтиад не смог сразу выплатить штраф и попал в категорию государственных должников, что исключало его участие в политической жизни. Возможно, именно этого и добивались его соперники. На момент смерти Мильтиада штраф был еще не выплачен до конца и перешел по наследству к его сыну Кимону. Только этому последнему удалось, выдав сестру Эльпинику за богатейшего из афинян Каллия, получить достаточно средств, чтобы рассчитаться с государством. В любом случае дни марафонского победителя на момент суда были уже сочтены. Рана, полученная при осаде Пароса, дала осложнения и привела через несколько месяцев к летальному исходу.

Пожалуй, Мильтиад был в любом случае обречен на довольно скорый уход с политической арены: слишком много у него возникло противоречий с усилившимся демосом, а кроме того, он воспринимался как «чрезмерно» влиятельный политик. Фемистокл или Кимон впоследствии отнюдь не совершили аналогичных просчетов, и тем не менее их тоже ждал путь от фавора к опале. Мильтиад (а может быть, еще до него Клисфен) впервые в истории классических Афин продемонстрировал ту противоречивую гамму отношений, которая складывалась между

гражданским коллективом и его политическими лидерами. Другое дело, что, если бы не экспедиция 489 г. до н. э., возможно, с ним обошлись бы мягче; в сложившихся же условиях Мильтиад стал жертвой просто-таки жестокости и мстительности, что впоследствии давало повод (и нельзя сказать, чтобы безосновательный) упрекать афинян в несправедливости по отношению к собственным героям.

Мильтиад стоит на рубеже двух эпох греческой и особенно афинской истории. Сформировавшись как личность в условиях архаического аристократического этоса, он не смог найти себе место в новых условиях послеклисфеновских, демократических Афин. Судьба «осужденного победителя» – первый образец столкновения индивида и коллектива в условиях афинской демократии V в. до н. э. Политические деятели, принадлежавшие к следующему за Мильтиадом поколению, насколько можно судить, в известной степени извлекли урок из постигшего его несчастья. Их приемы в политической жизни (независимо от их убеждений) стали во многом иными, более приспособленными к суверенитету демоса, что позволяло им сохранять влияние на протяжении более длительных хронологических отрезков.

Лекция 9. Аристид и Фемистокл

Политическое устройство любого государства в значительной степени зависит от положения и роли основных имеющихся в нем социальных групп. Это положение в полной мере применимо и к демократическому афинскому полису V в. до н. э. Афинская демократия, появившаяся на свет в результате реформ Клисфена на рубеже архаической и классической эпох, на протяжении последующих десятилетий постоянно развивалась и модифицировалась, постепенно приобретая свою окончательную форму. Можно говорить о нескольких этапах или ступенях ее становления – «от Клисфена до Перикла». Если вначале это была так называемая «гоплитская демократия», имевшая в качестве своей главной опоры слой среднезажиточных крестьян, которые служили в фаланге (солоновский класс зевгитов), а к тому же еще демократия с сильным аристократическим оттенком, выражавшимся в том, что высшие полисные должности по-прежнему находились в руках знатной элиты, и в силу всего этого демократия в достаточной мере умеренная и консервативная, – то в дальнейшем усилились ее радикальные элементы, возросло значение тех граждан, которые стояли по своему достатку ниже гоплитского статуса.

В частности, важную роль в радикализации демократического строя сыграла морская программа Фемистокла, реализованная в 480-х гг. до н. э. и приведшая к созданию мощного военного флота. В качестве гребцов на афинских триерах использовались прежде всего представители низшего из солоновских классов – феты, беднейшие граждане, доходы которых не позволяли им приобрести паноплию и встать в ряды фаланги. Ранее они привлекались в полисное ополчение лишь в качестве легковооруженных воинов, играли вспомогательную роль и не определяли исход сражений. Соответственно, и политическая роль этой части гражданского коллектива была весьма незначительной: ведь положение гражданина в античном полисе вообще в очень большой степени определялось именно его вкладом в военные предприятия государства.

Теперь же ситуация кардинально изменилась: поскольку основой афинских вооруженных сил являлся отныне флот, а не сухопутная армия, то и голос фетов в общественной жизни стал несравненно более весомым. Они получили моральное право влиять на судьбы полиса. Уже в силу этого демократия после Фемистокла была более ориентированной не на средние, а на наименее обеспеченные слои гражданского населения – и тем

самым более радикальной. Тесная связь между возрастанием значения флота и движением демократического устройства от умеренных форм к крайним не ускользнула от внимания уже античных политических теоретиков. Насколько известно, первым, кто эксплицитно отметил это, был Псевдо-Ксенофонт (Аристотель. Афинская полития. 1. 2): «Справедливо в Афинах бедным и простому народу пользоваться преимуществом перед благородными и богатыми по той причине, что народ-то как раз и приводит в движение корабли и дает силу государству…»

Судя по всему, по инициативе того же Фемистокла в 487 г. до н. э. была осуществлена реформа архонтата: если раньше, со времен Солона, архонты избирались голосованием в народном собрании, то теперь их стали назначать по жребию. Эта важная мера была порождена каким-то конкретным политическим контекстом, но имела большое значение в долгосрочной перспективе, причем значение двоякого плана. С одной стороны, новый способ комплектования коллегии архонтов быстро привел к тому, что на посту, считавшемся высшим в государстве, все чаще стали оказываться не видные политические лидеры, как прежде, а, в сущности, почти случайные люди. А это, в свою очередь, становилось источником снижения реального значения архонтской магистратуры, а также и Ареопага, поскольку в состав последнего входили бывшие архонты. Таким образом, отходили на второй план институты, являвшиеся самыми древними в политии и по самой своей природе наименее совместимыми с народовластием. С другой стороны, введение жеребьевки на одном из ключевых участков политической системы само по себе знаменательно: как мы увидим чуть ниже, и дальнейшее развитие демократии сопровождалось нарастанием значимости принципа жребия.

Рассмотрим исторический контекст вышеперечисленных событий. Какие изменения произошли в противостоянии афинских группировок после Марафонской победы и осуждения Мильтиада?

После Марафона Балканская Греция и Афины в частности получили в общей сложности десятилетие мирной передышки. Всем было ясно, что это именно передышка – военные приготовления персов ни для кого не были секретом, – что столкновение «не на жизнь, а на смерть» совершенно неминуемо. И становилось чрезвычайно важно правильно использовать наступившее затишье, предугадать основные направления и характер грядущего удара и в соответствии с этим достойно подготовиться к нему. Наступила пора напряженного ожидания, и прежде всего в афинском полисе, граждане которого прекрасно

помнили, что у персидского царя к ним особые счеты, что еще экспедиция 490 г. до н. э. направлялась в первую очередь против них.

Тем не менее ни о каком консенсусе в афинском полисе говорить не приходилось. В условиях молодой демократии по-прежнему кипела ожесточенная политическая борьба. Напомним, какой расклад сил был характерен на момент Марафонской битвы. Боролись друг с другом четыре крупные группировки, отличавшиеся друг от друга в основном внешнеполитической ориентацией. Группировка так называемых «друзей тиранов» (то есть сторонников Гиппия), возглавлявшаяся Гиппархом, сыном Харма, занимала проперсидские и проспартанские позиции, группировка Алкмеонидов, во главе которой стояли Ксантипп и Мегакл, сын Гиппократа, – антиспартанские и (умеренно) проперсидские, группировка Мильтиада – проспартанские и антиперсидские, наконец, группировка Фемистокла не проявляла особых симпатий ни к Персии, ни к Спарте, полагая, что Афины должны не особенно надеяться на чью-то помощь, а опираться главным образом на собственные силы.

Какие изменения внес в эту внутриполитическую обстановку Марафон? Перемены были достаточно серьезными. Теперь уже, насколько можно судить, открытых сторонников подчинения персам в городе не было и быть не могло: всем было понятно, что после унижения, нанесенного Ахеменидам на поле битвы, каких-либо милостей от них ждать не приходится и в случае капитуляции судьба афинян будет плачевной. Соответственно, стратегические разногласия между группировками сменились разногласиями тактическими: вопрос отныне стоял не о том, отражать или не отражать новое персидское нападение, а о том, каков наилучший способ его отражения.

Все это отразилось на соотношении значимости и влияния перечисленных группировок. Радикально ослабели позиции «друзей тиранов»: помимо того, что линия на соглашение с персами была полностью дискредитирована, еще и не было в живых Гиппия – той политической фигуры, на которую они делали ставку. Изгнанный тиран скончался, судя по всему, или уже в ходе персидской операции 490 г. до н. э., либо сразу после этого. Не столь сильны, как раньше, были и Алкмеониды: по их репутации наносили значительный удар ширившиеся слухи о попытке измены со стороны этого рода в самый момент Марафонского сражения. Независимо от обоснованности этих слухов, понятно, что само их наличие создавало для Алкмеонидов проблемы.

Далее, что касается группировки Мильтиада, то она вообще

фактически прекратила существование по той простой причине, что не было в живых ее лидера. В греческом полисном мире политическая жизнь строилась на личностной основе, а не на программно-теоретических установках. Вполне естественно, что со смертью Мильтиада его сторонники лишались организующего центра. Сын Мильтиада – Кимон – был еще совсем молодым человеком, и его чрезмерно активное участие в общественной деятельности не могло быть одобрено общественным мнением. Напротив, группировка Фемистокла резко усилилась. Ее ярко выраженная антиперсидская политика после Марафона стала единственно возможной для государства линией. Особенно надеяться на помощь спартанцев тоже не приходилось, как показало их опоздание на поле боя в 490 г. до н. э. По большому счету, афиняне действительно могли надеяться только на себя. Позиции Фемистокла упрочивались еще и тем обстоятельством, что теперь в рядах его приверженцев автоматически оказывались те, кто ранее поддерживал Мильтиада. В результате он – и, пожалуй, только он – мог претендовать на роль «лидера сопротивления» в общеполисном масштабе.

Политическая жизнь Афин, таким образом, быстро двигалась к «биполярной» модели, выливалась в противостояние группировки Фемистокла и группировки Алкмеонидов (к последней должны были примкнуть остатки «друзей тиранов»). Необходимо подчеркнуть, что констатация этого факта отнюдь не означает, что мы принадлежим к сторонникам каких бы то ни было «двухпартийных схем» применительно к внутриполитической борьбе в полисных условиях. Напротив, неоднократно уже нам приходилось выступать против таких схем, указывать, что в принципе эта борьба в греческих полисах (в частности, в афинском, для которого имеется наиболее обильный фактический материал), как правило, принимала полицентричный характер, выливаясь в столкновение не двух, а нескольких группировок. Биполярность мы принимаем не как норму, а как частный случай, который мог возникать в той или иной конкретной ситуации. Ситуация была именно такой конкретно в 480-х гг. до н. э. (а, скажем, в 490-х еще не была).

Впрочем, действовало на афинской политической арене интересующего нас здесь периода еще одно лицо, лишь с трудом вписывавшееся в биполярную (да, можно сказать, и в любую другую) модель, лицо, стоявшее, судя по всему, вне группировок, но при этом пользовавшееся большим авторитетом и влиянием среди сограждан. Речь идет об Аристиде, которому мы уже посвятили специальную статью (Суриков, 2006).

Аристид вступил в политику в составе группировки

Алкмеонидов и союзных с ними Кериков, которая была сильнейшей и наиболее влиятельной в афинском полисе на рубеже VI–V вв. до н. э. Иными словами, вначале он двигался по вполне традиционному пути. Если бы Аристид и продолжил в том же духе, то, скорее всего, так и остался бы политиком второго-третьего эшелона – из числа тех, кто почти не остается или совсем не остается в памяти потомков. Однако случилось иначе. С того момента, когда сведений о деятельности Аристида становится больше (а именно с 490 г. до н. э.), выясняется, что он занимает уже совершенно иную позицию – позицию, нужно сказать, уникальную, отличавшую его от всех остальных государственных деятелей его времени, более того, почти немыслимую в условиях классического полиса, и именно эта позиция обеспечила ему особое место в истории.

Аристид в период своей наибольшей известности являлся политиком вне группировок, подчеркнуто занимал, если так можно выразиться, равноудаленное положение по отношению если не ко всем, то к нескольким важнейшим «центрам силы» в государстве. Это обстоятельство, кстати, не ускользнуло от внимания Плутарха, который отмечает: «Аристид Справедливый всякое государственное дело предпринимал в одиночестве, а товариществ (то есть политических группировок. – *И. С.*) чуждался, полагая, что власть, приобретенная через друзей, мешает человеку быть справедливым» (Плутарх, Моралии. 186a; ср. также Плутарх, Аристид. 2: «Аристид же прокладывал свой путь в полном одиночестве…»).

При этом речь здесь не идет о стиле политического поведения, характерном, например, для Перикла, который на пике своей карьеры претендовал на то, что находится как бы «над схваткой», выше всех группировок, и выступает от имени всего гражданского коллектива. Перикл, как известно, с 440-х гг. до н. э. даже демонстративно отказался от тесного общения с друзьями и родственниками (Плутарх, Перикл. 7), что, несомненно, производило впечатление некоторого высокомерия. Никто не был более чужд подобному снобизму, чем Аристид; его приемы в общественной жизни были, по сути, противоположными. Аристид отнюдь не изолировался от прочих участников политической борьбы, напротив, всегда был открыт для конструктивного диалога и сотрудничества практически с любым из них – в тех и только тех случаях, когда видел, что это пойдет на благо полису.

Именно это, насколько нам представляется, и было причиной восхищенного удивления современников. Именно в этом заключалась знаменитая «справедливость» Аристида – в том, что

он всегда ставил общегосударственные интересы выше личных и групповых. Ведь в целом данная черта была совершенно не свойственна афинской политической жизни с ее ярко выраженным личностным, агональным вектором. В полисной политике всегда была в высшей степени сильна оппозиция «свой – чужой». Одна из основополагающих максим общественной жизни, да и всей этики, могла бы быть сформулирована так: делай «своему» добро, а «чужому» зло, насколько возможно. Это не оспаривалось, считалось чем-то само собой разумеющимся. Даже самые крупные государственные деятели разных эпох (будь то Солон, Фемистокл или Демосфен), при всех своих других многочисленных достоинствах, в данном отношении не являли собой исключений из правила, находились в плену коллективных политико-этических установок. Соответственно, интересы полиса как целого сплошь и рядом отступали на задний план, а на передний выдвигалась ожесточенная борьба группировок.

Но вот для Аристида такая постановка вопроса оказывалась совершенно неприемлемой. Его политическое кредо выражалось, на не-терминологическом языке того времени, в понятиях справедливости и беспристрастия, иными словами, во всецелой ориентации на общие, а не частные интересы. Потому-то он и готов был для пользы дела сотрудничать почти с любым другим политиком. «Чужих» для него просто не существовало в родном полисе, все были «своими».

Это, повторим, являлось не просто большой редкостью; среди всех современных ему лидеров таким последовательно проводимым подходом характеризовался он и только он. Вполне закономерно за все время существования афинского государства только один политический деятель получил в оценке традиции устойчивый эпитет «Справедливого» (Dikaios), и это был, конечно, Аристид. Один – хотя одаренных, талантливых и даже просто гениальных политиков в Афинах было более чем достаточно. Они блистали в других отношениях – а он был просто «справедливым», выделялся среди сограждан именно в этом плане. Так он и запомнился следующим поколениям – как некий «луч солнца» в непростой афинской истории; его имя называли с ностальгией, со светлой грустью, с сожалением о том, что другого, подобного ему, так и не нашлось…

Интересно, что среди античных авторов нет единого мнения по вопросу о конкретно-политических взглядах Аристида и о его, как у нас принято было одно время выражаться, социальной базе. Аристотель (Афинская полития. 23. 3) явно считает Аристида политиком демократической ориентации, ставит его имя рядом с именем Фемистокла. Вот его слова: «Простатами народа в эту

пору были Аристид, сын Лисимаха, и Фемистокл, сын Неокла. Последний считался искусным в военных делах, первый – в гражданских, притом Аристид, по общему мнению, отличался еще между своими современниками справедливостью. Поэтому и обращались к одному как к полководцу, к другому – как к советнику». Простим здесь Стагириту известное упрощение: и Аристид в своей жизни, случалось, отличался как полководец, и Фемистокл не раз и не два подсказывал согражданам в высшей степени ценные идеи. Но общую, сложившуюся репутацию не преодолеть; судя по всему, уже современниками Аристид воспринимался не столько как «муж войны», сколько как «муж совета».

Для нас сейчас важнее другое. Аристотель, повторим, числит Аристида в простатах демоса и нигде не приравнивает его к простатам знатных (gnorimon), в числе которых он называет, например, Мильтиада, Кимона, Фукидида, сына Мелесия, Никия, Ферамена (Аристотель. Афинская полития. 28. 2–3). Совсем иное дело – Плутарх, характеризующий Аристида так (Плутарх. Аристид. 2): «Склоняясь на сторону аристократии, он во всем встречал сопротивление заступника народа Фемистокла, сына Неокла». В историографии, к сожалению, закрепилась именно эта последняя модель, в которой Фемистокл выступает как «демократ» и радикал, а Аристид – как консерватор, едва ли не «олигарх».

В действительности Аристид не был, конечно, ни принципиальным «демократом», ни тем более принципиальным «олигархом». Он выступал, подчеркнем еще раз, прежде всего за благо государства как целого, а не какой-то конкретной группы или слоя людей. Он мог в различных конкретных обстоятельствах оказываться как в роли противника Фемистокла (действительно деятеля радикальных интенций), так и в роли его союзника, если считал, что это пойдет на пользу полису. Несомненно, он симпатизировал умеренной (клисфеновской) форме народовластия; в то же время нет оснований не верить, что он искренне восхищался какими-то чертами спартанского космоса (и опять же, нужно полагать, лучшими его чертами). Не вызывали у него поддержки только любые крайности, и тут он был, конечно, прав: крайности в политике нигде, никогда и никому еще не шли на пользу.

«Беспартийность» Аристида (точнее, его «всепартийность», которую ни в коем случае не следует путать с политической «всеядностью») тем более удивительна, что он жил в эпоху, когда сохранять мудрую беспристрастность и добиваться компромисса было труднее, чем когда бы то ни было. Обстановка менее всего

располагала к этому. Внутриполитическая борьба становилась все более острой, равно как и внешнеполитическая. Дамокловым мечом нависала персидская угроза; назревали события огромного исторического значения. Однако Аристид снова и снова оказывался способен найти общий язык с самыми разными политиками – но только на принципиальной основе, во имя блага полиса.

Случалось Аристиду сотрудничать даже и с Фемистоклом. Так, в 487 г. до н. э., как уже упоминалось чуть выше, была осуществлена важная реформа архонтата (Аристотель, Афинская полития. 22. 5), после которой архонты впервые стали избираться не голосованием, как раньше, со времен Солона, а по жребию. Главным инициатором этой реформы, уменьшившей значение коллегии архонтов и Ареопага и возвысившей роль стратегов, несомненно, являлся Фемистокл, с чем согласны практически все исследователи. А нам уже приходилось в другом месте (Суриков, 1995) высказывать предположение, согласно которому сторонником реформы архонтата был также и Аристид, в данном случае оказавшийся, таким образом, в одном лагере с Фемистоклом. Оба этих политика имели между собой то общее, что и тот, и другой уже побывали в должности архонта и теперь ничего не проигрывали от изменения порядка замещения этой магистратуры. Кроме того, их положение зиждилось не только на статусе ареопагитов: и тот, и другой могли опереться на неофициальную, но чрезвычайно влиятельную позицию простатов демоса. Кстати, именно в этом качестве они могли оказывать влияние на народное собрание, которое и провело соответствующий закон.

Можно предположить, что, инициируя реформу, оба политика руководствовались неодинаковой мотивацией. Аристид, скорее всего, считал, в духе своей позиции, что назначение магистратов посредством жеребьевки более справедливо и беспристрастно, нежели их избрание голосованием, поскольку исключает проявление любых личных и симпатий и антипатий граждан. А амбициозный Фемистокл попросту стремился, перекрыв видным политическим лидерам путь к архонтату и членству в Ареопаге, уменьшить число своих возможных конкурентов в сфере общественной жизни.

Без преувеличения можно сказать, что 480-е гг. до н. э. стали в афинской истории «десятилетием Фемистокла». Исключительно искусно и в высшей степени успешно Фемистокл использовал против своих политических противников такое мощное оружие, как остракизм. Пользуясь своей популярностью в среде демоса, он умело добивался применения остракизма то к одному, то к

другому из конкурентов. В течение каких-нибудь нескольких лет из Афин были изгнаны многие представители аристократической элиты. В 487 г. до н. э. остракизму подвергся Гиппарх, сын Харма, – лидер сторонников бывшего тирана Гиппия, в 486 г. – Мегакл из рода Алкмеонидов, в 484 г. – Ксантипп (отец Перикла), являвшийся союзником того же рода. Наконец, в 482 г. остракизм постиг Аристида.

Практически никто из исследователей не сомневается в том, что именно Фемистокл явился инициатором резкой активизации проведения остракофорий (от нуля сразу практически к возможному максимуму), что изгнание ряда видных политиков в это время – его рук дело. Фемистокл, бесспорно, вел рискованную игру, в том числе рискованную и для самого себя: ведь, инициируя одну остракофорию за другой, он подвергался точно такой же опасности быть изгнанным, как и любой представитель лагеря его противников.

Впрочем, у Фемистокла было одно немаловажное преимущество, которым не располагали его конкуренты, и этим преимуществом являлась его позиция во внешнеполитических вопросах – позиция однозначно антиперсидская. Действительно, выше уже отмечалось, что в борьбе афинских политических группировок начала V в. до н. э. чрезвычайно значимую роль играл внешнеполитический аспект, прежде всего выработка позиции полиса по отношению к Персии; это не могло не отразиться и на остракофориях. После Марафона были развеяны иллюзии, что с Ахеменидами можно еще сохранить хорошие отношения, договориться путем каких-то уступок. Теперь предельно ясной становилась дилемма: либо полное безоговорочное подчинение (а может быть, даже всеобщее рабство на чужбине), либо самое решительное сопротивление. В подобных обстоятельствах все политики, которые ранее, в более спокойное время, имели неосторожность высказываться или действовать в примирительном для афино-персидских отношений ключе, были обречены на заведомо настороженное и подозрительное отношение к себе демоса.

Фемистокл с данной точки зрения был абсолютно безупречен. Так сложилось, что он уже в 490-х гг. до н. э., когда в его архонтат ставилась антиперсидская трагедия Фриниха и начиналось строительство порта в Пирее, зарекомендовал себя как один из лидеров тех слоев гражданского коллектива, которые испытывали враждебность к ахеменидской экспансии. Ничем подобным не мог похвастаться ни один из его соперников на том хронологическом отрезке, о котором идет речь (тем более что Мильтиада уже не было в живых).

Таким образом, для политической борьбы того времени, когда прошла самая крупная в афинской истории серия остракофорий, были характерны следующие черты. Во-первых, имел место раскол политической элиты на две крупные группировки (сторонники Фемистокла и Алкмеонидов). Что же касается группировок более мелких (о которых, впрочем, мало что известно), то они вынуждены были делать для себя выбор и присоединяться к одной из двух основных враждующих сторон. Во-вторых, вышли на первый план внешнеполитические вопросы (отношения с Персией), по которым велись острые дискуссии. Многие перипетии этого противостояния группировок ввиду скудного и фрагментарного характера информации, содержащейся в источниках, ускользают от нас. Лишь довольно смутно вырисовываются очертания создававшихся ad hoc и вскоре распадавшихся альянсов. Однако предельно ясен итог: полным и бесспорным победителем в борьбе со всеми своими противниками оказался Фемистокл, к концу 480-х гг. до н. э. оставшийся, пожалуй, единственным по-настоящему влиятельным политиком в Афинах.

Обратим внимание еще на один небезынтересный нюанс. Вся череда остракофорий, о которых идет речь, проводилась в условиях постоянно нараставшей персидской угрозы. Война с могущественным противником могла разразиться с года на год, а афинские политики, казалось бы, вели себя крайне нелогично: вместо того чтобы приходить к компромиссу, отодвигать на второй план свои разногласия и таким образом консолидироваться, они, напротив, находились в состоянии постоянной конфронтации. Но в том-то, судя по всему, и дело, что в полисе с его агональным менталитетом консолидация была возможна только через конфронтацию. Лишь добившись удаления из Афин всех своих влиятельных противников, Фемистокл смог получить полную поддержку демоса и провести в жизнь свою морскую программу.

Таким образом, Фемистокл одержал убедительную победу над всеми своими конкурентами и стал наиболее авторитетным афинским политиком, получив неофициальный, но чрезвычайно влиятельный статус простата демоса. А созданные по его инициативе военно-морские силы внесли главный вклад в отражение нашествия Ксеркса в 480 г. до н. э.

После этого, казалось, Фемистокл мог торжествовать и спокойно пожинать плоды своих стараний. Он был самым известным и популярным политическим деятелем не только в родном полисе, но и, пожалуй, во всей Элладе. «Во время следующих Олимпийских игр (476 г. до н. э. – *И. С.*), когда

Фемистокл пришел на ристалище, все присутствовавшие, говорят, не обращая внимания на участников состязаний, целый день смотрели на него и показывали его иностранцам с восторгом и рукоплесканиями» (Плутарх, Фемистокл. 17). Однако «почивать на лаврах» Фемистоклу не было суждено: в самих Афинах его первенствующее положение, как ни парадоксально, начало колебаться практически сразу же после Саламинской битвы. Он не сыграл абсолютно никакой роли ни в Платейском сражении, ни в операциях греческого флота в Эгеиде в 479–478 гг., повлекших за собой основание Афинского морского союза. В связи с этими событиями мы встречаем имена совсем других людей: Аристида, Ксантиппа, Кимона, Миронида…

Можно говорить о нескольких причинах утраты Фемистоклом былого влияния. Во-первых, среди афинян, досрочно возвращенных в 480 г. до н. э. из остракизма, были откровенные противники Фемистокла, а отныне они вновь выдвинулись на ведущие позиции в общественной жизни, входили в коллегию стратегов и т. п. Во-вторых, возрастание авторитета Ареопага, в силу ряда причин имевшее место в рассматриваемое время, тоже не способствовало сохранению Фемистоклом своих позиций: ведь Ареопаг все еще оставался аристократическим органом и вряд ли в массе своей симпатизировал «выскочке» из Фреарр, пусть даже тот и сам был ареопагитом. В-треть их, к Фемистоклу была крайне нерасположена Спарта, а к ее мнению многие в Афинах по-прежнему внимательно прислушивались. В-четвертых (этот момент представляется нам наиболее важным), на рубеже 480-х – 470-х гг. до н. э. три знатнейших афинских аристократических рода – Алкмеониды, Филаиды и Керики – отложили традиционное соперничество и заключили союз, направленный, судя по всему, персонально против Фемистокла; действия этого союза начали со временем, постепенно приносить все более весомые плоды.

Возникшая коалиция аристократических лидеров и их окружения стала, если так можно выразиться, «супергруппировкой», имевшей тенденцию монополизировать многие рычаги власти в Афинах. Такого рода колоссальные по полисным меркам коалиции редко, но возникали в афинской истории (например, одна из них, объединившая Писистратидов, Алкмеонидов, Филаидов, Кериков, сформировалась в 520-е гг. до н. э., в первый период правления Гиппия), впрочем, при этом, как правило, оказываясь непрочными. Конкурирующие амбиции отдельных лидеров подрывали любой такой союз изнутри. Не стал исключением и альянс, заключенный около 480 г. Он просуществовал около десятилетия, и главным фактором,

поддерживавшим его и не дававшим распасться, был, как ни парадоксально, Фемистокл. Именно для борьбы с ним, для ограничения его «непомерно» разросшегося влияния, иными словами, на основе «негативного консенсуса» был создан союз аристократов. И это, конечно, не могло не повести к ослаблению группировки Фемистокла и усилению его противников. Сразу же после 480 г. до н. э. в их руках все чаще стали оказываться ведущие магистратуры, на которые систематически избирались Ксантипп, Аристид, Кимон. Лидирующая же позиция «отца афинского флота» неуклонно близилась к закату.

В конце концов противникам удалось полностью дискредитировать его в глазах демоса. Вряд ли поэтому стоит считать падение Фемистокла каким-то особенно таинственным и неожиданным, как иногда полагают (например: Cawkwell, 1970): перед нами вполне естественный результат определенного хода политических событий. В один прекрасный день он пал жертвой той же меры, которую несколько ранее сам так активно применял в борьбе с конкурентами, – жертвой остракизма. На очередной остракофории в самом конце 470-х гг. до н. э. (скорее всего, это была весна 470 г.) против него проголосовало нужное количество афинян, и Фемистокл покинул Аттику.

А в 467 г. до н. э. Афинах – фактически по прямой спартанской указке – состоялся заочный суд над Фемистоклом по обвинению в персидской измене. В роли официального обвинителя выступал представитель Алкмеонидов – некий Леобот, сын Алкмеона. Обвинение поддерживал и ряд других политиков, в том числе Кимон (Плутарх, Аристид. 25); Аристид же устранился от этих нападок. Исход процесса in absentia был, по большому счету, ясен с самого начала: Фемистоклу был вынесен смертный приговор, и осужденный был объявлен в розыск.

Фемистокл в конечном счете оказался в Персии, но этот период его жизни уже не будет непосредственно интересовать нас. Какое суждение можно вынести об общем характере деятельности Фемистокла? Несомненно, этот политик успешно смог приспособиться к новым условиям общественной жизни, создавшимся после возникновения демократии, и воспользоваться этими условиями в свою пользу. Многие мероприятия, проведенные по его инициативе, имели безусловно демократический характер, способствовали укреплению народовластия в Афинах. Впрочем, вряд ли следует считать, что Фемистокл был принципиальным «демократом» по убеждениям. Он стремился к укреплению своего влияния и, инициируя те или иные меры, руководствовался не соображениями общего порядка, а оценкой конкретной ситуации. Завершилась же политическая

карьера Фемистокла, мягко говоря, не вполне обычно. Тем не менее его падение типично в том отношении, что оно может служить иллюстрацией судьбы политического лидера в демократических Афинах: ведь практически все его партнеры и конкуренты (будь то Мильтиад, Аристид, Ксантипп, Кимон) на том или ином этапе своей деятельности тоже становились жертвами немилости демоса.

Тема IV. На пути демократизации: аристократическая элита Афин в середине V в. до н. э.

Лекция 10. Общие закономерности переходного периода. Деятельность Кимона

После реформ Клисфена, после установления афинской демократии политические группировки на протяжении большей части V в. до н. э. возглавлялись представителями аристократической прослойки – «политических фамилий», как называет их У. Р. Коннор (Connor, 1971, p. 10), то есть тех семей, которые на протяжении ряда поколений имели традиции участия и лидерства в политической жизни. Не означает ли это, что они тем самым основывались на аристократической, антидемократической идеологии? Нам уже приходилось выше высказываться против довольно распространенного утверждения о том, что афинская аристократия была слоем консервативным, противившимся прогрессу, враждебным демократии и т. п. Легко заметить, что на протяжении архаической и значительной части классической эпохи во главе любых прогрессивных реформ стояли представители аристократической верхушки общества. В частности, все «отцы-основатели» афинской демократии – от Солона до Перикла – принадлежали к кругу древней знати. Ни в коем случае не следует ставить знак равенства между понятиями «аристократы» и «олигархи». Характерно, что в период, когда движение, характеризующееся обычно как олигархическое, достигло в Афинах пика (конец V в. до н. э., время переворотов Четырехсот и Тридцати), среди лидеров антидемократических гетерий мы почти не находим выходцев из старинных аристократических родов. Довольно редким исключением является, в частности, Критий из рода Кодридов. Основной социальной базой переворотов было зажиточное крестьянство, гоплитская прослойка, отвернувшаяся в кризисных условиях от во многом скомпрометировавшей себя радикальной демократии. Аристократы же, повторим, внесли наибольший вклад как раз в демократизацию афинского полиса. Думается, не случайно, что период наивысшего расцвета подрывных гетерий был одновременно и периодом, когда в Афинах пресекается политическая традиция аристократического лидерства.

Итак, вряд ли есть серьезные основания говорить об антидемократической идеологии аристократических лидеров афинского полиса. Выходцы из древних родов искренне и честно шли на службу демократическому полису, отождествляя его интересы со своими. «Аристократия интегрировалась в

демократический полис», – справедливо замечает Л. П. Маринович (Маринович, 1998, с. 331). Кимон, например, считается (и во многом справедливо) чопорным аристократом-лаконофилом. Но был ли он врагом демоса и демократии? Ни в коей мере. Достаточно процитировать несколько известных строк из Плутарха (Кимон. 10), которые дают очень яркое впечатление о стиле политического поведения Кимона: «…Он велел снять ограды, окружавшие его владения, дабы чужеземцы и неимущие сограждане могли, не опасаясь, пользоваться плодами, а дома у себя приказывал ежедневно готовить обед хотя и скромный, но достаточный для пропитания многих. Каждый бедняк, если хотел, приходил на обед и получал пищу и, не будучи вынужден зарабатывать себе на пропитание, мог заниматься только общественными делами (! – *И. С.*)… Его постоянно сопровождали двое или трое юношей в богатой одежде, и если им случалось встретить какого-нибудь убого одетого старика из горожан, один из них менялся с ним платьем – зрелище, казавшееся величественным. Те же юноши, щедро снабженные мелкими деньгами, замечая на площади людей бедных, но порядочных, останавливались подле них и молча (siopei) вкладывали им в руку несколько монет».

Таков был стиль жизни самого, если так можно выразиться, «аристократичного» из афинских аристократов и его окружения. Назвать ли все это социальной демагогией, популистскими и пропагандистскими действиями? Отчасти, наверное, можно взглянуть и под таким углом, хотя зачем, если занимаешься пропагандой, вкладывать в руку бедняку деньги молча, то есть тайно? Вроде бы при этом нужно произносить какие-то агитационные лозунги (как это и делается в наше время). Это больше похоже на искреннюю благотворительность, чем на популизм. Но даже если вести речь о популизме, такая политика, мягко говоря, не вполне то, чего мы могли бы ожидать от антидемократически настроенного лидера. Разве враг демоса и олигарх будет заботиться о том, чтобы беднейшие из его сограждан не тратили времени на добывание «хлеба насущного», а посвящали себя общественным, полисным делам? Нечто подобное и с той же самой целью, но только пользуясь иными средствами, делал и Перикл, вводя мистофорию (оплату за исполнение должностей), «театральные деньги» и т. п. Различие (по меньшей мере во внутриполитической области) между этими двумя политиками, которых обычно представляют непримиримыми антагонистами, оказывается значительно меньшим, чем кажется на первый взгляд. Четкую грань между так называемыми «демократами» и так называемыми «олигархами»

оказывается крайне сложно, если не невозможно, провести.

С другой стороны, вряд ли следует говорить и о том, что идеология афинского демоса в классическую эпоху имела антиаристократический характер. Ниже мы увидим, что демос перенял многие аристократические ценности и институты, что он в известном смысле во всей своей совокупности стал аристократией (во всяком случае, сам он именно так воспринимал ситуацию). Разумеется, ни в коей мере не следует считать, что отношения демоса и его аристократических лидеров были идиллическими. Напротив, мало в каком другом социуме политическая элита испытывала столь подозрительное отношение со стороны рядовых сограждан, подвергалась столь частым опалам и преследованиям. Это хорошо известно и вряд ли заслуживает еще одного подробного экскурса. Но здесь – совсем другой вопрос, не имеющий никакого отношения к противостоянию сторонников и противников демократии. Гонения в равной степени обрушивались на политиков всех направлений, как на тех, кому традиционно приписывают аристократическую тенденцию (Мильтиад, Кимон), так и на тех, демократизм которых абсолютно бесспорен (Фемистокл, Перикл). Даже демагоги – а уж их-то демос более, чем кого-либо, имел все основания считать своими – не избегали подобной же судьбы. Демагог Гипербол был изгнан остракизмом, демагог Клеофонт казнен по приговору суда. Демократия ниспровергала любого видного политика, как только он, во-первых, начинал восприниматься как слишком влиятельный и угрожающий народному суверенитету, а во-вторых – и это еще важнее, – как только он переставал быть нужным. «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить». Э. Д. Фролов чрезвычайно тонко подметил, что демос на протяжении большей части V в. до н. э. сам еще не мог компетентно руководить государством, выдвинуть лидеров из собственной среды, и потому он волей-неволей должен был использовать для этой цели представителей аристократии, при этом продолжая дистанцироваться от них (Фролов, 1983). Знатный политик был необходим, пока он воспринимался как «слуга народа», не претендующий быть его господином, и пока в его услугах ощущалась необходимость. Как только эта необходимость отпадала или как только признавалось, что лидер уже в недостаточной мере справляется с возлагаемыми на него задачами, от него избавлялись. Перикл дольше, чем кто-либо, оставался в милости у демоса и казался незаменимым. По отношению к нему сложилась парадоксальная ситуация. Комедиографы, выражавшие мнение широких масс, беспощадно обличали его, обвиняли в тиранических намерениях (Плутарх,

Перикл. 16; кстати, вся плутархова биография Перикла буквально усеяна соответствующими цитатами из памятников аттической комедии); его сподвижники становились жертвами политических процессов. А самого «афинского олимпийца» продолжали из года в год избирать стратегом. «Сбросили» Перикла лишь тогда, когда сложилось мнение, что он состарился и не может уже эффективно направлять политику государства.

Итак, картина политической жизни в Афинах классической эпохи была чрезвычайно сложной, пестрой до хаотичности, многогранной. Менее всего она напоминает «двухпартийную» конструкцию. Сразу оговорим, что в принципе мы не отрицаем складывания в каких-то совершенно конкретных обстоятельствах биполярного характера борьбы, противостояния двух крупных политических объединений, сложившихся в результате коалиций отдельных группировок. Насколько можно судить, именно так развивались события в 480-х гг. до н. э., в период первых остракофорий, когда полис раскололся на сторонников группировки Алкмеонидов и приверженцев Фемистокла. Но, подчеркнем, речь идет именно о конкретной ситуации, а не об общем характере конфликта, об исключении, а не о правиле.

* * *

Временной промежуток от реформ Клисфена до конца Пелопоннесской войны с точки зрения характера политической борьбы, состава участвующих в ней сил, наличия тех или иных механизмов власти представляет собой некое целостное единство, обладающее рядом только ему свойственных характерных особенностей, весьма четко отграничиваемое как от предыдущего, так и от последующего столетия и в то же время во многих отношениях занимающее переходное положение между ними. VI в. до н. э., последний век эпохи архаики, был для Афин, если так можно выразиться, периодом «преддверия демократии». Первые реформы, во многом обусловившие дальнейшее движение государства в направлении демократизации политической системы, были, как известно, осуществлены уже Солоном, деятельность которого столь же определенно является началом этого периода, сколь деятельность Клисфена – его завершением. Афины между Солоном и Клисфеном нельзя уже назвать в полном смысле слова аристократическим (олигархическим) полисом, в котором демос лишен политической роли, но они не являются еще и полисом демократическим. Интересно суждение о солоновском строе, которое высказывает Аристотель (Политика.

1273b35 слл.). По мнению философа, Солон установил «отеческую демократию», а фактически – смешанное государственное устройство, в котором совмещались олигархические, аристократические и демократические элементы. Как бы то ни было, реальная власть находилась в руках представителей аристократических родов, соперничавших друг с другом за первенство.

С другой стороны, IV в. до н. э. – век существования в Афинах демократии, сложившейся уже в своей окончательной, «усовершенствованной» форме, без каких бы то ни было следов аристократического лидерства. Пожалуй, это столетие было в афинской истории наиболее чуждым аристократии периодом.

Когда же происходит гибель аристократической политической традиции, коль скоро в VI в. до н. э. она еще в полной силе, а в IV – сведена к нулю? Несомненно, в том веке, который лежит между ними, и по этой причине мы имеем все основания признать переходный характер V в. до н. э. На его протяжении осуществлялась трансформация от власти знати к власти демоса, и в результате возникала ситуация своеобразного двоевластия. Насколько нам известно, о двоевластии в раннеклассических Афинах еще никто не писал, и сама идея может показаться весьма спорной. А между тем двоевластие, «диархия» характерна для многих переходных эпох, когда новый носитель власти по тем или иным причинам не овладел ею в полной мере, а старый – уже в значительной степени, но не до конца, утратил ее. Еще Т. Моммзен считал возможным говорить о диархии принцепса и сената в политической системе, созданной Августом.

Для диархии характерно определенное разграничение властных полномочий между двумя носителями власти. Нечто подобное мы действительно обнаруживаем в афинском полисе V в. до н. э., хотя это разграничение не было обусловлено какими-либо правовыми актами официального характера, а сложилось чисто эмпирически. Демос в лице экклесии и гелиеи осуществлял верховную власть, принимал законы (любая псефисма, принятая экклесией, в V в. до н. э. имела статус закона; в IV в. этого уже не было), являлся высшей судебной инстанцией, избирал магистратов и контролировал их деятельность. Но сами магистраты – во всяком случае, те из них, которые концентрировали в своих руках реальные, а не номинальные полномочия, – избирались, насколько известно, вплоть до Пелопоннесской войны и появления «новых политиков», без каких-либо исключений из среды аристократии. Можно даже говорить об определенной монополии знати в этой сфере –

конечно, не де-юре, а де-факто.

Если прибегать к современным параллелям, то с некоторыми оговорками возможно следующее определение ситуации: в руках аристократической элиты находилась исполнительная власть. С оговорками – потому, что в античности еще не сложилось представления о строгом разделении власти на законодательную, исполнительную и судебные ветви; это – продукт политической теории Нового времени (Локк, Монтескье). К тому же, повторим, вся деятельность аристократов на различных должностях находилась под контролем демоса. Магистраты не были суверенны.

Нам представляется, что именно подобное положение вещей имеет в виду Аристотель в одном из пассажей своего трактата «Политика» (1308b39 слл.), описывая государственное устройство, при котором, с одной стороны, все допущены к власти, что является демократической чертой, а с другой – должности находятся в руках людей знатных, что представляет собой черту аристократическую. Именно такое государственное устройство Стагирит определяет как являющееся одновременно демократией и аристократией. Иными словами, перед нами – «аристократическая демократия», то, о чем мы уже говорили выше, система переходная между монополией на власть со стороны аристократов и монополией на нее же со стороны демоса; система, в которой обеим сторонам приходится делиться властью друг с другом, что и приводит к двоевластию.

Политические устройства, для которых характерна явная или скрытая диархия, ввиду своего переходного характера отличаются нестабильностью, остротой и жесткостью конфликта. Такой была ситуация и в Афинах V в. до н. э.: державный демос, постоянно используя аристократию для управления государством, в то же время постоянно ставил ее на место. По отношению к представителям знати применялись репрессии самой различной степени тяжести: отстранение от должности, остракизм, различные наказания, выносимые судебным путем, наконец, смертные приговоры. Аристократия еще ощущалась как опасный конкурент, но в то же время незаменимый, необходимый для функционирования полиса. В IV в. этого уже нет: политическая роль аристократии утрачивается, демос берет все бразды правления в собственные руки. Общество, по справедливому замечанию К. Моссе, становится более эгалитарным (Mossé, 1985).

Если смотреть на интересующий нас здесь период с точки зрения двоевластия, временного и нестабильного равновесия между двумя ведущими социально-политическими силами, если

учитывать таким образом переходный период данного хронологического отрезка, что можно сказать о механизмах и приемах политической борьбы, которые на этом отрезке практиковались? Данный вопрос уместнее всего также будет рассмотреть в сопоставлении V века с предшествующим и последующим столетиями.

Для политической жизни VI в. до н. э. было характерно наличие региональных группировок, столкновение интересов аристократии различных частей Аттики. Те силы, на которые опирались соперничавшие знатные роды, можно определить как группы их приверженцев, зависевших от них в экономическом, политическом, культовом отношениях, то есть в чем-то близких к римскому слою клиентов.

Соответственно, среди механизмов достижения и удержания власти, факторов, которые способствовали влиятельному положению того или иного аристократического лидера, следует назвать богатство, контроль над религиозной жизнью в аттических демах, традиционный престиж (основывавшийся на происхождении, военном лидерстве, участии в панэллинских играх), сеть межродовых связей – как внутриполисных, так и простирающихся за пределы Афин и т. д. О монополии аристократов на занятие должностей мы уже говорили: в архаическую эпоху она была еще более полной и непререкаемой, чем в V в. до н. э. Бесспорно, было бы преувеличением говорить, что демос на хронологическом отрезке между Солоном и Клисфеном не имел никакого отношения к власти. В ходе деятельности Солона активизировалась и стала более самостоятельной экклесия, появился суд присяжных (гелиея), комплектовавшийся из всего афинского гражданства. Характерная ситуация середины VI в. до н. э.: Писистрат, чтобы прийти к власти (речь идет об установлении его первой тирании в 560 г.), добивается именно у демоса предоставления ему отряда телохранителей (Геродот, История. I. 59; Аристотель, Афинская полития. 14. 1). Получается, что мнение гражданского коллектива немало значило в это время, коль скоро амбициозный аристократ обращается к нему за фактической легитимацией своих властных притязаний. Далее, вторым приходом к власти около 557 г до н. э. Писистрат был обязан сговору аристократических локальных группировок, но оформил свое возвращение как пропагандистскую акцию с культовым антуражем, обращенную ко всем гражданам. Имеется в виду его торжественный въезд в город в сопровождении рослой девицы, переодетой Афиной (Геродот, История. I. 60; Аристотель, Афинская полития. 14. 3). В третий раз (около 546 г. до н. э.) Писистрат стал тираном с помощью

военной силы, вторгнувшись в Аттику. Но и здесь без воздействия на демос не обошлось. Уже разбив и обратив в бегство афинское ополчение в битве при Палленида, тиран «придумал хитрый способ, чтобы воспрепятствовать бегущим вновь собраться и чтобы заставить войско рассеяться. Он велел своим сыновьям скакать на конях вперед. Настигая бегущих, сыновья Писистрата предлагали от имени отца ничего не бояться и разойтись всем по домам» (Геродот, История. I. 63).

Характерно, что свергали и изгоняли Писистрата враждебные ему аристократы, а возвращаясь, он всякий раз в той или иной мере апеллировал к демосу. Демос и в дальнейшем оставался его союзником Впрочем, в «нормальных» условиях политической жизни VI в. до н. э. демос, как правило, не играл определяющей и самостоятельной роли, идя в кильватере соперничающих аристократических группировок.

Деятельность Клисфена стала очередным этапным событием в афинской истории. Повторим, однако, что непосредственное воздействие преобразований этого реформатора на общественную жизнь полиса заключалось отнюдь не в ликвидации политической роли аристократии, а скорее в существенном изменении механизмов власти, использовавшихся ее представителями. Новые механизмы уже не обеспечивали, как прежде, безусловного обладания властью для аристократии, поскольку не являлись ее исключительной прерогативой.

Равновесие сил между аристократией и демосом, как мы отмечали выше, было нестабильным. Чаша весов постоянно смещалась на одну сторону – на сторону демоса. На рубеже 460-х – 450-х гг. до н. э. в полисе был проведен еще ряд реформ демократического характера: лишение Ареопага части его функций, введение мистофории, переход к тайному голосованию в дикастериях, дальнейшая активизация деятельности экклесии, увеличение роли жребия в политической жизни и т. п. Все это вело к постепенному, но неуклонному вытеснению аристократов из политики, которое в основном завершилось к концу V в. до н. э. Можно говорить также и об определенном «растворении» аристократии в массе демоса. Последней каплей, переполнившей чашу, стала Пелопоннесская война – конфликт, вызвавший к жизни совершенно новый, невиданный ранее этос, в корне чуждый «рыцарской» системе ценностей старинной знати. Не случайно самая жестокая критика изменений в менталитете, порожденных войной, исходит из уст Фукидида, человека исключительно «благородного» происхождения. Многие представители уже и без того не столь многочисленной аристократии были физически уничтожены, другие (подобно

Алкивиаду) сбились на политический авантюризм. На смену им приходило «поколение демагогов».

Еще один момент заслуживает быть отмеченным. Р. Сили во многом справедливо считает реформы Клисфена в конце VI в. до н. э. победой городских аристократических родов над локальными аттическими (Sealey, 1960). И в дальнейшем, вплоть до пресловутой Пелопоннесской войны, тон в политической жизни задавала именно блестящая столичная знать; выходцы из сельских демов в кругу высшей элиты были редчайшими исключениями (пожалуй, кроме Фемистокла, некого больше и назвать). К концу столетия положение принципиально изменилось. Видные деятели этого времени, судя по демотикам, имели уже внеафинское происхождение. Впервые эта тенденция проявилась в полную силу в связи с переворотом Четырехсот, все лидеры которого происходили не из городских демов. В следующем столетии та же тенденция получила дальнейшее развитие: уже значительное большинство влиятельных политиков этого времени были выходцами из сельских демов. Разумеется, граждане, о которых идет речь, давно уже реально имели резиденцию в городе и не могут считаться настоящими «сельскими жителями». Тем не менее все они с точки зрения своей генеалогии явно принадлежали к кругу рангом пониже, чем лидеры полиса в V в.

* * *

Нельзя сказать, что эволюция демократического устройства в Афинах была простой и прямолинейной. После отражения нашествия Ксеркса в 480–479 гг. до н. э. радикализация демократии почти на два десятилетия приостановилась, более того, процесс даже временно приобрел обратное направление. Представитель знатнейшего (и, кстати говоря, издревле консервативно настроенного) аристократического рода Филаидов Кимон, в течение 470-х – 460-х гг. до н. э. стоявший фактически у руля государства и пользовавшийся огромным влиянием по причине своих славных побед в греко-персидских войнах, отнюдь не был сторонником увеличения роли демоса в жизни полиса. Ему куда больше по душе было жесткое государственное устройство Спарты, основанное на дисциплине и безоговорочном подчинении рядовых граждан властям. Кимон имел совершенно справедливую репутацию главного афинского лаконофила.

Следует сразу подчеркнуть: в корне неверно было бы считать Кимона принципиальным олигархом и врагом демократии. Нет,

демократия умеренная, демократия «клисфеновского» типа его вполне устраивала. А вот идти дальше нее он действительно не считал ни нужным, ни возможным. Отношение Кимона к демосу было проникнуто духом патернализма: лидер и его окружение проявляют демонстративную филантропию, оказывают «благодеяния» простонародью, а это последнее из благодарности послушно следует воле своих вождей. Вполне естественно, что в годы лидерства Кимона никаких реформ демократического характера в Афинах не проводилось.

Кимона всячески поддерживал Совет Ареопага. Этот древний аристократический орган, чей «золотой век», казалось бы, остался в далеком прошлом, сумел возродить и укрепить свое положение, достойно проявив себя в тяжелую годину персидской опасности: в частности, именно ареопагиты пресекли панику и организовали эвакуацию жителей из Афин, когда Ксеркс в 480 г. до н. э. приближался к городу. После этого, воспользовавшись возрастанием своего авторитета, Ареопаг присвоил себе ряд важных политических функций, ранее ему не принадлежавших или, во всяком случае, давно уже им фактически не использовавшихся. Так, он стал проводить проверки (докимасии) граждан, избранных на государственные должности, принимать отчеты (эвтины) у магистратов по истечении срока их полномочий, судить тех должностных лиц, отчеты которых оказывались неудовлетворительными. Совокупность происшедших в общественной жизни изменений, бесспорно, следует оценить как «шаг назад» в эволюции афинской демократии, ослабление радикальных тенденций и укрепление аристократического элемента в государственном устройстве.

В целом по мере демократизации афинского полиса представители знатных аристократических родов, к числу которых относился Кимон, оказывались во все более непростой для себя ситуации. Демос, особенно после Марафонской победы, властно брал в свои руки бразды правления; увеличивалась роль беднейших, наиболее радикально настроенных слоев гражданского населения, то есть тех людей, которые уже в силу самой природы вещей поглядывали на аристократов с подозрением, видя в них потенциальных врагов. Кто-то из членов знатной элиты смог (да и то до поры до времени) приспособиться к новым политическим условиям, выступая в роли вождей-простатов простонародья. Кимону (как в свое время его отцу Мильтиаду) такая линия была в целом чужда. Встав во главе полиса, он относился к демосу скорее покровительственно, несколько свысока, хотя и без олигархической неприязни. Политическим идеалом Кимона всегда была Спарта. Он

поддерживал с ней самые тесные контакты, слыл главным афинским лаконофилом. Спартанцы уважали Кимона, и он платил им взаимностью.

В области механизмов политической власти Кимон может считаться прямым предтечей Перикла. Ему удалось в условиях демократии на довольно длительный период стать фактически единоличным «неформальным лидером» государства, пользовавшимся всеобщим авторитетом, и впоследствии это – но только на протяжении еще более продолжительного хронологического отрезка – повторил Перикл. Обратим внимание на то, что и институциональное оформление власти обоих было одинаковым: как тот, так и другой «первый гражданин» год за годом бессменно занимали должность стратега и, опираясь на это, проводили свою политику. А между тем подобный механизм, вообще говоря, отнюдь не очевиден: ведь стратеги изначально по своим функциям – чисто военные магистраты, а не какое-то «правительство» полиса со всеобъемлющими полномочиями. Приблизительно до 480 г. до н. э. не они, а скорее архонты определяли политическую линию государства. Равным образом в IV в. до н. э. их роль снова снизилась, они отодвинулись на второй план по сравнению с «риторами»-демагогами. А промежуточный этап, период Пентеконтаэтии и Пелопоннесской войны, – воистину «время стратегов». И первым государственным деятелем, в широких масштабах пользовавшимся этим институциональным механизмом, был именно Кимон.

Впрочем, в демократическом афинском полисе рассматриваемого периода у «первого гражданина» не было достаточных институциональных механизмов, позволявших последовательно проводить именно свой собственный курс. Принципиальная линия государства определялась народным собранием, а на это последнее Кимон мог влиять в каких-то случаях, но не во всех. В результате он в одних случаях действовал в согласии со своими взглядами, в других же – вопреки им. А выполнять волю демоса все равно приходилось, иначе даже бесспорный лидер Афин не был застрахован от опалы. Именно это продемонстрировали события, имевшие место ближе к концу 460-х гг. до н. э. и закончившиеся опалой Кимона, его остракизмом (461 г. до н. э.).

Лекция 11. Демократические реформы середины V в. до н. э. и аристократия

Кимону и ареопагитам лишь ненадолго удалось «подморозить» политию. Собственно, не может не броситься в глаза парадоксальная коллизия: в области военной организации полиса Кимон продолжал линию Фемистокла на укрепление флота. А это шло вразрез с его же внутренней политикой. Пресловутая «корабельная чернь», которую он мог недолюбливать, но на которую ему волей-неволей приходилось опираться, рано или поздно должна была взять свое. Следующий этап демократизации афинского полиса оказывался неизбежным.

Этот этап начался в конце 460-х гг. до н. э. и продолжался приблизительно десятилетие. Политические противники Кимона, выдвинув лозунг увеличения роли демоса в управлении государством, набрали силу и в конечном счете сумели одержать верх над этим лидером. Эту группировку, как считается, возглавлял Эфиальт, но не исключено, что реальным ее «двигателем», пусть и не афишировавшим до поры свое истинное значение, уже в это время был Перикл – политик молодой, но тем не менее пользовавшийся известностью благодаря славным предкам и в еще большей степени – благодаря выдающемуся ораторскому таланту.

Вскоре после остракизма Кимона (а может быть, и несколько ранее, но в любом случае в том же архонтском году) по предложению Эфиальта состоялась важная реформа Ареопага. Древний Совет лишился присвоенных им незадолго до того полномочий, которые были теперь распределены между более демократическими органами управления – народным собранием, гелиеей, Советом Пятисот.

Реформа Эфиальта, традиционно рассматриваемая как один из важнейших этапов демократизации государственного устройства Афин, не оказала непосредственного воздействия на снижение значения знати в общественной жизни Афин. Ареопаг, по которому наносил основной удар Эфиальт, к этому времени уже перестал быть цитаделью аристократического влияния. Имевшее место еще в 487 г. изменение способа избрания коллегии девяти архонтов (была введена жеребьевка вместо голосования) с течением времени привело к тому, что состав этого древнего Совета, пополнявшегося именно путем пожизненной кооптации бывших архонтов, оказался более или менее случайным и мало на что реально влиявшим.

Нам уже приходилось специально писать о реформе Эфиальта (Суриков, 1995). Здесь мы только хотели бы заметить, что, по нашему мнению, в современной историографии ее значение несколько преувеличивается, ее изображают как этапное событие афинской истории. Не следует забывать о том, что эта реформа имела совершенно конкретное, можно сказать, даже узкое содержание – не ликвидацию Ареопага, а лишь отнятие у него ряда функций, причем не свойственных этому органу изначально (то есть, в сущности, реставрацию ранее существовавшего порядка), – и не менее конкретный политический подтекст – борьбу с группировкой Кимона, на стороне которого в тот момент стояли ареопагиты. Вряд ли правомерно трактовать данное преобразование чрезмерно расширительно, видеть здесь какой-то шаг принципиального демократического значения.

Действительно, на хронологическом отрезке, о котором идет речь, в общественной жизни Афин произошли новые серьезные изменения. Но их логичнее связывать не с одной, отдельно взятой псефисмой Эфиальта (который, кстати, вскоре был убит при неясных обстоятельствах), а с целым комплексом мер, осуществленных после этого уже Периклом, и со ставшими их результатом процессами. Эти меры составили собой целостную серию новшеств в политической жизни государства, каждая из них сочеталась с другими и дополняла их.

Чрезвычайно большое значение имел введенный по инициативе Перикла институт мистофории – оплаты деятельности должностных лиц. Вначале плату за исполнение своих обязанностей стали получать судьи-присяжные в коллегиях гелиеи. Но за первым шагом не могли не последовать следующие: затем мистофория была распространена на членов Совета Пятисот, а со временем и на многие другие магистратуры. Это позволило значительно более активно, чем раньше, участвовать в политической жизни гражданам небольшого достатка, чем они, конечно, сразу же не преминули воспользоваться, понемногу лишая аристократию монополии на большинство государственных постов. В частности, в 457 г. до н. э. на должности архонтов, ранее доступные лишь представителям двух первых солоновских классов (пентакосиомедимнам и всадникам), было позволено избирать также зевгитов. Феты, то есть беднейшие из афинян, такого права формально не получили, но фактически и они тоже могли становиться архонтами: выставляя свою кандидатуру на жеребьевку, фет просто умалчивал о принадлежности к низшему разряду граждан, и власти смотрели на это «сквозь пальцы» (Аристотель, Афинская полития. 7. 4).

Мистофория (во всяком случае, в таких широких масштабах) была из греческих полисов свойственна исключительно демократическим Афинам (Finley, 1973, p. 173). И дело здесь не только в функционировавшей в них системе развитого народовластия. Чтобы государство имело возможность оплачивать работу своих должностных лиц, необходима была какая-то компенсация этих расходов поступающими в бюджет доходами. Для нынешней политэкономии это элементарная вещь, но не будем забывать, что в условиях античного полисного мира средства пополнения бюджета, не говоря уже о его планировании, были еще практически не разработанными теоретически. В финансовом отношении полисы, как правило, жили «сегодняшним днем», не слишком-то заботясь о будущем. Специфика Афин, однако, заключалась в том, что они могли себе позволить крупные траты, не окупавшие себя, постольку, поскольку имели после 478 г. до н. э. неисчерпаемый источник дохода – форос, поступавший от союзников.

На том же хронологическом отрезке (конец 460-х и 450-е гг. до н. э.) происходили изменения принципиального, демократического характера в системе судопроизводства. Так, был осуществлен переход от открытого к тайному голосованию судей в гелиее. А это, вне сомнения, резко снизило возможности аристократии реально влиять на вынесение приговоров, воздействуя различными способами на рядовых граждан, заседавших в дикастериях. Далее, члены судебных коллегий, насколько можно судить, именно в это время стали назначаться по жребию. А жребий считался в античности сугубо демократическим методом. Как писал Аристотель (Политика. 1294b8), выражая в данном случае общее мнение, «одной из основ демократического строя является замещение должностей по жребию, олигархического же – по избранию». Не только в гелиее, но и в целом применение разного рода жеребьевок в политической системе, особенно при выборах должностных лиц, значительно интенсифицировалось.

С того же самого времени произошла значительная активизация деятельности народного собрания. Оно стало собираться чаще, чем прежде. По археологическим данным, около 460 г. до н. э. на Пниксе, одном из холмов в центральной части Афин, был построен экклесиастерий – специальное сооружение для работы экклесии, оснащенное рядами скамей для граждан и трибуной для выступающих ораторов. До того экклесия собиралась на Агоре (рудиментом этого можно считать проведение там остракофорий вплоть до конца V в. до н. э.), а теперь, судя по всему, ставшие весьма частыми ее заседания

создавали серьезные неудобства для других видов деятельности (в том числе для торговли) на этой главной городской площади Афин. Потому-то и возникла необходимость в переносе собраний в особое место, предназначенное только для этого и соответственным образом оборудованное.

Далее, именно с середины V в. до н. э. отмечается резкое падение реального значения солоновских имущественных классов, ранее занимавших центральное место в социальной градации гражданского коллектива. Среди причин этого можно назвать отмечавшееся выше общее увеличение роли жребия в политической жизни, отмену предварительного избрания кандидатов перед жеребьевкой (prokrisis), а следовательно – снижение роли демов (и таким образом – аристократов, сохранявших традиционное влияние в демах) при определении состава органов власти: ведь prokrisis имел место именно на уровне дема. Нельзя не упомянуть и о введении в 453 г. до н. э. института «судей по демам» – разъездных судебных коллегий, отправлявшихся в сельскую местность и там разбиравших тяжбы между земледельцами. В сущности, здесь Перикл фактически скопировал учреждение, уже вводившееся за век до того Писистратом (Аристотель, Афинская полития. 16. 5), но, видимо, отмененное после свержения тирании. Цели обоих политиков были во многом схожими: подрыв авторитета знати на местах и в целом утверждение решительного приоритета центральных, общегосударственных органов власти над локальными. Крестьянин, даже из отдаленного дема, должен был ждать разрешения своих проблем не от родовитого соседа, а из Афин. По большому счету, на протяжении всей первой половины V в. до н. э. шло последовательное разрушение связей «патроната-клиентелы», доставшихся демократическому полису в наследство от архаической эпохи с ее аристократическим правлением.

Завершает и достойно венчает серию вышеперечисленных новшеств известный закон Перикла о гражданстве, принятый в 451/450 г. до н. э. Следует сказать, что он производит своеобразное и неоднозначное впечатление. Согласно этому закону, полноправными афинскими гражданами стали считаться лишь те лица, которые могли подтвердить свою принадлежность к гражданскому коллективу как по отцовской, так и по материнской линии (ранее происхождение матери при решении этого вопроса не учитывалось). При оценке закона о гражданстве следует иметь в виду, что многие аристократы издревле имели обычай вступать в брак с женщинами из других государств, порой даже негреческих. Так, женой Мильтиада и матерью Кимона была фракийская царевна Гегесипила. Теперь дети от таких

«смешанных» браков теряли права афинского гражданства, что опять же наносило серьезный удар именно по знати. Для того же Кимона родство с домом монархов Фракии прежде было предметом законной гордости, а теперь то же самое обстоятельство оказывало ему дурную услугу, поскольку он мог подпасть под действие нового постановления; в таком случае не исключено, что лишь скорая смерть «спасла» его от атимии, лишения гражданских прав. Впрочем, мы не стали бы настаивать на этом тезисе, поскольку, строго говоря, неизвестно с достоверностью, имел ли закон ретроактивную силу.

Как бы то ни было, в результате принятия закона, о котором идет речь, гражданский коллектив Афин как бы замкнулся, превратился в привилегированное сословие «избранных», пользующихся всеми благами демократии. И в данном отношении Перикла, кстати, нельзя назвать наследником традиций Солона и Клисфена. Эти два выдающихся реформатора, напротив, активно способствовали принятию новых граждан в афинский полис. Наверняка они считали, что периодический приток «свежей крови» не повредит никакому государственному организму. Перикл, судя по всему, был иного мнения, но главное и самое интересное даже не в этом, а в том, что народное собрание с энтузиазмом приняло закон. Перед нами один из парадоксов афинской демократии (а с парадоксами подобного рода нам не раз еще придется сталкиваться): демос, гордый свободой и равенством, которых он добился, отнюдь не желал делиться этими достижениями с какими бы то ни было «чужаками».

Закон Перикла, ужесточивший критерии гражданского статуса, не может, конечно, считаться импонирующим, но нельзя отказать ему в известной логичности. Демократический полис, постепенно конституируясь, все более четко отграничивал себя от «внешнего мира», в том числе и в самой Аттике. В целом реформы Эфиальта и Перикла привели к тому, что к середине V в. до н. э. афинская демократия приобрела свой классический, законченный облик. Демос реально взял власть в свои руки, постепенно, но неуклонно избавляясь от «опеки» аристократов. Наступил знаменитый «Периклов век», время высшего внутреннего и внешнего расцвета Афин.

Значение закона Перикла о гражданстве не следует недооценивать также и в том смысле, что он практически исключил возможность для аристократов поддерживать путем матримониальной политики связи со знатью других греческих и негреческих государств, что в эпоху архаики (да еще и в первые десятилетия V в.), как отмечалось выше, было важным рычагом ее престижа и влияния. Достаточно вспомнить приведенный чуть

выше пример с Кимоном. Во всяком случае, на брачных контактах аристократии за пределами родного полиса отныне приходилось поставить жирный крест.

Закон о гражданстве, во-первых, постулировал (пусть лишь формально) абсолютно равный с точки зрения происхождения статус всех полноправных афинских граждан. Во-вторых, этот закон не позволял аристократам открыто прокламировать свои генеалогические традиции, более того, заставлял их в определенной степени скрывать свои родословные: ведь практически в каждой из таких евпатридских родословных было более чем достаточно неафинских элементов, что отныне становилось нежелательным. Представляется неслучайным, что инициатором закона был именно Перикл – политик, который как раз отнюдь не был заинтересован в афишировании своих генеалогических связей, особенно со стороны матери. Дело в том, что по нескольким женским линиям он принадлежал к роду Алкмеонидов, который к этому времени имел в афинском общественном мнении достаточно негативную репутацию, считался религиозно осквернённым и к тому же подозревался в персидской измене. Кроме того, по женской линии Перикл еще и находился в родстве со свергнутыми тиранами Писистратидами, причем родство это было одновременно весьма отдаленным (и Алкмеониды, и Писистратиды возводили свое происхождение к пилосской царской династии Нелеидов) и довольно близким (мать Перикла Агариста была правнучкой Писистрата, см. Bicknell, 1974). Внешнее сходство Перикла с Писистратом эксплуатировалось политическими противниками афинского «олимпийца» (Плутарх, Перикл. 7), и последний, естественно, стремился нейтрализовать последствия столь опасного родства, во всяком случае, отнюдь не был склонен афишировать его.

Противостояние Перикла и Кимона, насколько нам представляется, тоже сыграло определенную роль в принятии закона о гражданстве. Отношения между Алкмеонидами и Филаидами всегда оставались крайне сложными. Вражда этих двух могущественных родов красной нитью проходит через всю афинскую историю позднеархаической и раннеклассической эпох. Еще в 571 г. до н. э. Алкмеонид Мегакл и Филаид Гиппоклид боролись за руку Агаристы, дочери сикионского тирана. В конце VI в. до н. э. главным противником «отца афинской демократии» Алкмеонида Клисфена выступал Исагор, которого с наибольшим основанием следует причислять к Филаидам (Bicknell, 1972, p. 84–88). Чуть позже, в начале V в. до н. э., на первом этапе греко-персидских войн, протагонистами внутриполитической борьбы в Афинах были Филаид Мильтиад Младший (марафонский

победитель) и возглавлявший в то время группировку Алкмеонидов Ксантипп, отец Перикла. В ходе этой борьбы Ксантипп, как уже отмечалось, добился осуждения Мильтиада афинским народным собранием. Соперничество отцов «перешло по наследству» к сыновьям; правда, в течение своей жизни Кимон и Перикл не раз заключали временные альянсы для достижения конкретных политических целей, но в общем отношения их были скорее недоброжелательными. Смерть Кимона также не привела к концу противостояния: роль основного конкурента Перикла перенял породнившийся с Филаидами Фукидид, сын Мелесия, в 444 г. до н. э. изгнанный из Афин остракизмом. Немало неприятностей претерпел от Перикла и сын Кимона Лакедемоний, пытавшийся делать военную карьеру. Последним известным нам актом противостояния Алкмеонидов и Филаидов можно считать имевшее место в 415 г. до н. э. выступление Фессала, другого сына Кимона, в суде в качестве обвинителя Алкивиада, происходившего из Алкмеонидов по матери.

Афинских kaloi kagathoi с середины V в. до н. э. не могла не беспокоить утрата ими своих политических позиций. Очевидно, с этим обстоятельством следует связать возникновение как раз в начале 440-х гг. до н. э. некоего подобия организованной аристократической оппозиции Периклу во главе с Фукидидом, сыном Мелесия (Плутарх, Перикл. 11). Впрочем, эта оппозиция оказалась крайне недолговечной. Насколько можно судить, всякие следы ее исчезают после изгнания Фукидида остракизмом (444 г. до н. э.). Дело здесь не только и даже не столько в уходе с политической арены на десять лет талантливого лидера, сколько в другом. Именно в последовавшие за этим годы блеск и процветание демократических Афин достигли апогея (во многом за счет эксплуатации «союзников» по Архэ). Аристократия получала от этого процветания не меньшие выгоды, нежели демос, что заставляло ее временно примириться с издержками демократизации полиса и с общей политикой Перикла. Когда Э. Бадиан говорит, что вплоть до Сицилийской экспедиции в Афинах вообще не было «олигархов» (Badian, 1995, S. 81), то в этом, бесспорно, есть доля преувеличения, но для определенного хронологического отрезка (середина 440-х – конец 430-х гг. до н. э.) он прав.

Как можно заметить, только что названный хронологический отрезок – это не что иное, как «Периклов век» (в узком смысле слова), годы, когда Перикл фактически находился в Афинах у власти. Само это многолетнее правление «первого гражданина» тоже сыграло свою роль в вытеснении аристократов из политической жизни. Второй период деятельности Перикла

(после остракизма Фукидида, сына Мелесия) можно охарактеризовать как время нарастания рационализма в афинском обществе. Опора на личные отношения уступала место безличным соображениям законности и государственного интереса. Пример самого лидера, демонстративно порывающего с семейными, родовыми связями, становился парадигматичным для властных структур полиса. В результате «Периклов век» ознаменовался значительным ослаблением принципа родства в политике, а тем самым – и ослаблением аристократии.

* * *

Перикл, безусловно, заслуживает того, чтобы достаточно подробно остановиться на его личности и деятельности в контексте данного спецкурса. Ведь парадоксальным выглядит уже то обстоятельство, что он, являясь знатнейшим аристократом, подорвал значение аристократии. Как и почему это произошло? Разумеется, вполне однозначный ответ на этот вопрос вряд ли может быть дан. Нижеследующее представляет собой гипотезу, неоднократно уже излагавшуюся нами ранее (Суриков, 1997; Суриков, 2000).

Будущий лидер афинской демократии, родившийся, вероятнее всего, в 494 г. до н. э., принадлежал по происхождению к самой верхушке афинской аристократической элиты. По прямой мужской линии он происходил из рода Бузигов – древнего и почтенного, но не слишком влиятельного в политической жизни. Однако Бузигом Перикл был в известной степени формально. В его жилах текло значительно больше крови Алкмеонидов – судя по всему, три четверти. Действительно, уже отец Перикла Ксантипп – видный политический деятель и полководец первого этапа греко-персидских войн, с которым мы уже неоднократно встречались, – являлся Бузигом только по линии своего отца (Арифрона), а по матери – Алкмеонидом; более того, именно он на момент рождения Перикла возглавлял политическую группировку, концентрировавшуюся вокруг Алкмеонидов. В дальнейшем «алкмеонидовская» составляющая в родословной Перикла продолжала нарастать: Ксантипп женился на Агаристе – представительнице того же рода, слывшего «проклятым» за давнее Килоново дело, о котором ему периодически напоминали враги. В этом браке и родился Перикл.

Детские годы Перикла проходили в тревожной обстановке, уже описывавшейся нами выше. Это были 480-е гг. до н. э., которые с внешнеполитической стороны характеризовались

нарастанием персидской угрозы, а с внутриполитической – острейшей борьбой группировок и серией остракофорий. Остракофории, инициированные Фемистоклом, были направлены в первую очередь против Алкмеонидов и близких к ним лиц. Уходили в изгнание, покидая полис, родственники будущего «первого гражданина». Так, в 486 г. до н. э. жертвой остракизма стал его дядя, брат Агаристы – Мегакл, сын Гиппократа. В 484 г. та же участь постигла и Ксантиппа – отца Перикла. Не приходится сомневаться, что все эти события оставили тяжелый след в душе мальчика. И впоследствии, став уже взрослым и влиятельным гражданином, он, как сообщает Плутарх (Перикл. 7), «боялся остракизма».

Со временем ситуация для Алкмеонидов изменилась к лучшему. В 480 г. до н. э. изгнанники досрочно возвратились на родину. Примерно тогда же была создана «антифемистокловская» коалиция аристократических родов – Филаидов, Алкмеонидов и Кериков, вскоре получившая преобладающее влияние в Афинах. Ведущую роль в этом альянсе и во всем полисе долгое время играл Кимон – личность яркая, неординарная, а Перикл все эти годы вынужденно оставался на «вторых ролях» и даже, судя по всему, входил в «группу поддержки» Кимона. Хотя вряд ли эта поддержка была искренней: и Кимон, и Перикл не могли не помнить, что еще их отцы – Мильтиад и Ксантипп – находились в непримиримой вражде.

Но другого выбора у Перикла пока не было. Во-первых, он был еще очень молод и не мог действовать самостоятельно. Во-вторых, сказывались и другие негативные факторы, прежде всего происхождение Перикла из Алкмеонидов. Столько «грязи», столько компрометирующего материала было в предшествующие годы выплеснуто на этот род, что это просто не могло пройти бесследно, не ударив по его репутации. Перикл и рад был бы избавиться от «бремени Алкмеонидов», которое, пожалуй, больше препятствовало, чем помогало успешной политической карьере. Однако оторваться от рода он не мог: в первой половине V в. до н. э., поскольку сохранялись в значительной мере традиции, шедшие еще от аристократической эпохи, достичь высот в полисе, добиться положения в рядах властной элиты можно было только с опорой на родственников – семью и связанное кровными узами ближайшее окружение, выступавшее основой, ядром группировки любого лидера. Политические альянсы, как мы уже неоднократно имели возможность видеть, создавались по родственному признаку, посредством матримониальных комбинаций. Периклу такого рода ситуация была, конечно, не по душе. Пока, на заре своей карьеры, он, конечно, при всем желании ничего не мог в

ней изменить; но впоследствии, достигнув значительного влияния, можно было попытаться и внести серьезные коррективы в существующие нормы общественной жизни. Как увидим ниже, на вершине своего могущества Перикл именно нечто подобное и предпринял. Но случилось это значительно позже, а пока вернемся к молодым годам интересующего нас политика.

Существовало для Перикла одно обстоятельство, отягчавшее достижение ведущего положения в государстве: как сообщает Плутарх (Перикл. 7), «собою он казался похожим на тирана Писистрата; его приятный голос, легкость и быстрота языка в разговоре этим сходством наводили страх на очень старых людей». Кстати, сходство с Писистратом было не случайным совпадением. В результате политических браков еще в VI в. до н. э. многие афинские аристократические семьи неоднократно породнились друг с другом, так что их родословные в значительной степени переплелись. И Перикл по одной из многочисленных женских линий действительно являлся праправнуком знаменитого афинского тирана. В период, когда тирания Писистратидов была уже свергнута и к ней формировалось все более отрицательное отношение, вплоть до полного неприятия, когда происходило складывание основ демократии и шла ожесточенная борьба с Персией, в которой обосновались последние отпрыски династии тиранов, – такое родство, безусловно, не могло не казаться согражданам подозрительным.

Тем не менее, несмотря на все это, Перикл все-таки был самим своим происхождением, можно сказать, почти обречен на активную государственную деятельность. Знатный аристократ, сын одного из лидеров полиса, имевший в числе родственников и свойственников немало видных политиков, – он без колебаний и сам пошел по той же стезе. Способствовал его продвижению некоторый дефицит ярких личностей, имевший место в Афинах в 460-х гг. до н. э. Плутарх справедливо пишет (Перикл. 7): «Аристид умер, Фемистокл был в изгнании, а Кимона походы удерживали по большей части вне Эллады». К этому можно было бы еще добавить: умер (или, скорее, погиб) и Ксантипп, отец Перикла. Это случилось около 473–472 гг. до н. э., и группировка Алкмеонидов осталась вообще практически без ярких вождей. Перикл, несмотря на свою молодость, был единственным, кто мог играть роль такого вождя. И он принял ее на себя, действуя пока исподволь, пользуясь, скажем, временным отсутствием Кимона, действительно ежегодно надолго убывавшего в поход. Прямого, «лобового» столкновения с Кимоном Перикл, конечно, в то время еще не выдержал бы: несоизмерим был их политический вес.

Кстати, не тогда ли выработалась одна из наиболее важных впоследствии черт всей политики Перикла (как внутренней, так и внешней): переиграть врага тактически, выжиданием и осторожностью, по возможности не рисковать, не ввязываться в открытый бой, а если уж делать это, то только тогда, когда решающий перевес достигнут и победа обеспечена?

Если в годы преобладания Кимона темпы демократизации афинского полиса значительно замедлились, а то и приостановились, то Перикл, подобно Фемистоклу, позиционировал себя, несмотря на весьма знатное происхождение, как политик демократической ориентации. Это неизбежно сталкивало Кимона и Перикла друг с другом. А может быть, ход событий следует представлять несколько иным образом: Перикл, превращаясь из неискреннего сторонника Кимона в его главного противника, становясь самостоятельным лидером, должен был заявить какую-то политическую позицию, чтобы на ее почве привлечь к себе как можно больше приверженцев. Демократические лозунги в борьбе против «чопорного аристократа» Кимона оказывались в высшей степени подходящими.

Во всяком случае, именно такая картина вырисовывается из сообщений Аристотеля (Афинская полития. 27) и Плутарха (Перикл. 7). Высказывание Плутарха особенно характерно: Перикл «стал на сторону демократии и бедных, а не на сторону богатых и аристократов – вопреки своим природным наклонностям, совершенно не демократическим. По-видимому, он боялся, как бы его не заподозрили в стремлении к тирании, а кроме того, видел, что Кимон стоит на стороне аристократов и чрезвычайно любим ими. Поэтому он и заручился расположением народа, чтобы обеспечить себе безопасность и приобрести силу для борьбы с Кимоном». Конечно, ко всем таким характеристикам нужно относиться cum grano salis. Плутарх, безусловно, мог лишь гипотетически воссоздавать ход мыслей жившего за пятьсот лет до него Перикла. Кроме того, не следует забывать, что для Плутарха знаки позитива и негатива применительно к понятиям «демократия» и «аристократия» расставлялись иначе, чем для нас: «власть лучших» была в его глазах, безусловно, предпочтительней, чем «власть народа». И тем не менее в данном суждении, как представляется, есть значительная доля истины. Это доказывается как историческими параллелями – примерами из карьеры других политиков, решивших создать собственную группировку (Писистрат, Фемистокл), так и общими соображениями о преимущественно личностном и конкретно-ситуативном, а не программном характере политической борьбы

в полисных условиях (Ruschenbusch, 1979). Как бы то ни было, 460-е гг. до н. э. стали уже периодом атак Перикла на Кимона – сначала осторожных, затем все более и более смелых и острых.

Несколько слов об особенностях характера и мировоззрения Перикла. Все, что о нем известно, позволяет характеризовать его как человека ярко выраженного рационального склада мышления. Он был чужд любым суевериям, пренебрегал приметами, стремясь объяснить их логически (см., например, Плутарх, Перикл. 35). Не то чтобы Перикл критически относился к религии как таковой – это было бы просто невозможно в его эпоху, тем более для действующего политика, который занимал высокие государственные посты и постоянно должен был ex officio участвовать в разного рода религиозных обрядах. Нет, Перикл, безусловно, был религиозен, но своего рода просвещенным, «утонченным» типом религиозности, который в рассматриваемую эпоху начал уже приходить в противоречие с традиционными, грубоватыми, но прочными в массах верованиями «отцов и дедов». Рационалистом интересующий нас деятель являлся не только в религиозном, но и в экономическом отношении (Плутарх, Перикл. 16).

Ниже будет сказано и о том, что рационалистом Перикл был также в политической области (это, правда, проявилось в полной мере только тогда, когда он одержал верх над всеми своими конкурентами и встал во главе полиса). В целом можно со всей определенностью утверждать, что он практически в любом отношении существенно опередил свое время (кажется, этот момент еще не акцентировался в должной мере в историографии).

В высшей степени рационалистичным было даже повседневное поведение Перикла. Чрезвычайно ровное, невозмутимое отношение ко всему и всем, нечувствительность к оскорблениям и брани, демонстративное спокойствие и постоянная серьезность, порой утрированная (Перикла почти не видели улыбающимся), – все это производило на сограждан даже впечатление некоторого высокомерия, во всяком случае, отчужденности. Грекам с их южным, экспансивным характером такого рода хладнокровие было просто непонятно.

Лекция 12. «Первый гражданин»

На всем протяжении 460-х гг. до н. э. Перикл выступал уже как один из вождей направленной против Кимона демократической группировки, но пока предпочитал находиться несколько в тени, за спиной Эфиальта. Когда в 463 г. до н. э. против Кимона был организован судебный процесс, Перикл был одним из основных обвинителей испытанного лидера полиса, но на суде проявил странную пассивность, допустив оправдание обвиняемого. А может быть, дело не в том, что Перикл «сжалился» над Кимоном, а в том, что этого последнего, благодаря его огромному авторитету, пока еще просто не удавалось одолеть…

Удалось это, впрочем, уже довольно скоро, весной 461 г. до н. э., когда Кимон был изгнан остракизмом, а Эфиальт при участии Перикла провел реформу Ареопага. Вскоре после этого Эфиальт погиб при невыясненных обстоятельствах. Впоследствии в нарративной традиции фигурировала, наряду с другими, точка зрения, согласно которой устранение Эфиальта было делом рук именно Перикла. Подобного взгляда придерживался, например, историк III в. до н. э. Идоменей Лампсакский, которого цитирует и тут же гневно опровергает Плутарх (Перикл. 10). Нам тоже эта идея представляется крайностью; если бы она соответствовала действительности, пришлось бы признать, что Перикл, из карьерных соображений устраняющий собственных соратников, был не великим человеком, а низким, абсолютно беспринципным политиканом, шедшим к власти не просто «по чужим головам», но и прямо по трупам.

Убийство Эфиальта и по сей день остается делом темным. Ясно одно: вот тут-то и помогло Периклу его умение «не высовываться» до поры до времени, оставаться на заднем плане, действуя посредством скрытых механизмов влияния. До 461 г. до н. э. он был вторым человеком в демократической группировке, а если бы был первым, то именно он, а не Эфиальт, пал бы жертвой убийц. А теперь, когда не было в живых его старшего товарища, Перикл как бы поневоле, самим ходом событий неизбежно выдвигался на роль лидера радикального движения.

В ходе борьбы с Кимоном Перикл начал и на всем протяжении 450-х гг. до н. э. продолжал проведение в жизнь целой серии взаимосвязанных, хорошо продуманных преобразований, знаменовавших собой важный этап в демократизации афинского полиса. Об этих преобразованиях (среди которых – введение мистофории, допуск зевгитов к

архонтату, возрождение института «судей по демам», закон о гражданстве, ужесточавший его критерии, и многое другое) мы достаточно детализированно писали выше. По нашему глубокому убеждению, именно эту серию реформ следует считать одной из главных исторических заслуг Перикла перед Грецией и человечеством, тем фактором, который в широкой перспективе ввел его имя в пантеон самых выдающихся деятелей античности, а в более узкой – обусловил занятие им уникальной позиции «первого гражданина». Если мы не будем этого учитывать, то окажется просто непонятным, как Перикл совершил в своей карьере качественный скачок – от положения «одного из многих» к безусловному лидерству: это случилось именно в 450-е гг. до н. э. Можно сказать, что эти годы хранят в себе ключ к постижению всей личности и деятельности Перикла. А между тем именно этот этап деятельности Перикла меньше, чем следовало бы, привлекает внимание исследователей. Предпочитают писать о том периоде, когда он уже был «афинским олимпийцем», оставляя без достаточного объяснения вопрос о том, как он стал таковым. В своем предельном выражении подобный подход приводит к отрицанию какой-либо связи Перикла с демократическими реформами 450-х гг. (например: Will, 1995, S. 47 ff.), а это представляется нам просто абсурдным.

В 450 г. до н. э. в ходе кипрской кампании скончался Кимон, за несколько лет до того возвратившийся из остракизма, но так и не достигший прежнего безоговорочного влияния в полисе. Его политическую группировку, противостоящую линии Перикла, возглавил теперь свойственник Кимона – Фукидид, сын Мелесия. Выходец из знатного рода, известный атлет-борец, он быстро проявил себя как умелый политик, хороший организатор. Для противодействия возрастающему влиянию Перикла Фукидид принялся за реализацию следующего плана. «Он не дозволил так называемым „прекрасным и хорошим“ (аристократам, kaloi kagathoi. – *И. С.*) рассеиваться и смешиваться с народом, как прежде, когда блеск их значения затмевался толпою; он отделил их, собрал в одно место; их общая сила приобрела значительный вес и склонила чашу весов» (Плутарх, Перикл. 11). Переводя эту цитату с художественного языка Плутарха на строгий язык политико-правовых понятий, получаем, что Фукидид, сын Мелесия, создал мощную аристократическую гетерию, сплоченную едиными организационными принципами и целенаправленно действующую в качестве оппозиции линии Перикла.

Однако, как бы ни был талантлив Фукидид, он, безусловно, уступал «афинскому олимпийцу» и по яркости своей личности, и,

главное, по дальновидности своих действий. Надежда на сиюминутный успех затмила для него более далекие перспективы. А Перикл чутко уловил самое слабое место в позиции своего противника. Эта слабость Фукидида, эта его ошибка, фактически отрезавшая ему путь к конечному успеху, заключалась именно в том, что он демонстративно выступил в качестве простата одной, отдельно взятой социальной группы – аристократии, причем группы слабеющей, уходящей в прошлое. В условиях демократии, которая все более приобретала свои классические формы, такой подход был явно не самым удачным. До Фукидида те политики, которые претендовали на лидирующее положение в полисе, стремились занять позицию общего вождя, выразителя интересов всего гражданского коллектива. Так поступали и Писистрат, и Клисфен, и Фемистокл, и ближайший предшественник Фукидида – Кимон. А сам Фукидид как бы замкнулся теперь в узкой среде своих единомышленников, причем совершенно сознательно. Этим он терял надежду на сколько-нибудь существенное расширение сложившегося круга своих сторонников, своей «клиентелы».

Все это, повторим, немедленно понял Перикл. И начал действовать методами, диаметрально противоположными тем, которые использовал Фукидид, представлявшими собой прямую антитезу им. Фукидид создавал и крепил гетерию – Перикл в этот же самый период принял решение отказаться от услуг гетерии, традиционного политического окружения. Нам представляется, что именно ко времени борьбы с Фукидидом, сыном Мелесия, к 440-м годам до н. э. относится начало того «нового стиля» Перикла в политике, о котором Плутарх (Перикл. 7) рассказывает так: «Перикл переменил и весь свой образ жизни. В городе его видели идущим лишь по одной дороге – на площадь и в Совет. Он отказался от приглашений на обеды и от всех такого рода дружеских, коротких отношений, так что во время своей долгой политической деятельности он не ходил ни к кому из друзей на обед; только когда женился его родственник Евриптолем, он пробыл на пире до возлияния и тотчас потом встал из-за стола (т. е. не остался на симпосий. – *И. С.*)».

Традиционная политика в гетериях в очень значительной мере творилась на симпосиях, в «частном» пространстве, вторгавшемся через посредство этого в публичную, общественную жизнь. Против этих традиций решительно пошел теперь Перикл, четко разграничив в своей деятельности частную и общественную сферу бытия, не позволяя им перемешиваться друг с другом. Он позиционировал себя как «чисто публичную» личность, которая ни при каких условиях не поступится законностью и

государственными интересами ради каких-либо дружеских или родственных связей. В идеале политик такого типа вообще не должен был иметь друзей среди сограждан, чтобы его репутация оставалась вне всяких подозрений и ни у кого не возникло даже мысли о том, что он находится с тем или иным афинянином в «особых» отношениях. И Перикл всячески стремился к этому идеалу. Его друзьями стали метэки – Анаксагор, Протагор, Геродот и др.; со своей законной женой (имя неизвестно), принадлежавшей к роду Алкмеонидов и приходившейся мужу двоюродной сестрой, он как раз в 440-х гг. до н. э. развелся.

В данной ситуации интересы Перикла, насколько можно судить, совпадали с его субъективными пожеланиями. Выше мы отмечали, что тяготевшее над ним бремя происхождения из «осквернённых» Алкмеонидов больше мешало, чем помогало политику. В начале своей деятельности он тем не менее не смог бы порвать с родом и родственниками: ведь такой шаг лишил бы его поддержки и поставил бы крест на всей дальнейшей карьере. Теперь, к 440-м гг. до н. э., положение Перикла весьма существенно укрепилось; он превратился в самостоятельную, так сказать, самодостаточную и очень сильную фигуру на политической арене. Соответственно, можно было уже относительно безболезненно «свернуть» былые связи, отойти от рода.

В результате в общественном мнении Афин не могла не складываться следующая картина: Фукидид как «партийный» политик, защищающий узкие интересы своей группировки, и Перикл как политик «внепартийный», выступающий от лица не какой-либо группы, а всего полиса, всего демоса. Ясно, чья позиция оказывалась прочнее: ведь демос по численности был заведомо больше, чем все аристократы, вместе взятые, а в условиях прямой демократии все определялось именно численностью. Фукидид, сын Мелесия, даже в годы своего наибольшего влияния так и не смог вырасти в полноценного соперника Перикла, не был равен ему по силе и всегда оставался несколько «позади».

Фукидид – человек, судя по всему, старинных, прямых взглядов – порой просто приходил в недоумение от «политических хитростей» Перикла, на которые сам он не был способен. «Однажды спартанский царь Архидам спросил его, кто искуснее в борьбе, он или Перикл. „Когда я в борьбе повалю его, – отвечал Фукидид, – то он говорит, что не упал, чрез это оказывается победителем и убеждает в этом тех, которые это видели“» (Плутарх, Перикл. 8). Более искусный Перикл постоянно переигрывал его, а политические «стычки» между ними

происходили регулярно. При этом, как это и было типично для полисных условий, весьма часто поводом для манифестации внутриполитической борьбы становились разногласия по вопросам внешней политики, таким, как отношения с Персией, отношения со Спартой и отношения с союзниками по Афинской архэ. Эти направления, конечно, не существовали изолированно, сплошь и рядом переплетаясь друг с другом, создавая запутанные клубки противоречий, которые потом умело распутывал Перикл.

В середине 440-х гг. до н. э. внутриполитическое противостояние в Афинах особенно обострилось. Впрочем, строго говоря, действительно серьезных опасений за свое лидерство Перикл мог не испытывать. Создается впечатление, что группировка его противников во главе с Фукидидом, сыном Мелесия, смирилась с положением «вечной оппозиции». Каких-либо новых, нестандартных ходов в политической борьбе «фукидидовцы» придумать не могли и ограничивались тем, что снова и снова повторяли все те же обвинения против Перикла – в том, что он слишком жестко эксплуатирует союзников по Архэ, хотя нужды в этом уже нет ввиду окончания войн как с Персией, так и со Спартой, и в том, что он напрасно тратит государственные средства на грандиозные строительные проекты. Демос, вполне удовлетворенный существующей ситуацией, по большей части просто не воспринимал эти нападки.

В целом борьба велась не на равных: влияние Перикла в 440-е гг. до н. э. было чрезвычайно значительным, а Фукидиду еще нужно было завоевывать авторитет. Впрочем, не исключено, что, если бы события были предоставлены своему естественному ходу, в очередной раз повторилась бы извечная парадигма афинской политики: популярность Перикла рано или поздно пошла бы на спад (он попросту «приелся» бы демосу»), оппозиция в свою очередь усилилась бы, и в конечном счете одна группировка элиты сменила бы у власти другую. Так бывало уже не раз. Каким прочным казалось положение Кимона на протяжении большей части 460-х гг. до н. э.! И все-таки одной политической неудачи (инцидента с отсылкой афинского контингента спартанцами в 462 г. до н. э.) оказалось достаточно, чтобы Кимона постигла полная опала.

Однако на этот раз естественному ходу события не были предоставлены. Перикл вновь проявил себя как выдающийся стратег внутриполитических комбинаций, обладающий искусством прогнозирования и способный предотвратить неблагоприятные для себя варианты. Он сделал самый дальновидный шаг, какой только был возможен при имеющихся обстоятельствах, а именно искусственно форсировал события. По

сообщению Плутарха (Перикл. 14), он вступил в борьбу с Фукидидом, инициировал остракизм, подвергался опасности изгнания сам, но в конечном результате добился удаления из полиса своего противника. Иными словами, Перикл заблаговременно пошел на остракизм, не дожидаясь, пока силы сторон уравняются. Соответственно, реальная опасность, которой он подвергался, была не столь уж и значительной. Исход голосования черепками, пожалуй, можно было предсказать заранее: жертвой остракофории оказался Фукидид.

Именно после только что описанного события в Афинах сложилась ситуация, которую Плутарх (Перикл. 16) характеризует так: «После падения Фукидида и изгнания его остракизмом он (Перикл. – *И. С.*) не менее пятнадцати лет обладал непрерывной, единоличной властью, хотя должность стратега дается на один год. При такой власти он остался неподкупным».

Из этих слов однозначно следует, что Перикл не менее пятнадцати лет подряд непрерывно занимал должность стратега, то есть был избираем на нее ежегодно. Если он и раньше мог считаться лидером государства, то отныне воистину стал лидером «безальтернативным», вообще не имеющим себе соперников. Что, однако, позволяет говорить о «непрерывной и единоличной» власти? Иными словами, каковы были институциональные основы этого лидерства Перикла? Сама по себе должность стратега такой основой быть не могла. Она, конечно, была высокой и, пожалуй, реально самой значимой в афинском демократическом полисе V в. до н. э. Однако стратегов, напомним, было десять, и Перикл являлся лишь одним из них. В коллегии стратегов все члены были равны между собою, никакой специальной магистратуры «первого стратега», руководителя коллегии, не существовало. Да, Перикла избирали на этот пост год за годом, но, отдельно взятый, этот факт еще мало о чем говорит. «Афинский олимпиец» был не единственным гражданином, которому выпадала подобная честь. Ряд его современников (Гагнон, Сократ из Анагирунта, чуть позже – Никий) тоже неоднократно избирались стратегами. В следующем столетии Фокион «затмил» их всех, оставаясь стратегом не пятнадцать лет, как Перикл, а чуть ли не полвека. И тем не менее применительно к Фокиону никто ведь не говорит о «непрерывной и единоличной власти», о безусловном лидерстве в полисе и т. п.

И тем не менее Плутарха здесь никак нельзя упрекнуть в преувеличении, в аберрации, порожденной большой временной дистанцией, отделявшей биографа от своего героя. Фукидид был современником Перикла, а между тем он придерживался точно

такого же мнения. Великий историк пишет об афинской демократии накануне Пелопоннесской войны: «По названию это было правление народа, а на деле власть первого гражданина» (Фукидид, История. II. 65. 9).

Насколько нам представляется, это положение Перикла, это единовластие в условиях демократии имело скорее не институциональные, а харизматические основы. С точки зрения чисто юридической Перикл был одним из многих должностных лиц, избираемых демосом и подотчетных ему. Кстати, к своим ежегодным отчетам он всегда относился в высшей степени ответственно, подолгу и тщательно готовился к ним, чем, кстати, удивлял молодого Алкивиада, заметившего по этому поводу: «А не лучше ли было бы ему подумать о том, как вообще не давать отчетов?» (Плутарх, Алкивиад. 7). «Афинский олимпиец» отнюдь не был каким-то диктатором, управлявшим через голову демоса. Хоть комедиографы нередко упрекают его в монархических, тиранических замашках – здесь имеет место в значительно большей мере преувеличение, характерное для жанра древней аттической комедии, нежели отражение реального положения дел. Напрасно некоторые исследователи воспринимали эти выпады чрезмерно серьезно. Да стать подлинным «монархом» Перикл не смог бы, если бы даже вдруг и захотел.

Все демократические учреждения в «Периклов век» стабильно функционировали и развивались. Никаких чрезвычайных полномочий «первый гражданин» никогда не получал. Его колоссальное влияние, определяющее для всей политики Афин, как внутренней, так и внешней, основывалось практически исключительно на его непререкаемом личном авторитете. По любому сколько-нибудь важному делу Перикл вносил (либо лично, либо через кого-нибудь из своего окружения) проекты псефисм на рассмотрение народного собрания, и демос в этом верховном органе власти принимал перикловские предложения без принципиальных возражений, доверяя своему испытанному лидеру.

Здесь релевантными представляются некоторые ценные наблюдения Плутарха о Перикле: «По большей части он вел за собою народ убеждением и наставлением, так что народ сам хотел того же… В народе, имеющем столь сильную власть, возникают, естественно, всевозможные страсти. Перикл один умел искусно управлять ими, воздействуя на народ главным образом надеждой и страхом, как двумя рулями: то он сдерживал его дерзкую самоуверенность, то при упадке духа ободрял и утешал его… Однако причиной этого была не просто сила слова, но… слава его жизни и доверие к нему: все видели его

бескорыстие и неподкупность» (Плутарх, Перикл. 15).

Возникала парадоксальная ситуация, волновавшая уже Фукидида: эпоха наивысшего расцвета афинской демократии (а кажется, никто не сомневается в том, что эпоха Перикла была именно таковой) стала одновременно эпохой решительного преобладания одного государственного деятеля. Возникает вопрос: а была ли тогда эта демократия истинной? Некоторые исследователи не избегают соблазна охарактеризовать эту политическую систему как «управляемую демократию» (например, Homo, 1954). Не можем согласиться с подобной постановкой вопроса. Ни в каком отношении – ни с точки зрения политических институтов, ни с точки зрения политического менталитета – афинская демократия при Перикле не являлась более «управляемой», чем до него или после него. Собственно, судьба самого «олимпийца», как мы увидим ниже, это прекрасно демонстрирует. Как только сограждане разочаровались в нем, уже ничто – никакое влияние, никакой авторитет – не могло уберечь его от немедленной опалы.

Просто в период расцвета Архэ, когда Афины шли в основном от успеха к успеху, и «виновника» этих успехов с немалым основанием видели в Перикле, его политика, по большому счету, устраивала всех, все слои гражданского населения. Соответственно, сколько-нибудь серьезная оппозиция ему с середины 440-х и вплоть до конца 430-х гг. до н. э. просто не возникала. Этому способствовал и тот факт, что, как мы отмечали выше, Перикл в это время уже позиционировал себя как «всеобщий простат», как выразитель интересов всего полиса, всего гражданского коллектива, а не какой-либо группы внутри него. Он разорвал отношения с Алкмеонидами, не общался с родственниками и прежними друзьями, даже развелся с женой. Его новым окружением стали крупные деятели культуры, в основном неафинского происхождения. Это делало Перикла еще менее уязвимым, еще менее доступным для разного рода компрометирующей пропаганды, для обвинений в политической пристрастности.

Из интеллектуалов, вошедших в «кружок Перикла», ближе всего к «первому гражданину» был, насколько можно судить, философ Анаксагор. И это отнюдь не случайно. Из всех представителей досократовской натурфилософии именно Анаксагор был, пожалуй, в наибольшей степени рационалистом. В его учении эта черта, в целом типичная для ионийской философской школы рубежа эпох архаики и классики (Анаксагор, уроженец малоазийских Клазомен, являлся наследником великой милетской традиции Фалеса, Анаксимандра, Анаксимена), была

доведена до предела. Анаксагор поставил Разум (Нус) на столь высокое место в системе бытия, как, наверное, никто и никогда до него. Ведь в анаксагоровской концепции Разум воистину правит миром, придает ему стройность и законченность, своим «первотолчком» превращает хаотическую смесь «семян» всех вещей в упорядоченный Космос.

Этот рационализм Анаксагора, это подчеркивание огромной роли разума, конечно, не могли не быть симпатичны Периклу. Ведь сам «афинский олимпиец» был рационалистом буквально во всем – в религии, в своих экономических воззрениях, даже в повседневном быту. На таких же позициях стоял он и в политической жизни, в сфере властных отношений. Годы фактического правления Перикла (с 444 г. до н. э.), последний период его деятельности можно с полным основанием охарактеризовать как время нарастания рационализма в афинском обществе. Опора на личные отношения, казалось, уступала место безличным соображениям законности и государственного интереса. Личный пример лидера, демонстративно порывающего с семейными, родовыми связями, должен был стать парадигматичным для властных структур полиса. Отныне все в Афинах должно было делаться по голосу разума, а не под влиянием эмоций.

Макс Вебер, разработавший в начале XX века типологию властных отношений в обществе, выделял три их типа: традиционный, харизматический и рациональный. Первые два, по его мнению, характерны для докапиталистических социумов; третий впервые появляется только в Новое время, с «рождением капитализма». В целом выдающийся немецкий социолог, бесспорно, прав. Однако мы не можем не отметить смелую, хотя, конечно, очень преждевременную попытку внедрить формально-рациональные начала в бытие государства, предпринятую Периклом в V в. до н. э. В такой заостренной, подчеркнутой форме это, кажется, было сделано первый и единственный раз во всей античной истории. И, бесспорно, попытка «афинского олимпийца» была в конечном счете обречена на неудачу – именно потому, что он слишком уж опережал свое время. Его начинания просто не могли быть в сколько-нибудь адекватной мере постигнуты и восприняты согражданами, которые мыслили привычными категориями. Перикл пытался построить политическую жизнь на принципах рационализма – а в глазах прочих афинян оставался прежде всего харизматическим лидером.

Но харизма имеет свойство «иссякать». И к концу 430-х гг. до н. э. положение «первого гражданина» несколько пошатнулось. В

среде свободолюбивого и довольно своевольного демоса нарастало недовольство единоличным характером его власти; «афинский олимпиец», если можно так выразиться, начал понемногу приедаться своим согражданам. К тому же Перикл, естественно, не молодел (ему уже перевалило за шестьдесят), мог в каких-то случаях проявлять усталость и слабость. И каждым его промахом, естественно, не упускали возможности воспользоваться его политические противники. А их становилось все больше. С одной стороны, в 434 г. до н. э. должен был возвратиться из остракизма Фукидид, сын Мелесия. Хотя он тоже был уже очень немолод, тем не менее политический опыт, знатность происхождения, традиционный авторитет – все это опять делало его серьезным соперником для Перикла. С другой стороны, возвысился Клеон – «новый политик», молодой конкурент. Он наносил теперь по «первому гражданину» болезненные удары «слева», как когда-то сам Перикл – Кимону. Но тогда, тридцать лет назад, Перикл выступал в роли радикала и реформатора, а теперь эта роль отошла к Клеону, Перикл же оказывался в незавидной позиции держащегося за власть консерватора. В очередной раз действовала давняя парадигма афинской общественной жизни, «смена политических поколений», дававшаяся всегда крайне болезненно.

Судя по всему, противники Перикла с обоих «флангов» смогли найти между собой общий язык, договориться о создании какой-то коалиции на основе негативного консенсуса, направленной всецело против «олимпийца». О борьбе этой объединенной оппозиции с лидером полиса нам не раз уже приходилось писать (Суриков, 2000, с. 203 слл.; Суриков, 2002, с. 86 слл.), поэтому осветим этот сюжет в самых кратких словах.

Нанести удар по самому Периклу оппозиционеры пока не решались и начали своеобразную психологическую «артподготовку». Был возбужден ряд судебных процессов против лиц из ближайшего окружения Перикла (Raaflaub, 2000); тем самым общественное мнение ненавязчиво подводилось к мысли о том, что раз друзья «первого гражданина» преступны, значит, и сам он не без греха.

Процессы проходили с бóльшим или меньшим успехом. Философ Анаксагор был обвинен в нечестии и приговорен то ли к штрафу и изгнанию, то ли даже к смертной казни, но успел по совету Перикла заблаговременно покинуть город (так или иначе, впоследствии он действительно жил в малоазийском Лампсаке). Скульптора Фидия обвиняли также в нечестии (на щите статуи Афины в Парфеноне он изваял изображения Перикла и свое собственное), а кроме того, в хищении золота при изготовлении

статуи. Фидий при невыясненных обстоятельствах умер в тюрьме. Наконец, в это время даже фактическая супруга Перикла – Аспасия – была отдана под суд по обвинениям в нечестии и в содержании притона. Спутницу своей жизни Перикл все-таки смог отстоять: он «вымолил ей пощаду, очень много слез пролив за нее во время разбирательства дела» (Плутарх, Перикл. 32). «Первый гражданин» в роли представителя обвиняемой стороны – уже этот факт показывал: что-то изменилось в Афинах. Ранее Периклу было куда привычнее атаковать, чем защищаться.

Как бы то не было, становилось предельно ясно, что следующей жертвой может стать сам «олимпиец». Ему грозила опала. Все чаще начинали вспоминать, что он принадлежит к «осквернённому» роду, а спартанцы, со своей стороны, не упускали возможности напомнить об этом афинянам. Так, в ходе одного из посольств в Афины они потребовали «изгнать скверну» – как замечает Фукидид (I. 127. 1–2), «прежде всего для того, чтобы умилостивить богов, но также и потому, что, как им было известно, Перикл, сын Ксантиппа, был причастен к этой скверне… И хотя прямо на изгнание Перикла нельзя было рассчитывать, но все же лакедемоняне надеялись этим подорвать его положение в государстве, так как его несчастное родство могло быть сочтено частично причиной войны».

Совокупность всех этих фактов позволяет со всей серьезностью отнестись к той характеристике, которую Плутарх (Перикл. 32) дает роли Перикла в развязывании афино-спартанского вооруженного конфликта: «Когда же… его популярность пошатнулась, то он, опасаясь суда, раздул медленно тлевшее пламя войны в надежде, что обвинения рассеются и зависть смирится, когда граждане во время великих событий и опасностей вверят отечество ему одному как человеку уважаемому и авторитетному». Иными словами, Перикл решил фактически форсировать начало войны, чтобы заставить народ вновь сплотиться вокруг своего испытанного лидера. Поначалу ему это, безусловно, удалось: в первые годы Пелопоннесской войны «афинский олимпиец» пользовался безусловным, непререкаемым влиянием в афинском полисе, выполнял функции верховного главнокомандующего, определял всю стратегию и тактику ведения военных действий с афинской стороны.

Как известно, Перикл как глава обороны Афин прибегнул к необычной для того времени тактике – эвакуации всего сельского населения Аттики под надежную защиту городских стен. Афиняне как бы добровольно соглашались подвергнуться длительной осаде. С бессильным гневом взирали крестьяне на то, как пелопоннесцы разоряют их земельные наделы. «Первому

гражданину» стоило немалых трудов поддерживать в согражданах спокойствие и выдержку, уберечь их от необдуманных поступков. «Перикл же хотя и видел, что афиняне раздражены создавшимся положением и мрачно настроены, но все же решение свое не выступать против врага считал правильным. Поэтому он не созывал народного собрания или какого-нибудь другого совещания, опасаясь, что афиняне, не взвесив разумно положения дел, в раздражении могут наделать ошибок» (Фукидид, История. II. 22. 1). Не вполне ясно, при помощи каких институциональных механизмов Перикл мог оттягивать созыв заседаний экклесии, которые в норме должны были проводиться достаточно регулярно. Может быть, он ссылался на законы военного времени, и в Афинах действовало что-то вроде «чрезвычайного положения»? Во всяком случае, он явно опирался на свой личный авторитет.

Выжидательная тактика Перикла в первый год войны оправдала себя, принесла свои плоды. Пелопоннесское войско, так и не добившись генерального сражения, с наступлением осени возвратилось на родину, и контингенты участников разошлись по своим городам, «на зимние квартиры»: зимой в античном мире военные действия не велись. Надежды Спарты на «блицкриг» не оправдались; становилось ясно, что война будет действительно затяжной и ни одна из сторон долго не добьется решающего успеха.

В целом афиняне по итогам первой летней кампании могли с уверенностью смотреть в завтрашний день. Отражением этой уверенности, этой гордости за свой полис и существующую в нем демократическую форму правления является, безусловно, в первую очередь знаменитая «Надгробная речь» Перикла, произнесенная зимой 431/430 г. до н. э. на традиционной церемонии торжественного погребения павших воинов. Эта воспроизведенная Фукидидом речь – настоящий панегирик демократии и блистательный памятник демократической политической мысли. При этом справедливо отмечалось, что демократия, как ее описывает Перикл, имеет отчетливый аристократический оттенок (Loraux, 1986, p. 192).

Наступил второй год войны. Все шло по тому же плану, что и в первый. Весной пелопоннесское войско опять вступило в Аттику. Афинские крестьяне вновь были эвакуированы в город, под защиту стен. Однако вот тут-то в самих Афинах и началось страшное бедствие, не предусмотренное Периклом и спутавшее все его казавшиеся столь продуманными и дальновидными планы. Речь идет о знаменитой эпидемии неизвестной заразной болезни, обрушившейся внезапно на «город Паллады». Внезапно,

но вполне закономерно, особенно если смотреть на ситуацию с точки зрения нынешних медицинских и биологических знаний, которыми, конечно, еще не располагали люди «Периклова века». Эвакуация крестьян в город, длительное проживание на его территории значительно большего количества лиц, чем эта территория позволяла, – все это породило значительное перенаселение, скученность, антисанитарные условия.

В подобных условиях вспышке эпидемии в общем-то не приходится поражаться; пожалуй, удивительнее было бы, если бы все обошлось без происшествий. И пусть даже болезнь имела не эндогенное происхождение. По предположению Фукидида (II. 48. 1–2), она началась сперва на территории Персидской державы, в Египте. А в Афины вирус, скорее всего, занесли моряки-торговцы. В пользу этого свидетельствует то, что первые случаи заболевания имели место в Пирее. Однако в условиях превышавшей всякие санитарные нормы переполненности пространства внутри оборонительных стен быстрое и беспрепятственное распространение эпидемии было просто-таки гарантировано. Из этого, конечно, никоим образом не вытекает, что мы должны «задним числом» винить Перикла в крупнейшем стратегическом просчете. Однако отношение к нему сограждан эпидемия, понятно, не улучшила.

На уровне религиозных представлений чума, неизменно ассоциировавшаяся со «скверной», была расценена значительной частью граждан как очередная кара богов за родовое проклятие Алкмеонидов. В сочетании с обвинениями против Перикла как представителя этого рода, со спартанскими требованиями «изгнать скверну», выдвинутыми еще в 432 г. до н. э., наконец, с однозначно антиафинской позицией Дельфийского оракула – все это повело к новой и наиболее серьезной атаке на Перикла, к окончательной утрате им популярности и влияния. «Первый гражданин» и фактический командующий вооруженными силами, стремительно впав в немилость, был досрочно отстранен от должности стратега. Этим дело не ограничилось: против Перикла был возбужден судебный процесс по обвинению в финансовых злоупотреблениях. Формулировка обвинения, насколько можно судить, была выбрана в известной мере произвольно. Она с тем же успехом могла бы звучать и иначе, это принципиально ничего не изменило. Уж очень хотелось озлобленным афинянам покарать лидера, утратившего их доверие, отомстить ему за перенесенные бедствия. Перикл был приговорен к уплате крупного денежного штрафа (Фукидид, История. II. 65. 3; Плутарх, Перикл. 35).

Рушилось все, что «афинский олимпиец» возводил на протяжении своей жизни, шли прахом все его труды. И мы имеем

в виду не только и не столько перипетии его личной карьеры, сколько всю судьбу процветающих демократических Афин. С Периклом уходил «Периклов век»; точнее, получилось даже так, что эпоха начала меняться, уходить в прошлое уже при жизни своего творца. На смену стабильности, уверенности, державной гордости стремительно пришли кризисные явления – в области менталитета даже раньше, чем в сферах собственно политических, социальных или экономических. Перикл сам был рационалистом, даже в годы Пелопоннесской войны, и учил рационализму сограждан – и вот этот рационализм начал рассыпаться, как карточный домик, уступая место совершенно иррациональным эмоциям возбужденной толпы. «Первому гражданину», на глазах которого все это происходило, уже не было места в этом новом, отнюдь не дивном мире.

Вполне закономерно, что в последнюю пору своей жизни Перикл переживал тяжелый душевный кризис. Бремя родового проклятия Алкмеонидов всей своей тяжестью легло на политика, который приложил в течение своей карьеры максимум усилий, чтобы от него избавиться. Мало того что Перикл был измучен преследованиями; присовокупились бедствия в его семье. Умерли два сына Перикла. В результате он по большей части «лежал дома, убитый горем» (Плутарх, Перикл. 36). Правда, карьера его еще не закончилась. В 429 г. до н. э. его снова избрали стратегом. Но это было уже не возвращение к прежнему положению «первого гражданина», а скорее милость демоса, считавшего, что многочисленными страданиями Перикл искупил свою вину. Когда-то «афинский олимпиец» властно направлял волю демоса, а теперь ему приходилось получать от того же демоса унизительные подачки.

Тем временем, как сообщает традиция, Перикл заболел и сам, вероятно, заразившись от кого-нибудь из родственников. «Болезнь у него носила не острый характер, как у других, не сопровождалась сильными приступами, а была тихая, затяжная, с различными колебаниями, медленно изнурявшая тело и постепенно подтачивавшая душевные силы… Перикл показал одному своему другу, навестившему его, ладанку, которую женщины надели ему на шею; он хотел этим сказать, что ему очень плохо, раз уж он согласен терпеть и такую нелепость» (Плутарх, Перикл. 38).

Перед нами – лишний признак предсмертного душевного кризиса великого рационалиста. Кстати, и сама болезнь его выглядит как-то необычно; как видим, у него совершенно не наблюдалось симптомов, от которых страдали остальные афиняне, погибавшие от «чумы». Не можем отделаться от

впечатления, что Перикл вообще не стал жертвой эпидемии. Он, так сказать, тихо угас, умер в буквальном смысле слова от горя – от целой серии тяжелейших стрессов, совершенно подорвавших немолодой уже организм. Античная медицинская теория таких интерпретаций, естественно, не предусматривала, поскольку категория стресса ей еще не была известна.

Перикл умер, по указанию Фукидида (II. 54. 6), через два с половиной года после начала Пелопоннесской войны, то есть осенью 429 г. до н. э. Плутарх (Перикл. 38) сохранил для нас предсмертные слова этого выдающегося политика, которые нам представляется уместным привести: «Когда Перикл был уже при смерти, вокруг него сидели лучшие граждане и остававшиеся в живых друзья его. Они рассуждали о его высоких качествах и политическом могуществе, перечисляли его подвиги и количество трофеев: он воздвиг девять трофеев в память побед, одержанных под его предводительством во славу отечества. Так говорили они между собою, думая, что он уже потерял сознание и не понимает их. Но Перикл внимательно все это слушал и, прервавши их разговор, сказал, что удивляется, как они прославляют и вспоминают такие его заслуги, в которых равная доля принадлежит и счастью и которые бывали уже у многих полководцев, а о самой славной и важной заслуге не говорят: „Ни один афинский гражданин, – прибавил он, – из-за меня не надел черного плаща“», то есть не облекся в траур.

Итак, вот в чем «первый гражданин», подводя итог всему прожитому и сделанному, видел свою главную заслугу. Но прав ли он был? Позволим себе усомниться в этом. Скорее Перикл выдавал желаемое за действительное. Ведь, умирая, он не мог не знать, что в городе горят сотни погребальных костров, что множество людей оплакивает своих родных и близких, унесенных эпидемией. И винят эти люди в своих бедствиях не кого иного, как его, Перикла, причем нельзя сказать, чтобы безосновательно.

Предсмертные раздумья Перикла, надо думать, омрачались еще и тем, что он не видел среди афинских государственных деятелей никого, кто бы мог стать его достойным преемником. И действительно, после его смерти политическая жизнь в «городе Паллады» как бы «измельчала». Перикл, бесспорно, был человеком отнюдь не без недостатков. И все же его выдающаяся личность накладывала на все, что совершали Афины под его руководством, некий отпечаток благородства и величия. Преемники Перикла (ни один из них) не пользовались столь же большим авторитетом, как он. Не блистало большинство этих людей ни талантами, ни подлинно государственным мышлением. Самое главное – они были не в состоянии подняться до

осмысления долговременных, стратегических общеполисных интересов, думая в основном о решении сиюминутных задач, да еще о том, как бы не потерять свою популярность в среде демоса.

«Периклов век», период высшего расцвета греческого полиса и полисной Греции, остался в прошлом. Напрашиваются, конечно, ностальгические нотки. В то же время несомненно, что и сам Перикл внес какой-то вклад в подобное развитие событий. Он в полном смысле слова был переходной фигурой в истории Афин: «последним аристократом» и в то же время «первым демагогом», приложившим немало усилий для слома традиционного аристократического этоса и для торжества нового «ментального космоса», который оказался столь жестоким даже по отношению к своему создателю.

Тема V. Начало конца: дезинтеграция аристократической элиты в конце V–IV вв. до н. э.

Лекция 13. «Новые политики»

Можно с уверенностью сказать, что в IV в. до н. э., в отличие от предшествующих столетий, аристократия уже не играет ключевой роли в Афинах. Правда, справедливо отмечалось, что отдельные представители старой знати продолжали занимать важное место в общественной жизни (MacKendrick, 1969; Arnheim, 1977, p. 156). Но, во-первых, это были скорее исключения, лишь подтверждавшие общее правило. Во-вторых же, что еще более важно, высокое положение этих людей (как, например, оратор Ликург из знатнейшего рода Этеобутадов) обусловливалось уже отнюдь не их аристократическим происхождением, а факторами совсем иного порядка. Древняя аристократия как таковая, конечно, существовала – в этом никто не может сомневаться, – но уже не являлась правящим слоем общества.

Как и когда произошли все эти перемены? Разумеется, постепенно. Выше уже были описаны политические процессы, имевшие место на протяжении V в. до н. э., особенно при Перикле. Эти процессы имели вполне определенную, антиаристократическую направленность и были довершены Пелопоннесской войной, в ходе которой многие представители уже немногочисленной старой знати были физически уничтожены. На смену им пришли homines novi – поколение демагогов, никак не связанных с системой древних родов.

После Перикла, в период Пелопоннесской войны, Афины продолжали оставаться демократическим полисом. Хотя все основы этой политической системы были к последней трети V в. до н. э. уже заложены, демократия все-таки не стояла на месте, продолжала претерпевать определенную эволюцию. Это выражалось, в частности, в том, что отдельные черты ее в военных, кризисных условиях все более выдвигались на второй план.

Именно в годы Пелопоннесской войны в афинском демократическом полисе впервые в полной мере наметились черты охлократии. Власть демоса, народа, возымела тенденцию к перерождению во власть охлоса, толпы. Такая опасность, наверное, всегда в какой-то степени коренилась в античной прямой демократии. Но в годы мирного развития опасность оставалась в большей степени теоретической, не становилась актуальной угрозой. Совсем другое дело – военное время: мирно дремавшие негативные потенции пробудились и стали все активнее давать о себе знать.

Сыграло большую роль и то обстоятельство, что в афинской

политической жизни с 429 г. до н. э. больше не было фактора «первого гражданина», фактора Перикла. Точной и меткой представляется характеристика, данная Фукидидом: «Из преемников Перикла ни один не выдавался как государственный деятель среди других, но каждый стремился к первенству и поэтому был готов, потакая народу, пожертвовать даже государственными интересами. Отсюда проистекали многие ошибки (что и естественно в столь большом и могущественном городе)… Они… занимались мелкими дрязгами в борьбе за руководство народом и первенство в городе и не только вяло вели войну, но привели в расстройство своими распрями государственные дела» (Фукидид, История. II. 65. 10–11).

Следует сказать, что Фукидид, судя по всему, несколько преувеличил различие между Периклом и сменившими его политиками: между ними имелись и определенные черты сходства. Тем не менее можно безоговорочно утверждать, что на рассматриваемый период в Афинах падает кардинальная смена типа политической элиты. Имело место несколько взаимосвязанных процессов. Один из них – поступательное исчезновение с арены общественной жизни представителей старинной аристократии, так называемых kaloi kagathoi, их отход от ведущей роли в политике. Этот факт был уже отмечен чуть выше, а теперь, очевидно, нужно чуть подробнее остановиться на его причинах, как мы их понимаем.

Знатнейшие аристократические роды долгое время, на протяжении веков, находились у «кормила» государства. Такая ситуация сохранялась даже и после реформ Клисфена. На первом этапе развития афинской демократии аристократы действовали, разумеется, уже под контролем демоса, но тем не менее продолжали из года в год по традиции занимать важнейшие посты в полисе. Сам демос еще не мог дать Афинам лидеров, воспитав их из своей среды.

Ситуация изменилась при Перикле. Он – хотя и сам по происхождению знатнейший аристократ, но порвавший со своим родственным окружением – своими многочисленными реформами 450-х гг. до н. э. довел развитие политической системы афинской демократии, по сути, до логического предела; далее оставалось уже только совершенствовать заложенные им фундаментальные начала. Эта система предполагала, что демос сам распоряжается своей судьбой, без какой-либо оглядки на «лучших». Места для знати в ней уже попросту не оставалось. Юридически между евпатридом из самой «благородной» семьи и каким-нибудь поденщиком-фетом не было теперь никакой разницы: оба являлись полноправными афинскими гражданами.

Фетам, правда, было еще официально запрещено занимать некоторые полисные должности, например, архонтские. Однако на практике этот запрет элементарно обходился. Когда кандидатам на жеребьевку задавали вопрос, членом какого имущественного класса они являются, феты просто давали ложные сведения о своей принадлежности (Аристотель, Афинская полития. 7. 4), и на это смотрели сквозь пальцы. В подобной ситуации если аристократия в течение какого-то времени еще продолжала пользоваться бóльшим авторитетом, то только в силу традиции, а традиции в интенсивно демократизирующемся полисе быстро уходили в прошлое.

Впрочем, не только в Перикле все дело. Не оставляет впечатление, что ближе к концу V в. до н. э. Афины попросту «оскудели» знатью. Насколько нам известно, характерной чертой аристократии самых различных эпох и цивилизаций является постепенное вырождение. Не имея специальной медицинской компетенции, не возьмемся ответственно судить о причинах этого. Но, думается, не последнюю роль здесь сыграла принятая среди наиболее знатных афинских семей система «эксклюзивных» брачных практик. Матримониальные связи эти семьи поддерживали чуть ли не исключительно друг с другом, вероятно, стараясь хотя бы таким образом отгородить себя от рядового демоса. В результате с течением времени все они оказались в родстве друг с другом, и практически каждый внутриаристократический брак оказывался тем самым браком близкородственным, тем более что в Афинах не существовало никаких запретов на браки между двоюродными братом и сестрой, даже между дядей и племянницей. Притоку «свежей крови», правда, способствовали брачные связи с аристократией других полисов. Они были широко распространены, но только до определенного момента, а именно до закона Перикла о гражданстве (451/450 г. до н. э.). Этот закон запретил законные браки с лицами неафинского происхождения.

Побочным эффектом близкородственных браков из поколения в поколение рано или поздно просто не могли не стать черты вырождения. Характерно, что потомки Фемистокла, Аристида, Кимона, да и самого Перикла не блистали ровно никакими достоинствами. Они либо вообще не занимались государственной деятельностью, либо, если и занимались, ничего выдающегося в ней не достигли. И это даже не может не удивить. Например, семья Филаидов на протяжении длительного периода порождала целую череду энергичных, сильных и талантливых личностей. Среди них – Мильтиад Старший, Мильтиад Младший, Кимон, Фукидид, сын Мелесия. А после них все как-то очень

резко закончилось. Один из сыновей Кимона, Лакедемоний, занимал однажды должность стратега, но не более того: он ничем не отличился на этом посту и в целом не входил в число влиятельных лидеров государства. А о его братьях нельзя сказать даже и этого, они были, судя по всему, полными ничтожествами.

Отмеченное нами здесь обстоятельство уже в античности не ускользнуло от внимания наблюдательного Аристотеля: «В родах мужей, как и в произведениях земли, бывает как будто урожай, и иногда, если род хорош, из него в продолжение некоторого времени происходят выдающиеся мужи, но затем они исчезают; прекрасно одаренные роды вырождаются в сумасбродные характеры, как, например, потомки Алкивиада и Дионисия Старшего, а роды солидные – в глупость и вялость, как, например, потомки Кимона, Перикла и Сократа» (Аристотель, Риторика. II. 1390b25 слл.). Метко подметив сам феномен, философ, однако, не предложил ему удовлетворительного объяснения, поскольку в его времена еще не существовало представления о негативных последствиях близкородственных браков.

Не исключаем, что высшая афинская аристократия с проявляющимися симптомами вырождения уже к последней трети V в. до н. э. отличалась слабым здоровьем и поэтому особенно пострадала от эпидемии, обрушившейся на полис в первые годы Пелопоннесской войны. Характерно, что от эпидемии умерли оба законных сына Перикла – молодые еще люди. А вот историк Фукидид – тоже знатный аристократ из боковой ветви Филаидов – переболел, но остался жив, возможно, потому, что в его жилах, кроме греческой, текла фракийская кровь. И уж во всяком случае, сама эта война, несомненно, очень сильно ударила по аристократам. Как известно, на полях сражений всегда в первую очередь гибнут лучшие, война в первую очередь бьет по знати, которой ее кодекс чести запрещает в трудных обстоятельствах думать о «спасении собственной шкуры».

«Уход аристократии» породил явный дефицит политических лидеров. Но, как говорится, свято место пусто не бывает. На лидирующие позиции в афинском государстве тут же выдвинулась большая группа деятелей, которых ныне принято – с легкой руки У. Р. Коннора, давшего им такое определение в своей замечательной книге (Connor, 1971), – называть «новыми политиками». Подчеркнем специально: речь идет действительно о большой, даже очень большой группе, можно сказать, о новом слое элиты, заменившем собой старый. Большинство этих людей оказались «политиками-однодневками»; они достигали высот власти и влияния, но тут же вновь исчезали. Поэтому мы о них

практически ничего не знаем. Взять, например, Лисикла, богатого торговца скотом. Плутарх (Перикл. 24) пишет о нем: «Человек ничтожный сам по себе и низкого происхождения стал первым человеком в Афинах, потому что жил с Аспасией после смерти Перикла». Лисикл (он погиб в первые годы Пелопоннесской войны, будучи стратегом) больше нигде не фигурирует в источниках как видный политический лидер; Фукидид лишь бегло упоминает о нем (III. 19. 2). Однако, судя по всему, он на какой-то краткий период – между Периклом и Клеоном – все-таки действительно выдвинулся на очень влиятельную позицию, коль скоро Плутарх называет его «первым человеком в Афинах»; о том же говорит и сам факт его сожительства с Аспасией.

Другим «новым политикам» – как Клеону, Гиперболу и Клеофонту – удавалось дольше сохранить за собой авторитетное положение. Одним словом, появилось «поколение демагогов», не связанных с системой древних аристократических родов. Впрочем, о соотношении понятий «новые политики» и «демагоги» нам еще придется сказать ниже: оно не столь однозначно, как может показаться на первый взгляд. А пока попытаемся наметить важнейшие характеристики этой группы политических лидеров.

В качестве наиболее заметной из этих характеристик, отличавшей «новых политиков» от государственных деятелей предшествующего времени, античные авторы единодушно называют их связь с миром ремесленного производства, реже – торговли. Источники постоянно подчеркивают именно эту их особенность, делают акцент на том, что, скажем, Клеон был владельцем кожевенной мастерской, Гипербол – владельцем мастерской ламп, Клеофонт – владельцем мастерской музыкальных инструментов…

Клеона афиняне так и называли «кожевником», хотя вряд ли он за всю жизнь выдубил своими руками хоть одну кожу. Этим занимались его работники, а сам он всецело посвятил себя политической карьере. Здесь необходимо подчеркнуть, что «новые политики» выдвинулись как представители не демоса в целом, а верхушки демоса. Не рядовые крестьяне становились новыми вождями полиса, а граждане весьма состоятельные.

Да и их пресловутое «низкое происхождение», не исключаем, сильно преувеличено традицией. «Новые политики» в своем подавляющем большинстве вышли отнюдь не из низов гражданского коллектива. Стоит только вслушаться в имена многих из них: Клеон, сын Клеенета, Клеофонт, сын Клеиппида… Постоянно появляется корень kle-, обозначающий славу и слабо вяжущийся с миром простонародья. Из надписей на остраконах стало известно, что отцом демагога Клеофонта был Клеиппид из

Ахарн – довольно видный политический деятель эпохи Перикла, занимавший, в числе прочего, пост стратега.

Относительно социального происхождения «новых политиков» – если не всех, то, по крайней мере, их части – у нас есть следующая догадка. Недавно нам удалось установить (Суриков, 2005) наличие в афинском полисе V в. до н. э. особого общественного слоя, который мы, опираясь на одно граффито, предложили называть «демотевтами». Это – политическая элита «второго эшелона», действовавшая не на общеполисном уровне, а на уровне аттических демов, особенно сельских. Мы предполагаем, что именно они во второй половине того же столетия выдвинулись на первое место в жизни государства, сменив собой старую городскую знать. Многие из «новых политиков» выдвинулись из семей этих демотевтов, но их политические амбиции значительно возросли по сравнению с предшествующими десятилетиями. Мы считаем, в частности, что и фигура такого крупного деятеля, как Никий, может быть успешно интерпретирована в обозначенном контексте.

Во всяком случае, давно уже замечено (Gomme, 1986), что ближе к концу V в. до н. э. главные действующие лица в общественной жизни афинского полиса все реже происходят из городских демов, все чаще – из сельских. Появляются на политической сцене люди без давних связей в кругу древней аристократии, без значительного опыта государственной деятельности, но стремящиеся приобрести и такие связи, и такой опыт. Несомненно их сильное желание породниться со знатью, дабы вписаться в традиционный аристократический «истеблишмент». Характерно, что подобным «облагораживанием» себя занимались как Клеон, так и Никий – антиподы в политической жизни.

Вернемся к вопросу о том, можно ли ставить знак равенства между понятиями «новые политики» и «демагоги». На наш взгляд – нет. Под демагогами в последней трети V в. до н. э. понимали политических деятелей радикально-демократической ориентации. Прямой увязки с происхождением человека этот термин не содержал. Демагогом вполне могли назвать и Перикла, и Фемистокла, особенно на первых порах, когда слово не имело еще негативной окраски и означало, собственно, «вождь народа».

А среди «новых политиков» далеко не все были радикальными демократами. Встречаются в их числе и противники народовластия, в том числе лидеры олигархического режима Четырехсот (Антифонт, Фриних, Писандр), а также так называемые «умеренные» – лица, которые в целом не отрицали демократической политической системы и работали в ее рамках,

но при этом ни в коей мере не одобряли нарастающих охлократических тенденций. Среди этих последних – прежде всего Никий, а также, например, Ферамен. Для некоторых из «новых политиков» политическая позиция неясна, или они ее просто не имели. Это, как правило, те люди, которые посвятили себя чисто военной карьере, неоднократно занимая посты стратегов, но не вмешиваясь в борьбу группировок в общественной жизни: Лахет, Демосфен, Формион, Конон и др. Судя по всему, именно в годы Пелопоннесской войны впервые наметился данный феномен: появление специалистов-военных, далеких от гражданской политики.

Даже некоторые из «новых политиков», несомненно, принадлежавших к демократическому лагерю, не носили ярлыка демагога. Не применяется этот эпитет, например, по отношению к Фрасибулу. Одним словом, далеко не все политические деятели этой генерации являлись выразителями деструктивных, охлократических тенденций, хотя были среди них, безусловно, и такие.

Послеперикловские годы стали во внутриполитической жизни Афин периодом своеобразного «полицентризма», понемногу преобразующегося в биполярность. Из среды многочисленных политиков постепенно выделились двое, вступившие между собою в соперничество за лидерство, за положение «первого гражданина», «нового Перикла». Одним из этих двоих был Клеон – первый и самый знаменитый из «новых политиков», воплощение этого феномена по преимуществу. В древнегреческой нарративной традиции Клеон выступает как самый ярко выраженный образчик демагога в худшем смысле слова.

«Проклеоновских» взглядов в нарративной традиции мы, кажется, вообще не находим. Это тот редкий случай, когда в оценке исторического деятеля все античные авторы абсолютно солидарны – и при этом их единодушная оценка просто не может быть безоговорочно верной уже потому, что слишком она одностороння. Если Клеон был действительно воплощением всех худших человеческих качеств, как его рисуют, то пришлось бы только удивляться неразумию афинского демоса, который на протяжении ряда лет доверял лицу без каких-либо позитивных черт, позволял ему оставаться одним из лидеров государства. Не будем забывать, в частности, что не кто-нибудь, а именно Клеон успешно завершил операцию при Сфактерии, одну из самых удачных афинских кампаний за весь период Пелопоннесской войны. И это при том, что он в общем-то не был военным человеком, на протяжении большей части своей карьеры

оставаясь чисто «штатским» политиком (насколько это вообще было возможно в полисных условиях).

Если не брать в расчет субъективных антипатий того или иного древнегреческого писателя, всех их шокировал прежде всего стиль политического поведения Клеона, его пресловутая «неистовость». И вот здесь многое подмечено абсолютно верно. Действительно, Клеон – и, вероятно, вполне сознательно – держал себя во всех ситуациях политической жизни совершенно не так, как государственные деятели предыдущих поколений, да и большинство его современников. Выступая с трибуны, внося предложения, ведя полемику с оппонентами, он допускал и даже утрировал элементы буффонады, шутовства. Это особенно бросалось в глаза по контрасту с Периклом, чье политическое поведение – во всяком случае, в зрелые годы «афинского олимпийца», – отличалось демонстративной сдержанностью.

Характерно свидетельство Плутарха (Никий. 8) об отношении сограждан к клеоновской буффонаде: «Афиняне больше смеялись, чем верили, ведь они вообще охотно шутили над его легкомыслием и сумасбродством. Как-то раз, говорят, было созвано народное собрание, и народ долгое время сидел на Пниксе в ожидании Клеона. Наконец тот пришел с венком на голове и предложил перенести собрание на завтра. „Сегодня мне некогда, – сказал он, – я собираюсь потчевать гостей и уже успел принести жертву богам“. С хохотом афиняне встали со своих мест и распустили собрание».

Итак, афинские граждане, вместо того, чтобы дать решительный отпор выходкам Клеона, потешались над этими выходками и тем самым, по сути, поощряли их. Более того, посмеявшись, они затем… дружно голосовали за меры, которые предлагал «кожевник». Очевидно, чем-то он был симпатичен демосу. Наверное, он был просто ближе, понятнее простому народу, чем Аристид, Кимон или Перикл. Те стояли над толпой, пытались поднять ее до своего уровня. А Клеон был, что называется, «своим в доску». Он, напротив, опускался до уровня толпы, говорил на ее языке. Бесспорно, авторитет Клеона у низших слоев гражданского коллектива был вызван еще и тем, что все инициативы этого деятеля были пронизаны откровенным популизмом.

Невозможно усомниться в том, что Клеон, при всей деструктивности его действий, был весьма ярким явлением афинской истории последней трети V в. до н. э. Интересно было бы написать его подробную биографию, но это, к сожалению, не представляется возможным ввиду состояния источниковой базы. Более или менее освещены, да и то фрагментарно, лишь

несколько последних лет его жизни и деятельности. Мы понятия не имеем даже, когда он родился, начал ли свою общественную деятельность человеком молодым или уже не очень. А ведь это тоже немаловажно – знать, выдвинулся ли после Перикла на первый план начинающий, перспективный политик или гражданин зрелых лет, но при «афинском олимпийце» не имевший возможности полноценно проявить себя в полисе.

Впрочем, судя по всему, Клеон все-таки начал свою карьеру еще при жизни Перикла, заняв по отношению к нему, очевидно, положение своеобразного «оппозиционера слева», поборника более радикальной демократии. Возможно, его след читается в известных судебных процессах, развернувшихся в конце 430-х гг. до н. э. против лиц из окружения Перикла. Относительно одного из этих процессов – суда над философом Анаксагором – сказанное вроде бы даже подтверждается источниковым материалом. Диоген Лаэртский (II. 12), ссылаясь на автора II в. до н. э. Сотиона, указывает, что «обвинял его (Анаксагора. – *И. С.*) Клеон и обвинял в нечестии – за то, что он называл солнце глыбой, огненной насквозь». Но, с другой стороны, тут же Диоген приводит и иную точку зрения, восходящую на этот раз к Сатиру – еще одному эллинистическому писателю: «К суду его привлек Фукидид, противник Перикла (т. е. Фукидид, сын Мелесия. – *И. С.*), и не только за нечестие, но и за персидскую измену».

Как объяснить это расхождение – не вполне понятно. Например, Ф. Шахермайр, специально занимавшийся данным вопросом (Schachermeyr, 1968, S. 55–56), считал, что две версии можно примирить, если признать, что имел место недолговременный тактический союз между Фукидидом (только что вернувшимся из изгнания остракизмом) и набиравшим силу Клеоном, союз, заключенный с одной целью – попытаться «свалить» Перикла. Последнего, занимавшего позицию «центриста» в политике, можно было ниспровергнуть только объединенными усилиями обоих «флангов» – консервативных аристократов и радикальных демагогов. В подобной точке зрения есть много гипотетического, но в принципе она может быть принята. Во всяком случае, выступление Клеона против видного философа и ученого, пользовавшегося репутацией «вольнодумца», вполне согласуется с его мировоззрением, как он его излагает (в передаче Фукидида, III. 37. 3–4): «…Необразованность при наличии благонамеренности полезнее умственности, связанной с вольномыслием. Действительно, более простые и немудрящие люди, как правило, гораздо лучшие граждане, чем люди более образованные. Ведь те желают казаться мудрее законов… а государству их умствование обычно приносит вред».

Ну а после смерти «афинского олимпийца» «кожевник» всерьез вознамерился играть «первую скрипку» в общественной жизни полиса. Справедливости ради следует отметить, что во многих отношениях Клеон являлся скорее не «анти-Периклом», а, как ни парадоксально, «Периклом, доведенным до абсурда». У него, по известной пословице, часто было на языке то, что у Перикла оставалось на уме. Или, точнее, он озвучивал те же идеи и лозунги, что и Перикл до него, но только делал это настолько более откровенно и менее дипломатично, что слова его начинали уже звучать одиозно.

Характерный пример. Взаимоотношения между столицей Архэ и союзными городами не только недоброжелатели Афин, например, коринфяне (Фукидид, История. I. 124. 3) определяли как тиранию. В самом афинском полисе те государственные деятели, которые мыслили трезво и смотрели на мир без розовых очков, понимали ситуацию не иначе. Среди этих людей были и Перикл, и Клеон. Но посмотрим, как тот и другой оформляют свои мысли. Перикл (Фукидид, История. II. 63. 2): «Ведь ваше владычество подобно тирании, добиваться которой несправедливо, отказаться же от нее – весьма опасно». Клеон (Фукидид, История. III. 37. 2): «Не забывайте, что ваше владычество над союзниками – это тирания, осуществляемая против воли ваших подданных, которые злоумышляют против вас. Они повинуются вам отнюдь не за то, что вы угождаете им себе во вред. На их дружбу вы не можете рассчитывать: они подчиняются лишь уступая силе». Сказано, в сущности, одно и то же, но насколько более однозначно, резко и жестко это сказано у Клеона!

Главным же отличием Клеона от Перикла (если говорить об отличиях не количественных, а качественных, принципиальных) представляется нам более решительная тактика военных действий. Оборонительная тактика Перикла, принятая им с самого начала Пелопоннесской войны, в какой-то степени оправдала себя: она позволила не дать Спарте сделать войну «блицкригом», закончить ее быстрой победой над Афинами в генеральном сражении. Но это же тактическое решение заводило войну в тупик, оказывалось в конечном счете неэффективным. После смерти Перикла какое-то время действия сторон в основном оставались прежними. Однако со временем как у спартанцев, так и у афинян (особенно у последних) начали проявляться стремление к более активному ведению войны, поиск каких-то принципиально новых, нетривиальных ходов, которые позволили бы переломить ситуацию. В целом представляется вполне очевидным, что именно Клеон (а кто еще?) был

человеком, стоявшим за изменениями, которые постепенно начали происходить в афинской тактике.

* * *

Единоличным лидером полиса, однако, Клеону долгое время не удавалось стать, поскольку у него был достойный соперник – второй протагонист афинской политической жизни тех лет, человек не просто иного, а, если судить по свидетельствам источников, прямо противоположного склада ума, характера, образа действий. Речь идет о Никии.

Нарративная традиция о Никии достаточно обильна. Прежде всего необходимо отметить, что его личность и деятельность весьма подробно освещены в «Истории» Фукидида. Без преувеличения можно сказать, что Никий выступает в качестве одного из главных действующих лиц этого труда, что, разумеется, обусловлено его реально значительной ролью в Пелопоннесской войне. Завершая рассказ о деятельности Никия его гибелью на Сицилии, Фукидид дает ему общую характеристику – одну из самых известных и самых парадоксальных во всей «Истории», неоднократно привлекавшую внимание исследователей и становившуюся предметом дискуссий: «Такие и подобные соображения и были причиной казни Никия, меньше всего из эллинов моего времени заслуживавшего столь несчастной участи, ибо он в своем поведении всегда следовал добрым обычаям» (Фукидид, История. VII. 86. 5).

Парадоксальность данного суждения заключается прежде всего в том, что столь высокая оценка интересующего нас политика и полководца вступает в довольно резкое несоответствие с фактами, которые приводит сам же Фукидид и которые свидетельствуют о далеко не всегда оптимальном образе действий, нередко проявлявшемся у Никия, о его чрезмерной нерешительности, робости, вялости… Поднимался даже вопрос: а что, собственно, дало право Фукидиду и ряду других античных писателей называть его в числе выдающихся афинских государственных деятелей (Карпюк, 1994, с. 38)? Да и нет ли тут иронии со стороны автора истории Пелопоннесской войны?

Однако то же уважение к Никию прослеживается и в более поздних источниках. В частности, в высшей степени характерна оценка Аристотеля (Афинская полития. 28. 5): «Самыми лучшими (beltistoi) из политических деятелей в Афинах после деятелей старого времени, по-видимому, являются Никий, Фукидид (не Фукидид-историк, а Фукидид, сын Мелесия, политический

противник Перикла. – *И. С.*) и Ферамен. При этом относительно Никия и Фукидида все согласно признают, что это были не только „прекрасные и добрые“ (kalus kagathus), но и опытные в государственных делах, отечески относившиеся ко всему государству». Чуть выше в том же трактате сказано (Афинская полития. 28. 3): «После смерти Перикла во главе знатных (epiphanon) стоял Никий – тот самый, который погиб в Сицилии; во главе народа (demu) – Клеон, сын Клеенета…» Кстати, обратим внимание на интереснейшее обстоятельство: Фукидида, сына Мелесия, Никия и Ферамена Аристотель числит в ряду «наилучших» политиков, а их современника Перикла – не числит! Взгляд нашего времени диаметрально противоположен. Но Аристотель (как и Платон) и в целом невысоко ставил Перикла (Will, 2003, S. 250 ff.). Никия он, как видим, оценивает выше.

Процитированный пассаж Аристотеля не должен вводить нас в заблуждение. Если воспринимать его буквально, может показаться, что Никий являлся прямым преемником Фукидида, сына Мелесия, лидером аристократической группировки в Афинах и чуть ли не «главным олигархом». Но в таком суждении не будет верным ни первая часть, ни вторая, ни третья. Между Фукидидом и Никием не прослеживается никакой преемственности; эти два политика, судя по всему, не имели друг к другу ни малейшего отношения. Аристократическое происхождение Никия более чем сомнительно. И уж ни в какой мере нельзя назвать его сторонником олигархии и врагом демоса. Об олигархах в Афинах в это время, пожалуй, говорить вообще не приходится, во всяком случае, о явных олигархах. Такую позицию никто не осмелился бы открыто заявить, и так было вплоть до поражения в Сицилийской экспедиции. Иными словами, когда афинские олигархи вышли на политическую сцену, Никий уже был мертв. И ничто не говорит о том, что, останься он в живых, Никий примкнул бы к ним. Во всяком случае, известно, что родственников Никия олигархический режим «Тридцати тиранов» подверг жестокому преследованию.

Аристотель здесь, по своему обыкновению, упрощает и схематизирует ситуацию, рассматривая политическую жизнь в Афинах V в. до н. э. сквозь призму дихотомии «демократы – олигархи». И мы совершенно не обязаны идти за ним в этом отношении. Если уж попытаться определить политическую позицию Никия – пока в самом общем виде, так сказать, в первом приближении, – то в западной историографии его обычно относят к так называемым «умеренным», и это представляется, в общем, оправданным. Иными словами, противником демократии он ни в коей мере не был, однако не одобрял ее радикализации в

послеперикловское время.

Создается впечатление, что Никий среди афинских политиков в наибольшей мере претендовал быть преемником Перикла. Как ни парадоксально, в действительности таким преемником был в большей мере Клеон, который как раз Периклу себя скорее противопоставлял.

Семья, из которой происходил Никий, не отличалась знатностью и давними политическими традициями. Строго говоря, ни один из его предков никак не зарекомендовал себя в общественной жизни афинского полиса. Его, таким образом, можно, точно так же, как и Клеона, отнести к «новым политикам», чье влияние зиждилось не на традиционном авторитете, а на богатстве (Никий, как известно, был одним из богатейших людей в Афинах).

Лекция 14. Алкивиад – «блистательный анахронизм»

В период Пелопоннесской войны Афины, как и многие государства Греции, находились в атмосфере нарастающей нестабильности, интенсивного идейного брожения, может быть, даже разложения. Наиболее оригинальным, в чем-то даже уникальным порождением этой эпохи был афинский политический деятель и полководец Алкивиад. Вряд ли кто-нибудь станет спорить с тем, что Алкивиад был, пожалуй, самой яркой личностью не только в Афинах, но и во всей Греции конца V в. до н. э.

Алкивиад, сын Клиния, из дема Скамбониды родился около 450 г. до н. э. По своему происхождению он принадлежал к кругу высшей афинской аристократии, был выходцем из семьи с давними и богатыми политическими традициями, в которой из поколения в поколение чередовались имена Алкивиад и Клиний. К сожалению, точное название рода, из которого происходил Алкивиад по отцовской линии, из нарративной традиции с полной уверенностью не восстанавливается. Известно только, что этот род возводил свои истоки к прославленному мифологическому герою Аяксу Саламинскому и его сыну Еврисаку, переселившемуся с Саламина в Афины. Определенную путаницу в вопрос о роде Алкивиада вносят аттические ораторы IV в. до н. э., которым, судя по всему, уже не были исчерпывающе известны конкретные детали его родословной. В результате в современной историографии предлагались различные варианты названия этого рода (Евпатриды, Еврисакиды и др.); уже не столь давно, опираясь на эпиграфические данные, удалось с некоторой долей уверенности установить, что интересующий нас род назывался Саламиниями. Впрочем, пожалуй, наиболее осторожным будет воздержаться от категоричных суждений, тем более что в самом определении сущности афинского рода между различными исследователями нет единства, равно как и в вопросе о том, носили ли все без исключения роды какие-то строго определенные наименования.

Ближайшие предки Алкивиада играли весьма значительную роль в политической жизни Афин. Его прадед, носивший одинаковое с ним имя, был соратником основателя афинской демократии Клисфена. Другой прадед Алкивиада, Клиний, в 480 г. до н. э. отличился в морском сражении с персами при Артемисии. Сын этого последнего Алкивиад (в литературе его

обычно называют Алкивиадом Старшим, чтобы отличать от его знаменитого внука) был подвергнут остракизму – изгнанию из Афин на десять лет, а эта мера применялась лишь к наиболее влиятельным политикам, как правило, аристократического статуса. Наконец, отец Алкивиада Клиний принадлежал к ближайшему окружению Перикла. До нас дошел эпиграфический документ – принятый афинским народным собранием в начале 440-х гг. до н. э. по инициативе Клиния декрет, направленный на упорядочение финансового управления Афинской морской державой (Meiggs-Lewis, No. 46). В 447 г. до н. э. Клиний, участвуя в так называемой Первой (или Малой) Пелопоннесской войне, погиб в битве при Коронее.

Что же касается матери Алкивиада Диномахи, то она происходила из рода Алкмеонидов, едва ли не самого знаменитого и влиятельного в Афинах. Отцом Диномахи был Мегакл, видный аристократический лидер эпохи греко-персидских войн (кстати, тоже в свое время подвергшийся остракизму), а ее матерью – Кесира, дочь Клисфена. Таким образом, она являлась двоюродной сестрой Перикла и родной сестрой его первой жены. Иными словами, жизнь и деятельность Алкивиада в известной степени может рассматриваться как часть богатой событиями истории Алкмеонидов. К тому же наш герой оказывался ближайшим родственником Перикла – «афинского олимпийца», самого влиятельного гражданина в полисе. Алкивиад был родным племянником жены Перикла и двоюродным племянником его самого. Поэтому не случайно, что, когда наш герой трех лет от роду остался без отца, его опекуном стал именно Перикл.

Уже с детства и ранней юности Алкивиад зарекомендовал себя блестяще одаренной личностью. Он отличался необыкновенной красотой; от него как бы исходило какое-то непреодолимое очарование, перед которым не могли устоять даже враги и недоброжелатели молодого афинского аристократа. Алкивиад рос в обстановке всеобщего почитания и восхищения, о нем знали все Афины. «Целая толпа знатных афинян окружала Алкивиада, ходила за ним по пятам, предупреждала все его желания», – пишет Плутарх (Алкивиад. 4). Комедиограф Аристофан уже в своих ранних произведениях, созданных в 420-е гг. до н. э. («Пирующие», «Ахарняне», «Осы»), изображает Алкивиада как яркого представителя афинской «золотой молодежи». Естественно, что в таких условиях будущий герой Пелопоннесской войны вырос человеком до крайности избалованным и даже развращенным. Он вел исключительно экстравагантную жизнь, переполненную пьяными кутежами и

беспорядочными любовными связями.

Вполне справедливо пишет об Алкивиаде римский биограф Корнелий Непот (Алкивиад. 1): «Был он щедрым, блистательным в обиходе и во всем образе жизни, обходительным, обаятельным и умеющим ловко приноровиться к случаю; и он же в свободное время, когда дела не требовали душевного напряжения, оказывался изнеженным, беспутным, сластолюбивым и разнузданным, так что все дивились, как в одном человеке уживаются такие противоречия и такие разные природные свойства». Больше всего бросалось в глаза непомерное честолюбие и тщеславие Алкивиада, его стремление любыми способами выделиться из массы сограждан, «быть не как все». Это проявлялось даже в мелочах. Так, на своем боевом щите он приказал изобразить не родовую эмблему, как было принято, а Эрота с молнией в руке, сам же щит сделать позолоченным. Для завоевания славы и престижа Алкивиад не останавливался ни перед какими денежными тратами, тем более что он был очень богат. Он неоднократно добровольно принимал на себя разного рода литургии – общественные повинности, налагавшиеся на наиболее состоятельных граждан в пользу государства. Алкивиад чрезвычайно активно участвовал в панэллинских спортивных состязаниях, причем в той дисциплине, которая считалась самой почетной, – в колесничных бегах. Тому же престижу служил и весь стиль жизни Алкивиада, необычайно пышный и роскошный.

Еще Эдуард Мейер высказывал предположение, что Перикл прочил Алкивиада в свои политические преемники, поскольку его собственные сыновья Ксантипп и Парал никакими талантами не блистали. Так или не так (каких-либо позитивных аргументов в защиту этой точки зрения вроде бы нет), несомненно, во всяком случае, что отношение самого Алкивиада к своему опекуну осложнялось некоторыми нюансами. Имела место, в частности, ревность молодого аристократа к лидеру афинского полиса; поклонники Алкивиада нашептывали ему, «что стоит ему взяться за государственные дела, как он разом не только затмит всех прочих военачальников и народных любимцев, но и самого Перикла превзойдет могуществом и славою среди греков» (Плутарх, Алкивиад. 6). Да и в целом Перикл и Алкивиад были слишком уж разными людьми; по отношению к ним можно даже в известной мере говорить о конфликте поколений. Алкивиад решительно не желал принимать тех правил политической жизни в демократических Афинах, которым неукоснительно следовал Перикл. Широко известным стало заявление Алкивиада по поводу тщательной подготовки Перикла к отчетам перед народным собранием: «А не лучше ли было бы ему подумать о том, как

вообще не давать отчетов?» (Плутарх, Алкивиад. 7). Ксенофонт (Воспоминания о Сократе. I. 2. 40–46) передает чрезвычайно интересную беседу между Периклом и Алкивиадом, не достигшим еще двадцатилетнего возраста. В ходе этого разговора, предметом которого было определение закона, юноша, пользуясь различными ухищрениями софистической эристики, буквально загоняет «афинского олимпийца» в угол, заставляя того признать, что закон и беззаконие – одно и то же.

Таким образом, Алкивиад уже с молодых лет блестяще владел искусством спора, да и в целом был наделен редким даром красноречия (что имело большое значение в условиях афинской демократии, когда все вопросы государственной жизни решались путем открытого обсуждения и дискуссии). В дополнение к природной одаренности он, естественно, получил прекрасное образование, как и подобало отпрыску знатного рода, готовящемуся к политической деятельности. Юный Алкивиад много общался с подвизавшимися в Афинах софистами, но прежде всего с Сократом.

Характерно, что и впоследствии Алкивиад всегда сохранял теплые и даже восторженные чувства к Сократу. В отличие от другого известного сократовского ученика – своего сверстника Крития, будущего главы «Тридцати тиранов», – он отнюдь не порвал с учителем. При этом следует помнить, что Алкивиада привлекали в учении Сократа прежде всего его элитарные, аристократические и даже антидемократические стороны, в частности, настояние философа на том, что управление государством должно принадлежать не «совершенно невежественным» представителям демоса, а «знающим», «лучшим» людям. Нет надобности говорить, что к этим «лучшим» Алкивиад в первую очередь причислял себя, прекрасно осознавая (и даже, пожалуй, переоценивая) свои многочисленные таланты. Как ни парадоксально, учение Сократа с его проповедью «умеренности» и «самопознания» для Алкивиада оказывалось, наоборот, катализатором властных амбиций. Его огромное властолюбие закономерно влекло за собой подчеркнутую беспринципность, уверенность в том, что для достижения цели подходят любые средства. Подобно «титанам Возрождения» или ницшеанскому «сверхчеловеку», Алкивиад, похоже, искренне считал себя стоящим «по ту сторону добра и зла». Его намерения просто не могли рано или поздно не вступить в острый конфликт с основными принципами афинской демократии, поскольку пределом желаний для Алкивиада могла стать лишь единоличная, тираническая власть в полисе.

Естественно, будучи осторожным, Алкивиад вовсе не

торопился раскрывать демосу свои истинные планы. Напротив, выступив на поприще публичной политики, он стремился заслужить репутацию влиятельного защитника народных интересов, и в большинстве случаев это ему удавалось. Главным инструментом политической борьбы в Афинах второй половины V в. до н. э. были гетерии – объединения нескольких десятков граждан во главе с «харизматическим лидером», чаще всего аристократического происхождения. Главой одной из таких гетерий и стал Алкивиад.

Активная политическая деятельность Алкивиада началась в 420 г. до н. э., когда он впервые стал одним из десяти стратегов и затем избирался на эту должность еще пять лет подряд. Должность стратега давала занимавшему ее гражданину ряд важных прерогатив, в том числе право законодательной инициативы и прямой апелляции к народному собранию. Воспользовавшись этим, Алкивиад уже в первый год своего пребывания в должности круто изменил внешнюю политику Афин в «антиспартанскую» сторону – несомненно, в пику своему антагонисту Никию.

416 г. до н. э. ознаменовался блистательной победой в жизни Алкивиада. На Олимпийских играх 416 г. до н. э. он добился такого триумфа в колесничных бегах, какой ни до того, ни после того не выпадал на долю ни одного из греков. Выставив на состязаниях семь колесниц, Алкивиад занял сразу первое, второе и третье места (Eurip. Epinic. fr. 1 Page). Эта невиданная победа стоила ему, конечно, весьма изрядных трат, но зато после нее он мог с полным основанием считать себя самым знаменитым человеком не только в Афинах, но и во всем греческом мире.

С 415 г. до н. э. следует начать отсчет наиболее бурного, богатого событиями и неоднозначного периода жизни и деятельности Алкивиада. Весной этого года он выступил главным инициатором самого грандиозного и самого авантюрного военного предприятия афинян – морской экспедиции на Сицилию. В народном собрании кипели острые дебаты между Алкивиадом и главным противником его плана – осторожным Никием. В конце концов афинский демос принял решение, неожиданное и не слишком дальновидное, но вполне в своем духе: назначить командующими силами вторжения в ранге стратегов-автократоров Алкивиада и Никия, а также третьего полководца – Ламаха, который, очевидно, должен был играть роль компромиссной фигуры, сглаживать неизбежные противоречия между двумя своими коллегами.

Как мы попытались доказать в другом месте (Суриков, 2000), именно той же самой весной состоялся остракизм (кстати,

последний в афинской истории), в ходе которого опасности десятилетнего изгнания из полиса подвергались как Никий, так и Алкивиад. Однако по итогам голосования оба они остались в Афинах, а изгнанным оказался демагог Гипербол, сам же и предложивший согражданам прибегнуть к этой мере.

Буквально за считанные дни до отплытия флота на Сицилию (середина лета 415 г. до н. э.) в Афинах случился потрясший всех инцидент. Ночью некие злоумышленники кощунственно изуродовали гермы – чтимые изображения бога Гермеса, во множестве стоявшие на городских улицах. «Афиняне, – пишет Фукидид, – приняли повреждение герм весьма близко к сердцу, считая это происшествие зловещим предзнаменованием для исхода экспедиции, и приписывали его заговорщикам, замышлявшим переворот и свержение демократии» (Фукидид, История. VI. 27. 3). Началось следствие; были назначены награды доносчикам. Политические противники Алкивиада заявляли, что совершенное святотатство – дело рук его самого и его гетерии. Более абсурдного обвинения нельзя было придумать: Алкивиаду меньше всего было нужно предпринимать какие бы то ни было действия, которые могли повести к публичному скандалу с религиозным оттенком и в конечном счете к срыву взлелеянного им военного предприятия. Скорее можно считать, что повреждение герм было организовано, наоборот, его недоброжелателями, стремившимися максимально осложнить ему жизнь. Однако афинский демос, находившийся в состоянии крайнего нервного возбуждения, готов был верить любым наветам.

Между тем в числе прочих поступил донос, согласно которому Алкивиад был причастен к другому кощунству: он со своими друзьями пародировал на своих пирушках священнейший религиозный ритуал – Элевсинские мистерии в честь Деметры. Вне сомнения, это обвинение выглядело более основательным, чем первое: выходки подобного рода были вполне в духе Алкивиада, известного своим экстравагантным образом жизни и пренебрегавшего общепринятыми нормами поведения. Однако, если профанация мистерий с его стороны и имела место, вряд ли у нее была какая-то политическая подоплека. Алкивиад требовал немедленного суда, надеясь опровергнуть все обвинения. Однако его враги, понимая, что присутствие в Афинах преданного своему командующему войска может привести к благоприятному для него исходу процесса, убедили народное собрание отложить его проведение: «Пусть плывет в добрый час, а после окончания войны пусть возвратится и держит ответ перед теми же самыми законами» (Плутарх, Алкивиад. 19). С неспокойной душой, с

тяготеющей над ним угрозой осуждения отправился Алкивиад на запад Средиземноморья.

Тем не менее, прибыв к берегам Южной Италии и Сицилии, он уже начал успешные военные действия (хотя постоянные разногласия с Никием давали о себе знать), когда за ним внезапно прибыл из Афин государственный корабль с вызовом на суд: все время его отсутствия следствие по делу о кощунствах продолжалось, и наконец обвинители Алкивиада решили, что «компромата» на него собрано достаточно и что подходящий момент наступил. Резонно полагая, что ничего хорошего в Афинах его не ожидает, Алкивиад предпочел не искушать судьбу и спасся бегством.

Суд над Алкивиадом состоялся in absentia, и результат его нетрудно было предугадать. Обвиняемый был заочно приговорен к смертной казни с конфискацией имущества; кроме того, всем афинским жрецам было поручено предать его проклятию. Как сообщает Плутарх, Алкивиад, узнав о смертном приговоре, воскликнул: «А я докажу им, что я еще жив!» (Плутарх, Алкивиад. 22). К зиме того же года он появился в Спарте и предложил свои услуги спартанским властям.

Лакедемоняне не могли и мечтать о таком подарке судьбы: их советником оказался лучший из вражеских полководцев, прекрасно осведомленный обо всех сильных и слабых сторонах афинской военной организации. Его рекомендации могли оказаться незаменимыми. И действительно, Алкивиад дал спартанскому командованию ряд ценных советов, которые в совокупности представляли собой новый план военных действий. Прежде всего, он настоятельно убеждал их оказать помощь осажденным афинским войском и флотом Сиракузам, по поводу чего Спарта долгое время колебалась. Когда же наконец на подмогу сиракузянам был послан спартанский полководец Гилипп, это в конечном счете и повело к плачевному для афинян итогу их сицилийской экспедиции. Далее, Алкивиад предложил возобновить вооруженный натиск непосредственно на Афины, прекращенный со времени Никиева мира, причем сменить тактику. Если в первое десятилетие Пелопоннесской войны спартанцы ограничивались ежегодными летними вторжениями в Аттику и опустошением сельскохозяйственных угодий, то теперь (в 413 г. до н. э.) они по совету Алкивиада захватили крепость Декелею на севере области и превратили ее в свой постоянный плацдарм на территории противника. Отныне и до конца войны в Декелее круглый год находился спартанский гарнизон, являвшийся источником перманентной опасности для афинян. Укрепление войском Пелопоннесского союза Декелеи стало

очередным тяжелым ударом по афинскому полису.

Оказавшись в Спарте, Алкивиад резко изменил весь свой образ жизни. Казалось, не осталось и следа от прежнего изнеженного щеголя, который еще недавно, командуя флотом, приказывал делать для себя «особые вырезы в палубе на триерах, чтобы спать помягче – в постели, уложенной на ремни, а не брошенной на голые доски» (Плутарх, Алкивиад. 16). Восхищая самих суровых лаконян, афинский беглец с легкостью перенимал все их обычаи – носил простую одежду, купался в холодной воде, ел знаменитую спартанскую черную похлебку. Кстати, и впоследствии, где бы ни оказывался Алкивиад, он тут же, подобно хамелеону, приспосабливался к новым условиям. По словам Плутарха, «в Спарте он не выходил из гимнасия, был непритязателен и угрюм, в Ионии – изнежен, сластолюбив, беспечен, во Фракии беспробудно пьянствовал, в Фессалии не слезал с коня, при дворе сатрапа Тиссаферна в роскоши, спеси и пышности не уступал даже персам» (Плутарх, Алкивиад. 23). Однако под всеми этими личинами скрывался прежний Алкивиад. Воспользовавшись отсутствием спартанского царя Агида, командовавшего гарнизоном в Декелее, он вступил в любовную связь с его женой Тимеей, которая даже родила от Алкивиада сына. Агид, заподозрив неладное, стал с тех пор врагом Алкивиада.

Последний период Пелопоннесской войны (Декелейская, или Ионийская, война) явно начинался под знаком преимущества Спарты. Она приходила к пониманию необходимости для победы создания военно-морских сил, сопоставимых по мощи с афинскими. Но для этого спартанцы не имели ни традиций, ни, самое главное, денежных средств. Проблема финансирования строительства флота была решена путем ряда договоренностей с персидским царем Дарием II и его малоазийскими сатрапами. По условиям этих соглашений персы начали субсидировать спартанцев, которые в ответ обязывались после окончания Пелопоннесской войны возвратить под их владычество греческие города Малой Азии, отвоеванные у Ахеменидов еще в ходе греко-персидских войн. На персидские деньги Спарта построила флот; приобретать же навыки морского дела предстояло при помощи Алкивиада.

В 412 г. до н. э. спартанский флот вышел в Эгеиду и направился к берегам Ионии с целью помощи отпавшим от Афин полисам. Алкивиад находился при флоте (официальный статус его не вполне ясен) и действовал очень удачно; пользуясь своими старыми связями, он переманил на спартанскую сторону целый ряд членов Афинской архэ, в том числе таких влиятельных, как

Хиос и Милет. Однако очередными успехами Алкивиад опять нажил себе завистников, на этот раз в кругу спартанских властей, в конце концов отдавших приказ умертвить его. Узнав об этих происках, он в очередной раз вынужден был спасаться бегством. На этот раз он нашел убежище и покровительство в Сардах, при дворе персидского сатрапа Лидии Тиссаферна. Тиссаферн, насколько о нем известно из античных источников, отличался неприязнью к грекам и греческому образу жизни. Тем не менее афинскому изгнаннику за короткий срок удалось буквально очаровать сурового перса. Тиссаферн следовал большинству советов Алкивиада, называл его своим другом и даже переименовал в его честь лучший из своих садов. Алкивиад же давал сатрапу разного рода стратегические рекомендации. В частности, по его предложению Тиссаферн значительно урезал финансовую помощь спартанцам.

Естественно, узы дружбы с Тиссаферном Алкивиад активнейшим образом использовал при своих тайных переговорах с афинянами, имевших целью его возвращение на родину, о котором он, ставший беглецом не по своей воле, постоянно помышлял. Теперь же для его примирения с согражданами наступил удобный момент. В афинском флоте, стоявшем в это время на острове Самос, возникло движение в пользу Алкивиада. Тот дал знать, что готов вновь перейти на сторону Афин и даже склонить персов к помощи им, но ставил условием этого ликвидацию афинской демократии, вынесшей ему смертный приговор.

В 411 г. до н. э. уполномоченные от флота прибыли в Афины. Там их усилиями демократия была действительно свергнута, но это привело к достаточно неожиданным результатам: на несколько месяцев в городе утвердился жесткий олигархический, симпатизирующий Спарте режим Четырехсот. В планы олигархов отнюдь не входила забота о возвращении Алкивиада, поскольку они не желали продолжать войну; напротив, новые афинские власти тут же начали переговоры о мире с Пелопоннесским союзом. В этих условиях афинский флот на Самосе отказался признать олигархический переворот и подчиняться Четыремстам: военно-морские силы Афин, комплектовавшиеся из беднейших граждан, всегда были главной опорой демократии. Моряки сместили командовавших флотом стратегов, избрали на их место новых из своей среды – граждан, имевших репутацию убежденных сторонников демократии, – и… опять-таки пригласили Алкивиада, поскольку иного выхода из ситуации не предвиделось. Так Алкивиад оказался на Самосе и вновь принял на себя командование афинскими морскими силами. Воины

призывали его немедленно вести флот на Афины, чтобы уничтожить проспартанское правительство. Однако новый командующий не поддался эмоциям и убедил своих подчиненных не отвлекаться от основной задачи – ведения военных действий против спартанского флота. Следует сказать, что Алкивиад, памятуя о тяготеющем над ним смертном приговоре, пока не спешил в родной город, надеясь предварительно зарекомендовать себя новыми военными подвигами. В самих же Афинах режим Четырехсот в том же году рухнул и был заменен более умеренной олигархией («правительство Пяти тысяч»), которая приняла официальное решение возвратить Алкивиада из изгнания. Спустя некоторое время афинская демократия была полностью восстановлена.

С 411 г. до н. э. начинается грандиозный триумф Алкивиада, длившийся без перерывов около четырех лет, серия громких побед над спартанцами, достигнутых прежде всего благодаря его полководческому таланту. В результате этих побед Пелопоннесская война вновь оказалась на грани стратегического перелома; перед Афинами в очередной раз забрезжил луч победы, во всяком случае, перевес оказался на их стороне.

В 407 г. до н. э., в ореоле победителя и, можно сказать, спасителя отечества, бывший изгнанник и беглец решился-таки отправиться в Афины. Тем не менее его гнели некоторые опасения, когда он со всем блеском во главе флота входил в пирейскую гавань. Однако эти опасения оказались безосновательными: весь город, ликуя, вышел встречать героя. Естественно, смертный приговор Алкивиаду был отменен, конфискованное имущество возвращено, наложенные проклятия торжественно сняты. Уже за некоторое время до возвращения Алкивиада афинское народное собрание официально утвердило его в должности стратега. А теперь он в дополнение к этому получил целый ряд наград и в конце концов вопреки всем афинским обычаям был провозглашен стратегом-автократором, единственным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами. Это была высшая точка его карьеры. Оставалось сделать какой-нибудь последний шаг, чтобы объявить себя единоличным правителем государства, то есть захватить тираническую власть; граждане, измученные войной и внутриполитической нестабильностью, могли и не оказать значительного сопротивления. Однако этого последнего шага Алкивиад так и не сделал, в отличие от сиракузского аристократа Дионисия, который буквально два года спустя при очень похожих обстоятельствах стал тираном в своем городе, крупнейшим представителем Младшей тирании. О причинах этого можно

долго спорить. Во всяком случае, ясно, что дело не в личной нерешительности или пассивности Алкивиада. Согласно всем имеющимся о нем сведениям, он был человеком в высшей степени деятельным, отважным, склонным к риску. Скорее можно говорить о том, что в его сознании были еще достаточно сильны элементы полисного менталитета. При всем своем властолюбии и пренебрежении общепринятыми нормами, при всех монархических замашках, он вырос и сформировался как личность в обстановке афинской демократии, в принципе однозначно отвергавшей любые проявления единовластия, и порвать с ее традициями было для него не так-то и просто. Бесспорно, сыграло свою роль и то обстоятельство, что Алкивиад, в отличие от Дионисия, не располагал гвардией наемников, на которую он мог бы опереться при установлении тирании.

Через несколько месяцев после своего возвращения в Афины Алкивиад вновь во главе флота вышел в Эгейское море, намереваясь продолжать возвращение под власть Афин отпавших союзных полисов. Действовал он в целом успешно, но афинский демос чем дальше, тем меньше был удовлетворен своим вождем, ожидая от него каких-то сверхъестественных свершений. «Если бывали люди, которых губила собственная слава, – замечает глубокомысленный Плутарх, – то, пожалуй, яснее всего это видно на примере Алкивиада… Любая неудача вызывала подозрение – ее спешили приписать нерадивости, никто и верить не желал, будто для Алкивиада существует что-либо недосягаемое: да, да, если только он постарается, ему все удается!» (Плутарх, Алкивиад. 35). Алкивиад, однако, при всех своих талантах был только человеком, не свободным от ошибок и просчетов; при этом ему приходилось действовать в условиях крайней финансовой стесненности. В частности, он вынужден был нередко, покидая флот, отправляться по союзным с Афинами городам для добывания денег на жалованье гребцам. Неудивительно, что победы достигались не с той легкостью и быстротой, с какой хотелось бы афинянам.

Как обычно бывает в таких случаях, каплей, переполнившей чашу, стала, в сущности, мелочь. В 406 г. до н. э., отлучившись на время от флота, Алкивиад запретил оставленному им за себя Антиоху вступать в военные действия со спартанцами. Тот нарушил приказ и был разбит новым спартанским навархом Лисандром в сражении при Нотии. Это-то поражение, не столь уж и серьезное, к тому же случившееся без какой бы то ни было вины со стороны Алкивиада, и стало причиной его отстранения от должности стратега. В очередной раз оказавшись в опале, он не вернулся в Афины и ушел в добровольное изгнание. Какой-то

злой рок, казалось, тяготел над нашим героем: вопреки всем своим стараниям он всюду приобретал себе только врагов.

Алкивиад удалился на Херсонес Фракийский и поселился в находившемся там укрепленном поместье, принадлежавшем ему лично. В 405 г. до н. э. ему едва не довелось опять сыграть важную роль в истории Пелопоннесской войны. Это случилось незадолго до роковой для афинян битвы при Эгоспотамах (на побережье Херсонеса Фракийского, неподалеку от резиденции Алкивиада). Прибыв к командовавшим афинским войском стратегам (Тидею, Менандру и др.), он предложил им свою помощь и дал несколько в высшей степени полезных советов, указав, в частности, на то, что место, выбранное ими для стоянки флота, исключительно неудачно и уязвимо. Однако стратеги, опасаясь нового возрастания влияния Алкивиада (а может быть, и подозревая подвох с его стороны), попросту прогнали его и не приняли во внимание ни один из его советов. Несколько дней спустя спартанский наварх Лисандр, хитростью застигнув афинян врасплох, наголову разгромил их. Из двухсот афинских кораблей удалось спастись лишь восьми. Спартанцы захватили около 3000 пленных; все они были казнены по приказанию Лисандра.

Исход афино-спартанского военного столкновения был решен, поскольку на море, как и на суше, теперь безраздельно господствовал Пелопоннесский союз. Афины подверглись полной блокаде и в 404 г. до н. э. капитулировали. Узнав о сдаче родного города и понимая, что оставаться в пределах мира греческих полисов для него становится опасным, Алкивиад не нашел ничего лучшего, как отдаться под покровительство благоволившего к нему персидского сатрапа Фарнабаза. Тот принял его с почетом и поселил в своих владениях.

Тем временем в самих Афинах по требованию Спарты демократия была вновь ликвидирована. У власти почти на год оказалось правительство из тридцати крайних олигархов и лаконофилов («Тридцать тиранов», как очень скоро прозвали их афиняне). Главой режима Тридцати, почти сразу запятнавшего себя террором и репрессиями по отношению к сторонникам демократии, был старый знакомец Алкивиада Критий. Еще не столь давно отношения между этими двумя людьми, сотоварищами по ученичеству у Сократа, были вполне мирными, даже дружелюбными. Именно Критий в 411 г. до н. э. был инициатором принятия постановления о возвращении Алкивиада из его первого изгнания. Однако теперь новый афинский лидер видел в старом лишь самого опасного конкурента. Одним из первых действий «Тридцати тиранов» было лишение Алкивиада гражданских прав, что отнимало у него возможность легального

возвращения на родину. Но и это казалось Критию недостаточным. Он прекрасно сознавал, что, пока Алкивиад жив, он останется центром притяжения для всех демократически настроенных сил. Только на него могли возлагать свои упования бежавшие из города противники олигархии и Спарты.

Критий внушил всесильному спартанскому наварху Лисандру мысль о том, что Алкивиад не должен жить. Того же мнения придерживались и спартанские власти во главе с царем Агидом – давним недоброжелателем Алкивиада. В конце концов Лисандр направил Фарнабазу письмо с просьбой умертвить своего афинского гостя. Вероломный перс, не желая портить отношений с победителями-спартанцами, подослал к Алкивиаду отряд убийц. Так в возрасте около 46 лет оборвалась жизнь человека, который, пожалуй, и сам не смог бы ответить на вопрос, чего он больше принес Афинам и всей Греции – пользы или вреда.

Относительно общей оценки личности и деятельности Алкивиада в историографии существуют крайне противоречивые суждения. В нем видят то «тип эллина классической эпохи со всеми его достоинствами и недостатками» (Babelon, 1935, p. 7), то «гениального вождя в слишком маленьком мире», предтечу эллинистических сверхчеловеков (Taeger, 1943, S. 235–236), то талантливого неудачника, оказавшегося злым гением родины (Hatzfeld, 1940, p. 355), то последователя афинских политиков в традициях Фемистокла и Перикла (Ellis, 1989, p. XIX). На наш взгляд, в каждой из этих точек зрения есть определенная доля истины, но для того, чтобы характеристика героя нашего очерка была наиболее полной, следует акцентировать внимание еще на одном аспекте, обычно упускаемом из виду.

Алкивиад был последним (и даже анахронистическим) аристократическим лидером в духе доперикловского и даже доклисфеновского времени. В кардинально изменившейся обстановке, в условиях демократического полиса он пытался «играть по старым правилам», использовать традиционные механизмы влияния, характерные для афинской знати архаической эпохи, VII–VI вв. до н. э. Так, он стремился добиться власти посредством богатства и его демонстративных трат, через межродовые матримониальные связи, путем громадного увеличения своего престижа (этому служило многое – неоднократно исполнявшиеся им литургии, чрезвычайно активное участие в панэллинских играх, да и весь стиль жизни Алкивиада, пышный до экстравагантности). В традиции архаической аристократии укладывалась и внешнеполитическая, дипломатическая деятельность Алкивиада. Блестящие аристократы времени архаики (Алкмеон, Мегакл, Писистрат,

Мильтиад Старший и др.) во многом основывали свое влияние и внутри полиса, и за его пределами на разветвленной сети внешних (ксенических и матримониальных) контактов. Именно это делал и Алкивиад, хотя он, как и в других областях, превзошел здесь всех своих предшественников масштабами и размахом своих предприятий.

Однако эпоха была уже совсем другой. Нам кажется, что крах всех начинаний Алкивиада (порой действительно гениальных) напрямую связан с тем обстоятельством, что он был своеобразным живым анахронизмом, что он жил как бы в ином историческом времени, нежели вся окружавшая его обстановка. Подчеркнем, что сказанное нами ни в коей мере не опровергает и другого: Алкивиад основными чертами своей личности и деятельности действительно предвосхищал представителей Младшей тирании, а в более отдаленной перспективе – правителей эпохи эллинизма. Прошлое и будущее сошлись в его фигуре, но не было в ней места демократическому настоящему. Алкивиаду следовало бы родиться или на полтора века раньше, или на полтора века позже: классическая Греция места для таких, как он, не предусматривала.

Лекция 15. Политические группировки классической эпохи. Афины IV в. до н. э.: демократия без аристократических лидеров. Общая оценка роли аристократической элиты в афинской истории

В конце V в. до н. э., в последний период Пелопоннесской войны, в Афинах особенно активизировалась деятельность политических группировок особого типа – гетерий. Чтобы понять их специфику, необходимо чуть подробнее остановиться на общем характере афинской политической борьбы.

Для современного состояния изучения этой последней как в зарубежной, так и в отечественной историографии характерно постепенное освобождение от накопившихся ранее схем и стереотипов. Говоря об этих стереотипах, мы в первую очередь имеем в виду пресловутую «двухпартийную схему», представляющую основной, определявший все остальные процесс в политической жизни рассматриваемого периода как постоянное противостояние двух больших, идеологически ориентированных группировок – «партий». Для V в. до н. э. это «демократы» и «олигархи» («аристократы»), для IV в. – «антимакедонская» и «промакедонская» партии, которые обычно тоже увязывали соответственно с демократической и олигархической ориентациями. Данная схема пышным цветом расцвела в историографии XIX века, когда отдельные историки даже в досолоновское время умудрялись находить «реакционную юнкерскую партию» (сторонники Килона) и «либеральную» партию аттических патриотов (Алкмеониды). Та же двухпартийная концепция прилагалась не только к древнегреческой, но и к римской истории, особенно при изложении событий последнего века Республики (дихотомия «оптиматы – популяры»). Можно долго говорить о корнях подобного историографического подхода, о том, какую роль в его появлении сыграла политическая ситуация в развитых государствах Европы XIX в., действительно характеризовавшаяся противоборством консервативных и либерально-реформистских партий.

Мало какая работа, посвященная политической истории Древней Греции, обходилась без упоминания о «партиях». В наши дни так прямолинейно, пожалуй, уже никто давно не пишет. Даже

в отечественной науке, где двухпартийный стереотип держался особенно долго, ныне, конечно, невозможны высказывания типа тех, которые в свое время делал С. Я. Лурье, утверждавший, что уже в середине VI в. до н. э. в Афинах «формируются настоящие большие политические партии» (Лурье, 1929, с. 100). Но полностью ли преодолены устаревшие взгляды? Нет, скорее они перешли в латентную фазу. Не говоря уже о том, что двухпартийная схема по-прежнему тиражируется в учебниках, она и в серьезной исследовательской литературе продолжает – пусть в смягченном виде – свою долгую жизнь. Просто теперь предпочитают говорить не о партиях демократов и олигархов, а о демократической и олигархической тенденциях, о консервативной и радикальной тенденциях, об олигархической оппозиции демократии в Афинах V в. до н. э. и т. п.

Автору этих строк уже приходилось излагать свой взгляд по особенностям политической жизни в афинском полисе классической эпохи, в частности, по вопросу о «партиях» (наиболее подробно: Суриков, 2006, с. 303 слл.). Поэтому здесь ограничимся самым кратким суммированием тезисов, аргументировавшихся нами ранее.

Имели ли политические группировки античной Греции, в частности, классических Афин, какие-либо из признаков партии? Во-первых, о признаках внешнего, организационного характера вообще не может идти речи. Ни у одной афинской группировки, разумеется, не было ни устава, ни фиксированного членства, ни аппарата. Переходим к признакам более существенным. Политические группировки, о которых идет речь, опирались не на какие-либо принципиальные идейные убеждения, а на более личностную (семейную, локальную) основу, на связи и соперничество отдельных элитных групп (в V в. до н. э. – еще аристократических, в IV в. до н. э. – образовывавшихся вокруг «новых политиков») и их окружения. Уже из этого вытекает несравненно более значительная роль личного фактора в классической полисной политике, чем в наши дни. Коль скоро группировка создавалась вокруг того или иного конкретного «харизматического лидера», то с его исчезновением с политической арены по той или иной причине сама группировка прекращала свое существование – либо модифицировалась, порой до неузнаваемости (если появлялся новый лидер, который, впрочем, чаще всего являлся сыном или родственником предыдущего), либо вливалась в состав другой.

Ключевым вопросом политической борьбы было, насколько нам представляется, отнюдь не социально-политическое устройство (аристократия, демократия, олигархия, тирания и

т. п.). Кстати, в V в. до н. э. аристократы, насколько известно из источников, стояли во главе всех группировок, в том числе и тех, которые в современной историографии принято определять как демократические. А строго говоря, такие понятия, как «демократическая группировка», «олигархическая группировка» (даже если не употреблять слова «партия»), на наш взгляд, являются не вполне корректными и модернизирующими ситуацию. Политическая борьба была значительно более конкретно-ситуативной, и основные конфликты происходили не по поводу идеологических абстракций, а в результате несогласия по совершенно определенным, близким и понятным для основной массы граждан вопросам.

Далее, политические группировки в афинском полисе V–IV вв. до н. э. не имели массового характера и функционировали в кругу политической элиты, а не среди широких слоев рядового гражданства. Таким образом, и этому критерию, необходимому для партии, они не могут удовлетворить. Наиболее распространенным типом группировки, который, кстати, как раз в течение V в. до н. э. постепенно получал политическое оформление, была гетерия – объединение нескольких десятков граждан вокруг «харизматического лидера» (гетерии и назывались обычно по имени своего лидера, «гетерия такого-то»). В силу вышесказанного гетерий не могло не быть достаточно много, как много было в Афинах амбициозных, стремящихся к той или иной ступени власти политиков. Ни малейшего сходства с типичной для современности политической системой, базирующейся на нескольких крупных партиях, мы не находим. Очередной аргумент против двухпартийной схемы «демократы – олигархи»! В конкретных ситуациях малые политические группы могли объединяться в коалиции. Но, во-первых, эти коалиции были крайне непрочными и вновь распадались, как только преследуемая ими цель оказывалась достигнутой. Во-вторых, даже и коалиционные объединения не могли похвастаться большим количеством участников. Альянс нескольких группировок в сумме давал несколько сотен граждан, что было явно недостаточно для того, чтобы обеспечить нужный результат в каком бы то ни было голосовании.

Наконец, каковы были главные задачи политических группировок в классических Афинах? Судя по замечанию Фукидида (VIII. 54. 4), говорящего о гетериях конца V в. до н. э., в период мирной политической борьбы главными функциями этих объединений были взаимопомощь на выборах и взаимная защита членов в судебных процессах. Предвыборная борьба стоит на первом месте также и в деятельности любой современной

политической партии. А вот в судебной практике ныне, естественно, никакое партийное вмешательство отнюдь не приветствуется. Отметим еще, что афинские группировки сохраняли еще и некоторые весьма архаичные функции, которые в нашем современном понимании не имеют отношения к политике. Так, сравнительно недавно О. Меррей справедливо сконцентрировал внимание на ранее остававшемся несколько в тени, но тем не менее очень важном аспекте деятельности гетерий – на организации и проведении симпосиев, которые в рассматриваемую эпоху были не только одним из способов аристократического проведения досуга, но и имели еще в значительной степени политическую окраску (Murray, 1990).

В кризисной обстановке гетерии могли прибегать к действиям более радикального характера, прямо влияя на ход событий. Они сыграли, в частности, ведущую роль в период олигархических переворотов Четырехсот (411 г. до н. э.) и Тридцати (404 г. до н. э.). На практике усиление их роли выражалось в следующем. Во-первых, происходила резкая интенсификация их деятельности. Во-вторых, гетерии объединялись, дабы создать весомый политический альянс. Так, в 411 г. до н. э. Писандр «обошел» гетерии, убедив их объединиться (Фукидид, История. VIII. 54. 4); в 404 г. до н. э. объединяющей силой послужила созданная гетериями коллегия эфоров, добившаяся примирения ради «общего дела» даже враждующих между собой группировок (гетерии Крития и гетерии Фидона, см. Лисий. XII. 54–55). В-третьих, осуществлялся переход к «неконституционным» методам, порой – к прямому насилию (ср. Фукидид, История. III. 82. 8). В частности, незадолго до переворота Четырехсот были убиты демагог Андрокл и ряд других лиц (Фукидид, История. VIII. 65). Цель всех этих действий очевидна – прямо взять власть в свои руки.

Однако вышесказанное относится, подчеркнем, именно к периодам жестокого кризиса. Прямые и радикальные действия гетерий имели место на последнем этапе Пелопоннесской войны, в очень тяжелые во внутри– и внешнеполитическом отношениях времена. Весь же предыдущий, достаточно длительный хронологический отрезок был с интересующей нас точки зрения периодом мирной политической жизни, когда группировки держались вполне в рамках закона. К тому же гетерии конца V в. до н. э. были организациями подрывными по самому своему существу, оппозиционными по отношению к существующему государственному устройству, нацеленными на его свержение. Потому-то они и совершали, причем вполне сознательно, действия дестабилизирующего характера, а порой – и прямо

кощунственные (как, например, повреждение герм в 415 г. до н. э.). А на протяжении большей части столетия политические группировки, противостоя друг другу, проявляли при этом большую гражданскую ответственность и все в равной мере были заинтересованы в сохранении стабильности полиса. Борьба протекала порой весьма жестко, конкурирующие политики добивались отдачи друг друга под суд, изгнания из полиса и т. п., но никто из них не совершал антигосударственных шагов. Кимон, претерпевший от сограждан незаслуженную обиду, и не подумал, будучи в остракизме, перейти на сторону Спарты и помогать ей в действиях против своего родного города, как бы он ни симпатизировал лакедемонянам. Для него, равно как для Аристида, Фемистокла, да еще и Перикла, существовали некие неписаные запреты. Последним политиком, действовавшим в этих традициях, был, пожалуй, Никий. Для поколения Алкивиада, Клеофонта, Ферамена, Крития никаких запретов уже не существовало. Несомненно, сыграло в этом свою роль влияние софистических учений. Появилось ощущение, что столь оправдывает любые средства; резко возросла эгоцентрическая составляющая в политической жизни. Именно это имеет в виду Фукидид в своем знаменитом горестном пассаже, посвященном изменению характера политической борьбы в греческих полисах в период Пелопоннесской войны (III. 82–83). Все это было симптомом глубокого кризиса, переходного этапа в истории Афин и греческого мира в целом.

* * *

В 403 г. до н. э., после свержения олигархии Тридцати, афинская демократия была восстановлена и просуществовала еще около 80 лет. При этом наступил новый этап ее эволюции. Олигархические перевороты прозвучали грозным сигналом: с народовластием что-то не в порядке, ситуация выходит из-под контроля. К афинянам пришло понимание, что они во многом сами виноваты в тех невзгодах, которые пережило государство. Ужасов олигархии могло бы и не быть, если бы демос не допустил множества грубых ошибок, не заставил многих граждан временно отвернуться от демократического идеала.

Неудивительно, что афиняне после реставрации демократического устройства учились на собственном горьком опыте, на собственных прежних ошибках. В результате на протяжении большей части IV в. до н. э. (вплоть до поражения в Ламийской войне) внутренняя история Афин отличалась

значительной стабильностью, отсутствием жестоких междоусобных конфликтов, стремлением разрешать возникающие противоречия мирным путем, с помощью компромисса.

Чтобы сделать народовластие более прочным, чтобы по возможности обезопасить его от новых попыток свержения, нужно было попробовать отказаться от тех особенно отрицательных черт, которые в худшие времена демократии превращали ее в охлократию – господство безответственной толпы. Много бед принесло полису засилье демагогов. Совсем покончить с ними вряд ли было возможно – демагоги, судя по всему, являлись неотъемлемым элементом системы прямого народоправства. Но отдавать в их руки все государственные дела, конечно, не стоило. Необходимо было поставить на их пути какие-то надежные заслоны.

По контрасту с часто творившимися беззакониями предшествующей эпохи, когда и демократы, и их противники не очень-то сковывали себя в своих действиях нормами права, теперь в гражданском коллективе сформировалась чрезвычайно важная идея «власти закона». Именно закон, а не демос, – истинный господин полиса, которому все обязаны неукоснительно повиноваться.

Демократия по-прежнему заботилась о том, чтобы народ мог реально находиться у кормила государства, чтобы все граждане на равных принимали участие в политической жизни. Сохранялась система мистофории, которая позволяла беднейшим афинянам занимать выборные должности. Более того, оплата участия в управлении полисом даже расширялась. С начала IV в. до н. э. гражданам впервые стали платить за посещение народного собрания.

Несомненно, здесь можно увидеть не только черту совершенствования государственного устройства, но и проявление кризисной эпохи. В период высшего расцвета Эллады, наверное, никому и в голову бы не пришло, что за исполнение своей первоочередной гражданской обязанности он должен еще и получать деньги. А теперь, очевидно, из-за возрастания аполитичности появились проблемы с посещаемостью, и платой старались привлечь побольше участников.

А кто же были те люди, которые играли теперь ведущую роль в афинской общественной жизни? Среди них мы уже практически не находим представителей издавна известных знатных родов. Времена «аристократической демократии» остались позади. Крайне редко среди политиков IV в. до н. э. можно встретить настоящих аристократов. Да и они тоже, как выясняется, если присмотреться к их деятельности повнимательнее, занимали

влиятельное положение не из-за своего «благородного» происхождения, как бывало раньше, а исключительно в силу личных качеств и способностей.

Перемена произошла в эпоху Пелопоннесской войны. Демос, как мы уже видели, смог вырастить лидеров из собственной среды и больше не нуждался в опеке знати. Появились «новые политики»: вначале они были скорее исключениями, потом их становилось все больше и больше; к середине IV в. до н. э. именно такой тип политического деятеля стал нормой: человек, не блещущий «славой предков», зато, как правило, весьма состоятельный, – выходец из ремесленно-торговой среды, связанный с миром крупных мастерских, меняльных контор, купеческого порта.

Изменился состав полисной элиты – и неизбежно должны были измениться многие формы и приемы политической борьбы, выработанные во времена «аристократической демократии», а теперь уже как-то неуместные. Совершенно вышел из употребления остракизм – а ведь в V в. до н. э. он нередко становился ключевым событием того или иного года. И неудивительно: жертвами голосования черепками становились, как правило, политики-аристократы. Считалось, что подвергнуться остракизму – это даже некая честь. Когда в 415 г. до н. э. такое случилось с незнатным демагогом Гиперболом, афиняне были шокированы. Потому-то после Гипербола никого больше не изгоняли остракизмом: он как бы «осквернил» собой эту процедуру. Теперь в целях политической борьбы чаще стали использоваться судебные процессы в гелиее.

В IV в. до н. э. политический «космос» афинского полиса был, если так можно выразиться, более населенным, чем прежде, но, за редчайшими исключениями, каждая «звезда» в этом «космосе» светила теперь более тускло, нежели в V в. до н. э. Даже славный Демосфен, при всем уважении к нему, безусловно, проиграет, если поставить его на фоне таких титанов, как Фемистокл или Перикл. Что уж говорить об остальных! Они проходят перед нами какой-то однообразной толпой, и разве что путем очень внимательного всматривания можно заметить между ними какие-то различия.

Каждый из ведущих политиков стоял во главе собственной группировки, состоявшей из нескольких десятков, иногда – из нескольких сотен граждан. Группировки эти то создавали между собой коалиции, то вступали друг с другом в непримиримую борьбу. Дробность общественной жизни стала знамением эпохи. Соперничество выплескивалось в острые дебаты лидеров на заседаниях народного собрания и Совета Пятисот, на судебных

процессах, которые политические деятели возбуждали против своих конкурентов.

Общему смягчению политической борьбы в Афинах немало способствовала амнистия после свержения олигархии Тридцати и восстановления демократии в 403 г. до н. э. Гражданам предписывалось законом забыть о недавней борьбе между сторонниками демократии и олигархии, не мстить своим бывшим противникам. Особенно настаивал на неукоснительном соблюдении амнистии видный государственный деятель Архин. Как рассказывает Аристотель (Афинская полития. 40. 2), «когда кто-то из возвратившихся (в город демократов. – *И. С.*) начал искать возмездия за прошлое, он (Архин. – *И. С.*) велел арестовать его и, приведя в Совет, убедил казнить без суда». Как видим, бывает, что и незаконная по форме мера способствует укреплению законности.

Разумеется, добиться истинного, не показного примирения было не так-то просто. Слишком много озлобления накопилось за время смут внутри гражданского коллектива. И теперь это озлобление выплескивалось самыми различными «обходными» путями. Достаточно вспомнить процесс Сократа (399 г. до н. э.), наличие в котором политической подоплеки, кажется, никем не подвергается сомнению. И все-таки, повторим еще раз, в целом внутриполитическая жизнь Афин IV в. до н. э. развертывалась в большей степени под знаком компромисса, чем под знаком стасиса.

Итак, в IV в. до н. э. роль знатных родов в политической жизни Афин в целом снизилась по сравнению с предыдущим столетием; значительно изменился состав политической элиты. Правда, уважение к аристократическим родословным, насколько можно судить, не было утрачено. Характерно, например, что ораторы Исократ (XVI. 25) и Демосфен (XXI. 144), выступая с похвалой Алкивиаду – политику, чья деятельность была, мягко говоря, неоднозначной по своим интенциям и результатам, – в первую очередь подробно останавливаются на его в высшей степени «благородном» происхождении. Вне всякого сомнения, они следуют давно и прочно установившейся традиции энкомия. При этом, однако, конкретные детали генеалогии Алкивиада, очевидно, уже не были исчерпывающе известны авторам IV в., что влекло за собой путаницу. Так, по Исократу, Алкивиад по мужской линии происходил из рода Евпатридов, а по женской – из Алкмеонидов; Демосфен же выводит его по отцу из Алкмеонидов, а по матери – из Кериков и, таким образом, допускает особенно серьезные, даже грубые ошибки. В действительности род Алкивиада по отцу, как установлено в

настоящее время, назывался Саламиниями, а по матери он был Алкмеонидом.

Все это было недобрым симптомом: родовые предания афинских евпатридов в определенном отношении подвергались опасности забвения, что явилось закономерным следствием демократизации полиса, «размывания» аристократии как социальной группы, постепенной утраты ею ведущих позиций в государстве, вытеснения ее представителей из многих сфер общественной жизни. Такие политические деятели, как Ликург, выходец из древнего рода Этеобутадов, становились все более редкими исключениями; тон задавали теперь «новые политики» типа Демосфена или Эсхина, Ификрата или Харидема, за которыми не стояло славных деяний предков. Им не приходилось думать о сохранении и продолжении своей генеалогической традиции за неимением таковой. Впрочем, впоследствии, в эллинистическое и римское время, положение изменилось. Афины пережили своеобразный «аристократический ренессанс», некоторые из наиболее знатных родов (Керики и др.), вновь придя к власти, заставили афинян, да и всех греков вспомнить об их родовых преданиях. Но это могло бы быть темой особого исследования, а мы не будем останавливаться на данной проблеме. Приходится только отметить, что период между Эгоспотамами и Херонеей внес в историю аттической аристократии существенный, но не абсолютный дисконтинуитет.

В IV в. до н. э. в связи с утратой аристократического лидерства и вся политическая борьба приобрела новые черты. Гетерии совершенно скомпрометировали себя неблаговидной ролью в антидемократических переворотах и прекратили свое существование. Фундаментальное исследование группировок, существовавших в Афинах в эпоху Демосфена, было осуществлено Л. П. Маринович (Маринович, 1993, с. 56 слл.; Маринович, 2001, с. 54 слл.). Опираясь на результаты, к которым она приходит, можно сделать сопоставление характера политических группировок двух столетий афинской демократии. Прежде всего бросаются в глаза следующие отличия. Во-первых, судя по всему, в IV в. до н. э. их размеры возросли по сравнению с гетериями V в. (ср. Демосфен. XIII. 20: «Оратор является предводителем, и полководец у него в подчинении, и еще *триста* (курсив наш. – *И. С.*) человек, готовых кричать ем у в лад…» – если, конечно, это не риторическое преувеличение). Во-вторых, как видим, реальными лидерами становятся не занимающие официального положения ораторы, а стратеги фактически выступают в роли их подручных; в V же веке эти две функции, как правило, соединялись в одном лице, причем более значимой была функция военная. В-третьих,

позиция группировок в большей степени, чем раньше, начинает обусловливаться экономическими интересами тех или иных слоев граждан. В V в. до н. э. подобного экономического детерминизма, во всяком случае, в явной форме, мы не обнаруживаем. В-четвертых, по словам Л. П. Маринович, «борьба этих групп начинает разрывать полис, выступая как фактор, ослабляющий его способность к выживанию» (Маринович, 1993, с. 134). Это – наследие подрывных методов гетерий эпохи Пелопоннесской войны. В лучшие годы афинской демократии V в. до н. э., как мы видели, все группировки, несмотря на имевшиеся разногласия, стремились сохранить стабильность полиса и, соответственно, не переходили в своем противоборстве за определенные пределы.

* * *

Аристократические ценности и традиции, на протяжении веков господства знати пропитавшие собой все стороны жизни полиса, впоследствии оказались неискоренимыми. Все это придало древнегреческим демократиям (в частности, афинской) неповторимый колорит: полисы, демократические по своему государственному устройству, оказались одновременно аристократическими по этосу, внутреннему духу. Даже при демократии в афинской социокультурной среде господствовали некоторые ключевые концепции аристократической идеологии: вера в наследственность человеческих качеств и способностей, в преимущества «от рождения», отношение к аристократии как к особой сословной группе (hoi kaloi kagathoi), своеобразный «республиканизм» (тоже аристократический принцип, утвердившийся после победы знати над басилеями), определенная шкала норм «джентльменского» поведения, включавшая в себя, в частности, негативное отношение к любому физическому труду, кроме земледельческого, и др. Одним из базовых критериев оценки индивида в Афинах всегда оставалось его происхождение. Это, кстати, вызвало обостренный интерес практически всех греческих авторов к генеалогическим штудиям. Аристократические ценности сохранялись, но просто как бы распространились на весь гражданский коллектив, на весь демос.

Этот последний нюанс заслуживает того, чтобы сказать о нем еще несколько слов. Нам приходилось иллюстрировать его конкретным примером – эволюцией института остракизма в Афинах (Суриков, 2006). Ранние формы остракизма («протоостракизм») возник в архаическую эпоху на стыке индивидуалистической и коллективистской тенденций

политической жизни, в их взаимном противоборстве. Отсюда, кстати, – его заостренная направленность против конкретных личностей, а не против каких-либо политических программ. А в конце VI в. до н. э. случилось буквально следующее. В ходе реформ Клисфена остракизм был передан в ведение народного собрания, стал прерогативой демоса, который, таким образом, крепко взял в свои руки древний аристократический институт.

Именно так демос поступал и с многими другими аристократическими по происхождению институтами, упоминавшимися выше, – с гоплитской фалангой, кодексами законов и др.: перенимал их у аристократии и приспосабливал «для себя». Следует подчеркнуть этот чрезвычайно важный момент. Специфика афинской (и вообще античной) демократии заключалась, помимо прочего, именно в том, что демос переносил на себя аристократические институты. Если Великая французская революция лишила аристократию всех ее привилегий, то «афинская революция» (выражение Дж. Обера, см. Ober, 1999) оставила эти привилегии в силе, но распространила их на всю массу граждан. В первом случае высшие слои опускаются до уровня низших, а во втором – низшие поднимаются до уровня высших. Афинский демос не ликвидировал аристократию, а сам во всей своей совокупности как бы стал аристократией. Нам поэтому кажется очень удачным определение афинского государственного устройства классической эпохи (во всяком случае, V в. до н. э.) как «аристократической демократии» (Roberts, 1986). По ходу эволюции социально-политического устройства этот аристократический характер был афинской демократией утрачен: к началу IV в. до н. э. данный процесс свершился в полной мере. Но не были ли аристократические элементы в определенной степени залогом силы, прочности, стабильности демократических Афин? Во всяком случае, их наивысший расцвет приходится именно на время существования этих аристократических элементов, пока они еще не были искоренены.

Список источников и литературы

1. Источники

Андокид. Речи. СПб., 1996.

Аполлодор. Мифологическая библиотека. М., 1993.

Аристотель. Афинская полития // Античная демократия в свидетельствах современников. М., 1996. С. 27–86.

Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 4. М., 1984. С. 375–644.

Аристотель. Риторика // Античные риторики. М., 1978. С. 15–164.

Аристофан. Комедии в двух томах. М., 1983.

Геродот. История. М., 1993.

Демосфен. Речи в трех томах. М., 1994–1996.

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979.

Исократ. Об упряжке // ВДИ. 1968. № 4. С. 197–208.

Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах. М., 1992.

Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. М., 1993.

Ксенофонт. Греческая история. СПб., 1993.

Лисий. Речи. М., 1994.

Павсаний. Описание Эллады в двух томах. М., 1994.

Платон. Собрание сочинений в четырех томах. М., 1990–1994.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах. М., 1994.

Плутарх. Застольные беседы. Л., 1990.

Псевдо-Ксенофонт. Афинская полития // Античная демократия в свидетельствах современников. М., 1996. С. 87–100.

Солон. [Стихотворения] // Эллинские поэты VIII–III вв. до н. э. Эпос, элегия, ямбы, мелика. М., 1999. С. 245–253.

Феогнид. Элегии // Эллинские поэты VIII–III вв. до н. э. Эпос, элегия, ямбы, мелика. М., 1999. С. 254–273.

Фронтин. Военные хитрости (Стратегемы). СПб., 1996.

Фукидид. История. М., 1993.

Meiggs R., Lewis D. A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. Revised ed. Oxf., 1989.

2. Учебники, учебные пособия, хрестоматии, справочная литература

Античная демократия в свидетельствах современников / Издание подготовили Л. П. Маринович, Г. А. Кошеленко. М., 1996.

Антология источников по истории, культуре и религии Древней Греции / Под ред. В. И. Кузищина. СПб., 2000.

Бикерман Э. Хронология древнего мира. М., 1975.

Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. М., 1991.

Историография античной истории / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1980.

История древнего мира / Под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой. Кн. 1–3. 3-е изд. М., 1989.

История Древней Греции / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1996.

Карпюк С. Г. Лекции по истории Древней Греции. М., 1997.

Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Учебно-методический комплекс. Ч. 1–2. Казань, 2000–2002.

Словарь античности / Пер. с нем. Отв. ред. В. И. Кузищин. М., 1994.

Соболевский С. И. Древнегреческий язык. СПб., 2000.

Суриков И. Е. Античная цивилизация: Греция. М., 1997.

3. Обязательная литература (ко всему курсу)

Андреев Ю. В. Цена свободы и гармонии: Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998.

Берве Г. Тираны Греции. Ростов-на-Дону, 1997.

Бузескул В. П. История афинской демократии. СПб., 2003.

Видаль-Накэ П. Черный охотник: Формы мышления и формы общества в греческом мире. М., 2001.

Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Ч. 1–2. СПб., 1997.

Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000.

Суриков И. Е. Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004.

Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005.

Суриков И. Е. Древняя Греция: история и культура. М., 2005.

Суриков И. Е. Остракизм в Афинах. М., 2006.

Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н. э.). СПб., 2002.

Bicknell P. J. Studies in Athenian Politics and Genealogy. Wiesbaden, 1972.

Connor W. R. The New Politicians of Fifth-Century Athens. Princeton, 1971.

Davies J. K. Athenian Propertied Families, 600–300 B.C. Oxf., 1971.

4. Дополнительная литература

К теме I:

Блаватская Т. В. Черты истории государственности Эллады (XII–VII вв. до н. э.). СПб., 2003.

Глускина Л. М. Фратрия и род в структуре афинского полиса в IV в. до н. э. // ВДИ. 1983. № 3. С. 39–52.

Залюбовина Г. Т. Динамика становления государственности в Афинах (Роль родовой аристократии) // Раннеклассовые формации. Теоретические проблемы становления государства и города. М., 1984. С. 10–21.

Залюбовина Г. Т. Рудименты агнатного права в раннеклассовых обществах Греции // Ранние цивилизации: государство и право. М., 1994. С. 3–16.

Лурье С. Я. К вопросу о роли Солона в революционном движении начала VI века // Ученые записки ЛГУ. № 39. Серия ист. наук. Вып. 4. Л., 1939. С. 73–88.

Молчанов А. А. Социальные структуры и общественные отношения в Греции II тысячелетия до н. э. М., 2000.

Яйленко В. П. Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990.

Bourriot F. Recherches sur la nature du genos: Étude d'histoire sociale athénienne. Periodes archaïque et classique. Lille – P., 1976.

Connor W. R. Lycomedes against Themistocles? A Note on Intragenos Rivalry // Historia. 1972. Bd. 21. Ht. 4. S. 569–574.

Daverio Rocchi G. Aristocrazia genetica ed organizzazione politica arcaica // La parola del passato. 1973. Vol. 28. Fasc. 148/149. P. 92–116.

Ehrenberg V. From Solon to Socrates: Greek History and Civilization during the 6th and 5th centuries B. C. L., 1968.

Ellis W. M. Alcibiades. L. – N. Y., 1989.

Ferguson W. S. The Salaminioi of Heptaphylai and Sounion // Hesperia. 1938. Vol. 7. No. 1. P. 1–74.

Frost F. J. Faith, Authority, and History in Early Athens // Religion and Power in the Ancient Greek World. Uppsala, 1996. P. 83–89.

Gomme A. W. The Population of Athens in the Fifth and Fourth Centuries B. C. Repr. ed. Westport, 1986.

Jacoby F. Abhandlungen zur griechischen Geschichtsschreibung. Leiden, 1956.

Kirchner I. Prosopographia Attica. Vol. 1–2. B., 1901–1903.

Littman R. J. Kinship in Athens // Ancient Society. 1979. Vol. 10. P. 5–31.

Littman R. J. Kinship and Politics in Athens 600–400 B.C. N. Y., 1990.

MacKendrick P. The Athenian Aristocracy 399 to 31 B. C. Cambridge Mass., 1969.

Ober J. Mass and Elite in Democratic Athens. Princeton, 1989.

Osborne M. J., Byrne S. G. A Lexicon of Greek Personal Names. Vol. 2. Attica. Oxf., 1994.

Roussel D. Tribu et cité. Études sur les groupes sociaux dans les cités grecques aux époques archaïque et classique. P., 1976.

Starr Ch. G. The Economic and Social Growth of Early Greece 800–500 B. C. N. Y., 1977.

Whibley L. Greek Oligarchies: Their Character and Organization. N. Y. – L., 1896.

К теме II:

Андреев Ю. В. Раннегреческий полис (гомеровский период). Л., 1976.

Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.

Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. 2 изд. СПб., 2001.

Зельин К. К. Борьба политических группировок в Аттике в VI веке до н. э. М., 1964.

Курбатов А. А. Роль аристократии в экономическом развитии греческого полиса VIII–VI вв. до н. э. // Античная гражданская община. М., 1986. С. 3–29.

Лурье С. Я. К вопросу о роли Солона в революционном движении начала VI века // Ученые записки ЛГУ. № 39. Серия ист. наук. Вып. 4. Л., 1939. С. 73–88.

Макаров И. А. Идеологические аспекты ранней греческой тирании // ВДИ. 1997. № 2. С. 25–42.

Надь Г. Греческая мифология и поэтика. М., 2002.

Никитский А. В. Драконт Евпатрид // Известия РАН. 1919. Т. 13. С. 601–614.

Семенов Ю. И. Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. М., 1993.

Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988.

Шишова И. А. Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. Л., 1991.

Яйленко В. П. Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990.

Arnheim M. T. W. Aristocrac y in Greek Societ y. L., 1977.

Eder W. The Political Significance of the Codification of Law in Archaic Societies // Social Struggles in Archaic Rome. Berkeley, 1986.

P. 262–300.

Ehrenberg V. From Solon to Socrates: Greek History and Civilization during the 6th and 5th centuries B.C. L., 1968.

Finley M. I. Politics in the Ancient World. Cambridge, 1983.

Ghinatti F. I gruppi politici ateniesi fino alle guerre persiane. R., 1970.

Gomme A. W. The Population of Athens in the Fifth and Fourth Centuries B. C. Repr. ed. Westport, 1986.

Humphreys S. C. A Historical Approach to Drakon's Law on Homicide // Symposion 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 17–45.

Kluwe E. Bemerkungen zu den Diskussionen über die drei „Parteien" in Attika zur Zeit der Machtergreifung des Peisistratos // Klio. 1972. Bd. 54. S. 101–124.

Lendon J. E. Spartan Honor // Polis and Polemos. Claremont, 1997. P. 105–126.

Mossé C. Classes sociales et régionalisme à Athènes au début du VIe siècle // L'Antiquité classique. 1964. Vol. 33. No. 2. P. 401–413.

Osborne R. Greece in the Making, 1200–479 B. C. L. – N. Y., 1996.

Raaflaub K. Homer to Solon: The Rise of the Polis // The Ancient Greek City-State. Copenhagen, 1993.

Raubitschek A. E. Dedications from the Athenian Akropolis. Cambridge Mass., 1949.

Roussel D. Tribu et cité. Études sur les groupes sociaux dans les cités grecques aux époques archaïque et classique. P., 1976.

Salmon J. Lopping of the Heads? Tyrants, Politics and the Polis // The Development of the Polis in Archaic Greece. L. – N. Y., 1997. P. 60–73.

Sealey R. Regionalism in Archaic Athens // Historia. 1960. Bd. 9. Ht. 2. S. 155–180. *Sealey R.* A History of the Greek City States ca. 700–338 B.C. Berkeley, 1976.

Sealey R. The Entry of Pericles into History // Perikles und seine Zeit. Darmstadt, 1979. S. 144–161.

Whitehead D. The Demes of Attica 508/7 – ca. 250 B.C. Princeton, 1986.

Williams G. M. E. Athenian Politics 508/7–480 B.C.: A Reappraisal // Athenaeum. 1982. Vol. 60. Fasc. 3/4. P. 521–544.

К теме III:

Дворецкая И. А., Залюбовина Г. Т., Шервуд Е. А. Кровная месть у древних греков и германцев. М., 1993.

Карпюк С. Г. Клисфеновские реформы и их роль в социально-политической борьбе в позднеархаических Афинах // ВДИ. 1986. № 1. С. 17–35.

Лурье С. Я. Антифонт: творец древнейшей анархической системы. М., 1925.

Строгецкий В. М. Полис и империя в классической Греции. Нижний Новгород, 1991.

Суриков И. Е. Афинский ареопаг в первой половине V в. до н. э. // ВДИ. 1995. № 1. С. 23–40.

Суриков И. Е. Политическая борьба в Афинах в начале V в. до н. э. и первые остракофории // ВДИ. 2001. № 2. С. 118–130.

Суриков И. Е. Аристид «Справедливый»: политик вне группировок // ВДИ. 2006. № 1. С. 18–47.

Brenne S. Ostrakismos und Prominenz in Athen. Wien, 2001.

Cawkwell G. L. The Fall of Themistocles // Auckland Classical Essays Presented to E.M. Blaiklock. Auckland, 1970. P. 39–58.

Cerrato T. Sofocle, Cimone, Antenore e i Veneti // Athenaeum. 1985. Vol. 63. Fasc. 1/2. P. 167–174.

Daverio Rocchi G. Politica di famiglia e politica di tribù nella polis ateniese (V secolo) // Acme. 1971. Vol. 24. Fasc. 1. P. 13–44.

Jones J. W. The Law and Legal Theory of the Greeks. Oxf., 1956.

Mossé C. De l'ostracisme aux procès politiques: le fonctionnement de la vie politique à Athènes // Istituto universitario orientale (Napoli). Annali. Sezione di archeologia e storia antica. 1985. Vol. 7. P. 9–18.

Ober J. The Athenian Revolution: Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory. Princeton, 1999.

Osborne R. Greece in the Making, 1200–479 B.C. L. – N. Y., 1996.

Sinclair R. K. Democracy and Participation in Athens. Cambridge, 1991.

Thomsen R. The Origin of Ostracism. Aarhus, 1972.

К теме IV:

Маринович Л. П. Гражданин на празднике Великих Дионисий и полисная идеология // Человек и общество в античном мире. М., 1998. С. 295–362.

Суриков И. Е. Афинский ареопаг в первой половине V в. до н. э. // ВДИ. 1995. № 1. С. 23–40.

Суриков И. Е. Перикл и Алкмеониды // ВДИ. 1997. № 4. С. 14–35.

Суриков И. Е. Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н. э. М., 2002.

Фролов Э. Д. Политические лидеры афинской демократии // Политические деятели античности, средневековья и Нового времени. Л., 1983. С. 6–22.

Badian E. The Ghost of Empire. Reflections on Athenian Foreign Policy in the Fourth Century B.C. // Die athenische Demokratie im 4.

Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. S. 79–106.

Bicknell P. J. Athenian Politics and Genealogy: Some Pendants // Historia. 1974. Bd. 23. Ht. 2. S. 146–163.

Finley M. I. The Ancient Economy. Berkeley, 1973.

Homo L. Périclès: Une expérience de démocratie dirigée. P., 1954.

Loraux N. The Invention of Athens: The Funeral Oration in the Classical City. Cambridge Mass., 1986.

Mossé C. De l'ostracisme aux procès politiques: le fonctionnement de la vie politique à Athènes // Istituto universitario orientale (Napoli). Annali. Sezione di archeologia e storia antica. 1985. Vol. 7. P. 9–18.

Raaflaub K. Den Olympier herausfordern? Prozesse im Umkreis des Perikles // Große Prozesse im antiken Athen. München, 2000. S. 97–113.

Ruschenbusch E. Athenische Innenpolitik im 5. Jahrhundert v. Chr.: Ideologie oder Pragmatismus? // Bamberg, 1979.

Sealey R. Regionalism in Archaic Athens // Historia. 1960. Bd. 9. Ht. 2. S. 155–180.

Will W. Perikles. Reinbek, 1995.

К теме V:

Карпюк С. Г. Никий: доблесть политика // ВДИ. 1994. № 3. С. 38–57.

Лурье С. Я. История античной общественной мысли. М.-Л., 1929.

Маринович Л. П. Греки и Александр Македонский. М., 1993.

Маринович Л. П. Античная и современная демократия: новые подходы. М., 2001.

Суриков И. Е. К историко-хронологическому контексту последнего афинского остракизма // Античность: эпоха и люди. Казань, 2000. С. 17–27.

Суриков И. Е. DEMOTEUTAI: Политическая элита аттических демов в период ранней классики // ВДИ. 2005. № 1. С. 15–33.

Arnheim M. T. W. Aristocracy in Greek Societ y. L., 1977.

Babelon E. Alcibiade. P., 1935.

Ellis W. M. Alcibiades. L. – N.Y., 1989.

Gomme A. W. The Population of Athens in the Fifth and Fourth Centuries B. C. Repr. ed. Westport, 1986.

Hatzfeld J. Alcibiade. P., 1940.

MacKendrick P. The Athenian Aristocracy 399 to 31 B.C. Cambridge Mass., 1969.

Murray O. The Affair of the Mysteries: Democracy and the Drinking Group // Sympotika: A Symposium on the Symposion. Oxf., 1990. P. 149–161.

Ober J. The Athenian Revolution: Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory. Princeton, 1999.

Roberts J. T. Aristocratic Democracy: The Perseverance of Timocratic Principles in Athenian Government // Athenaeum. 1986. Vol. 64. Fasc. 3/4. P. 355–369.

Schachermeyr F. Religionspolitik und Religiosität des Perikles. Wien, 1968.

Taeger F. Alkibiades. München, 1943.

Will W. Thukydides und Perikles. Bonn, 2003.

5. Интернет-ресурсы

http://argos.evansville.edu/
http://centant.pu.ru/
http://www.chass.utoronto.ca/attica/
http://www.csad.ox.ac.uk/
http://www.gnomon.ku-eichstaett.de/
http://www.perseus.tufts.edu/
http://www.trentu.ca/ahb/

Примерная тематика курсовых работ и рефератов

От протополиса к полису: формирование аристократических режимов.

Генеалогия и просопография в изучении афинской аристократической элиты.

Аристократия архаической Греции: характеристика социального слоя.

Аристократы в жизни досолоновских Афин.

Солон: демократический реформатор или аристократический политик?

Аристократы и тираны в архаических Афинах.

Аристократия, демос и реформы Клисфена.

Афинские политические группировки в первый период греко-персидских войн.

«От Клисфена до Эфиальта»: переходный период становления афинской демократии.

Идеология аристократии и идеология демоса в классических Афинах.

Реформы середины V в. до н. э. как этап развития демократического устройства.

Перикл и аристократическая политика.

Смена типа политического лидера в период после Перикла.

Характеристика Алкивиада как типа политического лидера.

Политическая жизнь Афин в V и IV вв. до н. э.: сравнительный анализ.

Контрольные вопросы к зачету

Формирование и специфика полисного типа государственности.

Полисная система ценностей. Типология полисов.

Древнегреческий аристократический род.

Генеалогическая традиция аристократов и ее манифестация.

Архаический аристократический полис.

Механизмы влияния аристократии в архаических Афинах.

Индивидуализм и коллективизм в Греции эпохи архаики.

Ранние Афины и их аристократическая элита.

Реформы Солона и аристократия.

Архаическая тирания, аристократия и демос.

Деятельность Писистрата и аристократия.

Аристократия в период правления сыновей Писистрата.

Аристократы и складывание политической системы афинской демократии.

Реформы Клисфена и изменение механизмов политического влияния.

Остракизм и его функции.

Политическая борьба в Афинах в начале V в. до н. э.

Аристид и Фемистокл, их место в истории становления афинской демократии.

V в. до н. э. как переходный период от аристократического устройства к развитой демократии.

Политические тенденции в эпоху Кимона.

Демократические реформы Эфиальта и Перикла.

Перикл: личность, характер и мировоззрение.

Борьба Перикла с Кимоном и Фукидидом, сыном Мелесия.

Роль Перикла в сломе традиционной аристократической ментальности.

Внутриполитическая обстановка в период Пелопоннесской войны: «новые политики».

Клеон и Никий.

Деятельность Алкивиада в контексте истории афинской политической элиты.

Характер политической борьбы и политических группировок в классических Афинах.

Политическая жизнь Афин в IV в. до н. э.: «конец аристократии».